

Виктор
Храпунов

Я обвиняю!

О диктатуре Нурсултана
Назарбаева

« Вождь всегда прав, и тех, кто
в этом сомневается, призывают
к порядку КНБ и суд ».

Виктор Храпунов

Le
Ver
à Soie

TAM@IZDAT

Виктор Храпунов

Я обвиняю!

Почему я написал эту книгу

Еще несколько лет назад я был преуспевающим казахстанским государственным деятелем, пользовался уважением коллег и населения. Сегодня я подвергаюсь угрозам со стороны власти, которой я слишком долго служил, из-за чего вынужден жить за пределами страны.

Это тем более обидно, что я посвятил всю свою жизнь работе на благо своей страны, несмотря на нарастающее разочарование, причиной которого стали авторитарные наклонности главы государства, Нурсултана Назарбаева, и аппетиты его семьи, постепенно присвоившей огромные богатства Казахстана. Будучи специалистом в области энергетики и хорошим управленцем, я надеялся, что сумею, на своем уровне, преградить дорогу узаконенному грабежу и хоть немного улучшить жизнь населения. Я был настолько наивен, что намеревался даже принять предложение президента и стать премьер-министром, чтобы вычистить Авгиевы конюшни, в которые превратились высшие эшелоны казахстанского руководства. Понадобилось множество внушавших тревогу событий, в частности убийства двух видных деятелей, осмелившихся поднять голос против режима, чтобы у меня раскрылись глаза.

Нурсултан Назарбаев это почувствовал. Всего за несколько лет я стал нежелательным элементом. Брак моего сына с дочерью опального олигарха Мухтара Аблязова, которого Назарбаевым объявил преступником, ситуацию не улучшил. В 2007 году я оставил все свои официальные посты, покинул Казахстан и обосновался в Швейцарии. Когда президент узнал, что у меня нет намерения ни возвращаться, ни вымаливать прощение у его ног, на меня, мою жену Лейлу, наших родителей и детей, а также на других родственников обрушились гонения. Прокуратура Казахстана выдвинула против моей семьи два десятка

совершенно абсурдных обвинений, а в официальной прессе нас именовали организованной преступной группой.

С момента прибытия в Швейцарию я и вся моя семья подвергаемся психологической пытке. Нужно понимать главное: я никогда не занимался политикой в том понимании, которое принято в европейских и других цивилизованных странах. На всех своих постах – мэра Алматы¹, министра энергетики, губернатора, затем главы Министерства чрезвычайных ситуаций – я был управляющим высокого ранга, который работает на благо своих сограждан. Внезапное обвинение меня в преступлениях, через столько лет после моего отъезда из страны, является унижением моего достоинства, попыткой очернить и вычеркнуть меня из истории моей страны.

Что делать в подобной ситуации? У меня нет никакой надежды защитить себя в суде: в Казахстане не существует независимого правосудия. Поэтому я выбрал контратаку. На протяжении почти двух десятилетий истории Республики Казахстан я находился во властных структурах и стал свидетелем гнусных преступлений режима, начиная с использованных властью механизмов «приватизации» страны. Именно об этом я в течение двух лет рассказывал в многочисленных интервью международной прессе и статьях, выложенных на моем сайте на четырех языках².

Кроме того, я думаю, что пришло время подвести итоги моей бурной жизни, разнообразные события которой вплетены в новейшую историю Казахстана, защитить свою честь и деятельность на благо народа Казахстана. Эта автобиография дает мне также возможность выступить с обвинительным актом против «феномена Назарбаева», который, несмотря на коррупцию и авторитаризм, пользуется международным престижем.

Одиноким воином, я выступаю против мощной структуры, которая обладает огромными средствами и имеет множество соучастников. Я не помышляю о победе над ней, я надеюсь просто быть услышанным. Как и любая диктатура, диктаторский режим в Казахстане не вечен, и, если мой

¹ В советский период город назывался Алма-Ата, но для простоты я использую его нынешнее название, Алматы.

² См. <http://www.viktor-khrapunov.com/fr/>

скромный голос рано или поздно внесет свой вклад в его падение, я буду считать свою задачу выполненной.

I. Казахстанское детство

Как объяснить, почему я, русский человек, так привязан к своей родине, Казахстану? Возможно, просто потому, что я родился, вырос и прожил большую часть жизни в этой стране с ее суровым климатом и душевными людьми, самой интернационалистской стране на всем постсоветском пространстве.

В Казахстане жило не одно поколение моей семьи. Мои предки с материнской стороны прибыли туда в начале двадцатого века в связи с аграрной реформой Столыпина, которая облегчила получение земельных участков для крестьян, готовых переехать в Сибирь и другие приграничные районы империи. Что же касается моего деда по отцовской линии, Алексея, принадлежавшего к дворянскому сословию и владевшего имением под Пермью, на Урале, то его семья, включая жену Елену и пятерых детей, после большевистской революции решила бежать в Китай, спасаясь от красного террора. Когда до вожденной границы с Китаем оставалось каких-то 300 километров, все члены семьи, заболев тифом, застряли на востоке Казахстана. С тех пор жена деда и пятеро их детей больше о нем никогда не слышали. Что с ним стало? Еще долгие годы мои родители тешили себя надеждой, что в один прекрасный день он вернется в Казахстан...

Мой отец, младший из пятерых детей, жил со своей матерью вплоть до ее кончины, незадолго до начала Второй мировой войны. В 1940 году он участвовал в войне с Финляндией, а затем воевал с фашистами. В 1943 году, во время страшной Сталинградской битвы, был тяжело ранен, прикрывая с пулеметом отход своей части. Вернувшись домой инвалидом, он встретил мою будущую маму, семнадцатилетнюю сироту, отец которой, в прошлом офицер царской армии, был расстрелян во время сталинских чисток.

Нас было семеро братьев и сестер; у наших родителей, скромных служащих, жизнь была нелегкой. Мой отец, бухгалтер, возглавлял контрольную комиссию Глубоковского райкома партии на востоке Казахстана, а мама работала в одном из подразделений Министерства заготовок. В 1951 году, когда мне было три года, отец был арестован за принадлежность к кружку людей, размышлявших на политические темы. Как пишет Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба»: люди, прошедшие войну, стремились сделать свою страну более свободной, но сталинский режим быстро положил конец всякой интеллектуальной деятельности, не подчиненной партийному контролю. После судебного процесса, который оставил гнетущий след в моей детской памяти, отец был приговорен к двенадцати годам лагерей строгого режима. Я помню, как прощались мои родители после объявления приговора, как увели отца, как утащили в соседнюю комнату маму и я несколько минут ждал ее в пустом зале судебного заседания, где стояли три стула с высокими спинками – для судей.

Мать осталась с нами одна, а поскольку она часто работала до поздней ночи (Сталин по ночам бодрствовал, и всем чиновникам приходилось следовать его примеру), мы в это время были предоставлены сами себе. Вот так однажды, в возрасте четырех лет, когда мы с моим восьмилетним братом и шестилетней сестрой оставались одни дома, я, забавляясь, поджег газету. Огонь перекинулся на лежащий на полу матрас. Мы начали задыхаться от дыма, но сделать ничего было нельзя: уходя на работу, мать запирала дверь на ключ. Брат попытался отнести горящий матрас в другую комнату и получил сильные ожоги. К счастью, соседи вовремя вызвали пожарных: мы все втроем были уже без сознания. Нас спасли, но врачам пришлось ампутировать брату правую руку...

Смерть Сталина в 1953 году изменила положение в стране. Сотни тысяч заключенных освободились из лагерей и были реабилитированы. Мой отец вернулся домой, но не захотел восстановиться в партии и работать на прежних должностях. «Партия не защитила меня, когда я в этом нуждался», – ответил он партийным работникам, которые ему это предлагали. С тех пор он больше не сказал ни единого слова о партии – ни худого, ни доброго.

Мне повезло, что моя семья была любящей и сплоченной. И отец, и мать были людьми образованными и порядочными, они не понимали, как можно делать низости, и воспитали нас в том же духе. Мы безмерно уважали родителей, обращались к ним на Вы. Я никогда бы не смог сказать «ты» моему отцу! И, главное, у нас в семье царил мир. Если возникали какие-то проблемы, мы обсуждали и решали их спокойно, по-дружески. Так как семья была большая, а жизнь нелегкая, все помогали родителям, как могли: брат летом работал вожатым в пионерском лагере, другие дети также подрабатывали. Кроме того, мы жили в деревне и держали скот и птицу, возделывали огород, чтобы иметь свою картошку и другие овощи. В то время мало у кого была возможность покупать книги, но папа подписался на «Роман-газету», выходявшее дважды в месяц периодическое издание, где печатались романы с продолжением; он читал нам по вечерам вслух, а потом мы обсуждали эти произведения. В пять лет я уже умел читать и записался в районную библиотеку; думаю, что был там самым юным читателем. Позднее я начал собирать собственную библиотеку: Дюма, Джек Лондон, Толстой, Новиков-Прибой, Беляев – всё, что удавалось раздобыть. К сожалению, провинциальные книжные магазины снабжались очень плохо.

После возвращения из лагеря отец стал главным бухгалтером в одном из подразделений Всесоюзного объединения по заготовке скота, а мама перешла работать на речную пристань. Папа часто брал меня с собой в командировки – вот так я познакомился с обычаями казахов и их замечательным гостеприимством. Мой отец хорошо знал казахский язык и обычаи страны – может быть, по этой причине нас всегда принимали очень радушно. Казахские скотоводы хранили свои традиции: большие патриархальные семьи, глубокое почтение к старикам, традиционный, умеренный ислам. Казахские женщины, с большим уважением относящиеся к своим мужьям и преданные своим семьям, были все-таки гораздо более раскрепощенными, чем их узбекские, туркменские или таджикские сестры и, в отличие от тех (я говорю прежде всего о пожилых женщинах), не носили хиджабы.

Позднее, когда Заготскот был ликвидирован, отец поступил на работу на маслодельный завод, где проработал до пенсии. Но воспользоваться этой

пенсией он не успел, так как скончался в возрасте 66 лет – боевые раны и пребывание в лагерях подорвали его здоровье.

Я вовсе не ропщу на судьбу. Один дед эмигрировал, другой расстрелян, отец в ходе чисток попал в тюрьму – что может быть обычнее, даже банальнее в трагической истории советских людей? Скорее, можно порадоваться, что ни обе мои бабушки, ни моя мать не разделили участь десятков тысяч других женщин, отправленных в ГУЛАГ в качестве «жен врагов народа», и что их дети не попали в приюты или лагеря для малолеток. И конечно, нужно быть благодарным судьбе, что мой отец остался в живых на войне, унесшей более двадцати миллионов жизней...

Трагическая история казахов

Разоблачения Никитой Хрущевым на XX съезде КПСС сталинских преступлений лишь немного приподняли непроницаемый занавес лжи и недомолвок в истории моей страны. Нужно было дождаться Перестройки и начала посткоммунистической эпохи, чтобы была раскрыта вся правда. Ибо история советского Казахстана особенно трагична, даже в сравнении с судьбой других советских республик.

В XVII в. русские казаки, поселившиеся в Сибири, начали колонизировать Казахстан, населенный в то время кочевыми племенами, принадлежавшими к казахской и киргизской народностям и образующими различные ханства. В течение трех веков восстания местных ханов подавлялись, места зимовок умышленно разрушались и заселялись русскими крестьянами. Только с 1906 по 1912 годы 500 тысяч крестьянских семей переехали в Казахстан из центральных областей России, тогда как казахи и киргизы были изгнаны с плодородных степных земель.

После Октябрьской революции народы Средней Азии надеялись, что для них наступила новая эра, что они освободятся от колониального ига. Но автономии, провозглашенные местными жителями под руководством меньшевиков, были подавлены Красной армией, а их лидеры в начале 1920-х годов расстреляны. Так открылась новая мрачная страница в

истории региона. На протяжении 1920-х и до середины 1930-х годов Сталин активно перекраивал территории для создания среднеазиатских республик. Не желая, чтобы те стали мононациональными, он устраивал искусственные границы – история показала, что это смешение народов, зачастую враждебных друг другу, было настоящей бомбой замедленного действия. В качестве союзной республики Казахстан был создан только в 1936 году, однако его границы почти тридцать лет спустя сузил взбалмошный Хрущев. Он сделал Украине «подарок» в виде российского Крыма, часть казахстанской территории была «подарена» Российской Федерации, а две казахстанские области – Узбекистану.

При президенте Викторе Ющенко Украина сумела привлечь внимание всего мира к трагедии Голодомора, искусственного голода, устроенного Сталиным в 1932–1933 годах, чтобы сокрушить сопротивление украинских крестьян принудительной коллективизации. Между тем мало кто знает о сходной трагедии казахского населения, уже и без того сильно поредевшего от чудовищного голода 1919–1922 годов, который унес почти миллион жизней. Поскольку невозможно было создать колхозы из скотоводов-кочевников, советская власть принуждала их переходить к оседлости. Эта резкая перемена образа жизни привела к массовой эпизоотии скота, в то время как мясо – основной продукт питания кочевых животноводов. За полтора года более полутора миллионов казахов умерли с голоду и сотни тысяч убежали в Китай. Согласно переписи 1939 года, в стране оставалось только 3,1 миллиона представителей ее коренного этноса.

Сталин ухитрился еще больше разбавить местное население, отправив в Казахстан миллионы ссыльных. Казахские степи, которые занимают почти половину территории страны, отличает суровый континентальный климат: столбик термометра может опускаться зимой до минус 50 градусов, а летом подниматься до 50 градусов жары. Это сюда с 1936 по 1944 годы прибыли целые народы, объявленные «опасными» и «преступными» и депортированные по приказу Сталина: поляки, корейцы, немцы Поволжья, греки, крымские татары, множество кавказских народностей, в том числе чеченцы и ингуши. Все они были оставлены на произвол судьбы в контролируемых зонах; людям пришлось самим

строить себе жилища и возделывать малопродуктивные земли, чтобы выжить (половина депортированных погибли на казахстанской земле). Одновременно с этим в Казахстан привезли миллионы заключенных из переполненных сибирских лагерей. Названия зловещих щупалец тюремной системы, такие как АЛЖИР (Акмолинский лагерь для жен изменников родины), Карлаг и Степлаг, увековечены Александром Солженицыным в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Так Казахстан превратился в печальный советский интернационал сосланных и угнетенных Сталиным народов.

Новый этап колонизации связан с именем Никиты Хрущева. Поскольку сельское хозяйство на основе колхозов оставалось малопродуктивным, Хрущев решил освоить миллионы гектаров целины в казахстанских степях, чтобы увеличить урожай пшеницы и сократить закупки зерна за границей. Подъем целины был объявлен «комсомольской стройкой», и миллионы молодых людей, главным образом из трех славянских республик – России, Украины и Белоруссии, были мобилизованы на строительные и полевые работы. Если студенты прибывали только на два-три месяца, на время летних каникул, то более миллиона славян, соблазненных хорошими зарплатами, окончательно поселились в Казахстане. В 1959 году всего 30% из 9,3 миллиона жителей страны были этническими казахами.

Языковая политика также была недружественной по отношению к казахам. Когда по окончании гражданской войны проводилась ликвидация неграмотности, традиционный арабский алфавит был заменен на латинский (в 1929 году), а в 1940 году на смену ему пришла кириллица. Казахам, таким образом, лишили доступа и к собственной классической литературе, и к литературе других тюркских народов, и к Корану. Мало-помалу казахское население, сильно разбавленное, в значительной мере утратило как свою национальную идентичность, так и язык. В 1957 году в тогдашней столице, Алматы, оставалась лишь одна школа с обучением на казахском языке, а на всю страну был только один институт, где преподавание велось на казахском, – педагогический, в котором готовили учителей начальных школ для сельской местности.

Проклятие военно-промышленного комплекса

Такая ползучая советская колонизация под прикрытием лозунга о «дружбе народов», объясняется в первую очередь необычайным богатством казахстанской земли. Газ и нефть, уран и цинк, титан и хром, золото и медь, серебро и молибден – трудно найти такой элемент в таблице Менделеева, которого бы здесь не было. Гигантская по своему размаху индустриализация страны, предпринятая в 1930-е годы, получила новый импульс во время Второй мировой войны, когда сотни крупных заводов были эвакуированы в Казахстан с европейских территорий Советского Союза, часть которых была оккупирована Германией. Благодаря рабскому труду миллионов заключенных и депортированных были выстроены города и рабочие поселки, заводы и шахты, дороги и мосты. Буквально за двадцать лет моя страна стала сырьевым придатком огромного военно-промышленного комплекса СССР.

После войны Сталин решил создать в моей стране, к югу от реки Иртыш, Семипалатинский ядерный полигон (18 тыс. кв. км) для ядерных испытаний. Здесь 29 августа 1949 года были проведены испытания первой советской атомной бомбы, затем, в 1953 году, – первой термоядерной. Весь этот район подвергся серьезному заражению, так как ядерные заряды, взорванные под землей и в воздухе между 1949 и 1953 годами, в две с половиной тысячи раз превосходили по мощности бомбу, сброшенную на Хиросиму. Тяжкие последствия этих взрывов для здоровья людей никогда не были признаны официально, в то время как сотни тысяч казахстанцев были поражены раком, а пороки развития среди новорожденных стали обычным делом. Можно утверждать, что генофонду местного населения нанесен вред на сотни лет вперед.

Советский военно-промышленный комплекс воспользовался стратегическим положением казахстанских степей, чтобы построить там и другие крупные военные объекты. Так, военный полигон Байконур, первоначально предназначенный для испытаний баллистических ракет, в том числе межконтинентальных, стал первым космодромом планеты. В

Казахстане были построены многие военные базы и аэродромы, а в закрытом городе Степногорске, не значащемся на географических картах, возведены два комбината, где производили обогащенный уран и бактериологическое оружие. Секретные испытания бактериологического оружия, запрещенного международными конвенциями, проводились с 1942 по 1992 годы, то есть в течение полувека, на острове Возрождения (какая ирония судьбы!) в Аральском море.

Бездумная милитаризация привела и к пагубным экологическим последствиям. Для оснащения Советской армии межконтинентальными баллистическими ракетами необходимо было резко увеличить производство хлопка, важной составляющей топлива этих ракет. Однако этого нельзя было добиться без интенсивного орошения полей Южного Казахстана и Узбекистана, где хлопок стал монокультурой в ущерб жизненным интересам двух этих стран. Для нужд орошения стали забирать практически всю воду двух рек, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, впадающих в Аральское море. За двадцать лет большая часть этого внутреннего моря, некогда одного из самых больших озер мира, превратилась в пустынную землю³, пострадала и огромная территория вокруг высохшего озера. Мало того что здесь больше нет ни судоходства, ни рыбной ловли, так еще и пестициды и другие токсические вещества, в прошлом скапливавшиеся на глубине, превратились в пыль, которую песчаные бури переносят за сотни километров от озера. Остров Возрождения соединился теперь с берегом, и никто не знает, не заразятся ли рано или поздно местные грызуны зарытыми в земле бациллами серьезных болезней, таких как сибирская язва, чума, мальтийская лихорадка, ботулизм и т.д. Остается лишь молиться, чтобы этот катастрофический сценарий не воплотился в жизнь. Во всяком случае, климат региона стал еще более континентальным, многие виды растений и животных исчезли, население страдает одновременно и от безработицы, и от тяжелейших проблем со здоровьем, включая пороки развития у новорожденных и повышенную детскую смертность. Десять лет назад казахский писатель Абдижамил Нурпеисов посвятил этой трагедии роман-диалогию «Последний долг».

³ Новая пустыня называется Аралкум.

Юность

Обо всем этом я узнал гораздо позже. В юности я имел смутное представление об истории моей страны и состоянии ее природного наследия. В 1964 году, в возрасте пятнадцати лет, я закончил восемь классов, и на семейном совете было решено послать меня в техникум, чтобы я с юных лет мог быстро получить интересную профессию. Я выбрал техникум в Усть-Каменогорске, успешно выдержал вступительные экзамены и стал изучать автоматизацию промышленных поточных линий. Я учился с удовольствием, но за полгода до окончания техникума случилась история, которая поломала мои планы.

21 декабря 1967 года мой друг, Егоров Геннадий, защитил диплом, по окончании техникума. Мы сидели с друзьями в общежитии. Решили сделать фотографию на память. Я постучал в дверь к соседу, чтобы одолжить у него фотоаппарат, но он отказал мне и грубо обругал. Я разозлился и ударил его. А поскольку я занимался боксом, удар получился довольно сильным. Дело кончилось тем, что парень пошел жаловаться в дирекцию, и мне досталось. Несмотря на то, что я был очень хорошим учеником, меня исключили из техникума и я лишился отсрочки от призыва на военную службу, которую предоставляли учащимся. Так что я на два года попал в армию и только после этого продолжил занятия.

В январе 1968 года я был призван на военную службу. Мои родители были этим сильно расстроены. Я вспоминаю, что по случаю моего отъезда отец купил бутылку вина и мы вместе выпили, я – первый раз в жизни. Моя служба в рядах Советской армии проходила сначала в Иркутске, потом в Красноярске, затем я был переведен в Томскую область, в ракетные войска. Я служил в секретной части, территория которой была окружена забором с колючей проволокой, в глубокой тайге. Зима 1967–1968 годов была самой холодной за сто двадцать пять лет, температура опускалась до 52 градусов ниже нуля. Из старых шинелей мы шили себе маски, в которых вырезали только отверстия для глаз. Я вспоминаю свой первый караул: патруль продвигался в полной темноте, снег скрипел под сапогами, и

вдруг раздался ужасный треск, по звуку напоминавший выстрел, – это из-за мороза по всей длине сломалась береза. В то время вся молодежь обожала шпионские романы, и я не был исключением. В начале моей службы я во все это верил, и теперь изо всех сил всматривался в темноту – не спрятался ли за деревом шпион, решивший проникнуть на территорию нашей базы...

Расскажу об эпизоде, показывающем, насколько мы были оболванены пропагандой. Это было во время конфликта между СССР и Китаем из-за острова Даманский (по-китайски – Женьбао), находящегося на реке Уссури, на российско-китайской границе. В нашу часть привезли солдата, потерявшего руку в битве за Даманский, «героя», который нам долго рассказывал об этой эпопее. Внезапно нам велели построиться, и командир сказал: «Кто желает поехать на Даманский, шаг вперед!». Все молча шагнули вперед. Мне только исполнилось девятнадцать лет, но я был готов сражаться против китайцев и даже умереть за этот кусок земли площадью меньше квадратного километра! К счастью, это была лишь проверка на прочность наших моральных устоев. Мы принадлежали к специальному подразделению, и наше присутствие здесь было необходимо, чтобы охранять в высшей степени секретный комплекс – расположенный в 12 км от Томска закрытый город Томск-7, где находились комбинаты по производству обогащенного урана, оружейного плутония и тяжелой воды, а также были размещены противоракетные установки. Этот город под именем Северск и комбинаты, построенные в 1930-х годах заключенными ГУЛАГа, существуют и по сей день.

По прибытии в полк я не избежал встреч с дедовщиной, но благодаря моему боксерскому опыту мне удалось быстро внушить «старикам» уважение к себе. Однако мой вспыльчивый характер снова сыграл со мной злую шутку. В ходе стычки между двумя командами во время волейбольного матча, один сержант из команды соперника, нарушившей правила игры, обозвал меня «придурком». Я потребовал извинений, а когда он отказался это сделать, ударил его по лицу. Парень свалился на землю, и пришлось везти его в больницу. Я совершил поступок, противоречащий армейскому уставу: рядовой ни в коем случае не может ударить старшего по званию. За это «злодеяние» я мог загреметь на три

года в дисциплинарный батальон. К счастью, командир полка решил не передавать это дело в военный трибунал: пострадавший сержант был настоящей скотиной, и все это знали. Это послужило мне уроком: раз и навсегда я научился контролировать свои эмоции.

После возвращения домой в 1969 году я закончил техникум, защитив на отлично дипломный проект. В качестве награды меня направили на работу на Алматинскую ТЭЦ, построенную в 1935 году. Работая на станции (сначала наладчиком автоматических систем, а затем мастером), я поступил на вечернее отделение университета. В 1977 году я получил диплом о высшем образовании с отличием, что позволило мне быстро продвигаться по служебной лестнице: в свои 29 лет я был назначен на должность начальника турбинного цеха. Как и повсюду, на станции эксплуатировалось устаревшее оборудование, но люди работали не щадя сил: руководство навязывало нам очень тяжелые условия труда и насаждало потогонную систему. Это было нормой для энергетиков всего Советского Союза.

Однако продвижение по службе никак не помогало в решении самой большой моей проблемы: жилья. Когда я приехал в Алматы, мне предоставили место в рабочем общежитии, где я обосновался вместе с женой, с которой познакомился в техникуме. Даже рождение двух дочек, в 1971 и в 1975 годах, ничего не изменило. У нас была единственная комната в общежитии для семейных, где еще десяток семей делили с нами кухню и туалет.

История, благодаря которой я получил квартиру, иллюстрирует общее состояние промышленности и инфраструктуры в конце советской эпохи. В ночь с 4 на 5 февраля 1984 года в моем цехе произошел разрыв трубопровода горячей воды. Примчавшись туда, я увидел машину скорой помощи: кто-то уже получил сильные ожоги и нуждался в экстренном медицинском вмешательстве. Я быстро надел болотные сапоги и бросился в цех. Я оставался там четыре часа, организуя работы по замене аварийного участка трубопровода. Болотные сапоги не помогли: меня еле удалось спасти. На рассвете меня привезли в госпиталь в ужасном состоянии: я был обожжен от пояса до ступней, сапоги и брюки с меня снимали вместе с кожей.

В реанимации на мое выживание не возлагали больших надежд: 43 % кожного покрова были серьезно обожжены. Мне повезло: моим лечением занимался доктор медицинских наук, профессор К. А. Пальгов, известный травматолог. После недолгого пребывания в реанимации мне прописали шесть сеансов «барокамеры». Больного помещают в стеклянный скафандр, куда под давлением накачивают кислород, который проникает в ткани, препятствует их некрозу и способствует заживлению. Первые пять сеансов прошли нормально, но во время шестого у меня появились галлюцинации: мне казалось, что я окружен пламенем и дымом. А когда меня перевезли в палату, начался приступ тахикардии и наступила клиническая смерть. Вот тогда я увидел себя снаружи, в туннеле, в окружении людей, одетых в полупрозрачные серые одежды, с лицами пепельного цвета. Затем неведомая сила оторвала меня от этой процессии мертвецов и перенесла в мирный пейзаж: лазурь реки, зеленые лужайки, на которых пасется скот, люди, одетые в белые одежды. Я хотел заговорить с ними, но они меня не понимали. Хотел подойти к столу, где сидел человек с нимбом над головой, но они помешали мне приблизиться к нему. Внезапно я почувствовал острое желание увидеть свою родную деревню, Предгорное. И вот я уже там, я вижу свой поселок, свой дом, свою семью вокруг стола. Но внутренний голос мне говорит, что нужно вернуться в больницу...

Эти видения, которые в научной литературе носят название «опыт неминуемой смерти», были самым сильным впечатлением моей жизни, чем-то вроде «полета в небесах». К этому моменту мне уже удалили часть омертвевших тканей на пятках, и некроз грозил затронуть кость. Но после этого чуда я начал быстро поправляться, хотя полное выздоровление заняло девять месяцев. И тогда случилось другое чудо: авария на работе, которая чуть не стоила мне жизни, дала мне то, чего я так долго ждал: мэр Алматы дал распоряжение предоставить мне первую освободившуюся квартиру.

Вспоминая советское время, я отдаю себе отчет в том, как тяжело все мы жили. Но мы были воспитаны в духе гордости за свою великую Родину, Советский Союз, и за нашу республику, Казахстан. Нужно сказать, что первый секретарь компартии Казахстана Динмухамед Кунаев, человек

образованный и незаурядный, пользовался у нас большим авторитетом. Назначенный в 1964 году, он сумел за два десятка лет удвоить промышленный потенциал Казахстана, главным образом благодаря личной дружбе с Леонидом Брежневым: первые секретари союзных республик боролись за то, чтобы добиться благоприятных решений центра и постоянно соревновались между собой. Особенно очевидным было соревнование между Кунаевым и Рашидовым, первым секретарем компартии Узбекистана. Каждый старался превратить свою столицу в самый красивый город Средней Азии. К концу 1960-х годов Ташкент, казалось, побеждал: сильнейшее землетрясение 1966 года разрушило старые саманные домишки, и город был полностью перестроен. Но, когда в Ташкенте открыли метро, Кунаев добился от Брежнева согласия построить метро и в Алматы. Затем была воздвигнута очень высокая телебашня на горе Кок-Тюбе, в Алматы, и быстренько такую же возвели в Ташкенте. Словом, дух соревнования придавал динамизм развитию обоих городов...

Жители Алматы особенно восхищались Кунаевым, поскольку он модернизировал город и превратил его в настоящую жемчужину Средней Азии, самый приятный для жизни город Казахстана. Впервые я увидел Алматы в 1968 году: наша часть возвращалась в Томск после боевых стрельб на ракетном полигоне возле озера Балхаш. Поезд из теплушек, в котором нас везли, долго стоял на путях неподалеку от Алматы, и я был поражен видом этого города, словно вскарабкавшегося на холмы у подножия массива Заилийского Алатау. Был конец июля, и повсюду яблони были усыпаны большими яблоками. Когда ночью поезд тронулся, я прильнул к окошку, зачарованный гигантским конусом города с огнями, мерцающими на фоне темных гор. Мне казалось, что это мираж.

Когда я познакомился с этим городом два года спустя, окончательно туда переселившись, на меня произвели большое впечатление прямоугольная сеть его улиц и оригинальная архитектура. Любовь к Алматы вошла в мое сердце навсегда. С этим городом связана важная часть моей жизни. Приехав сюда простым наладчиком, мог ли я думать, что когда-нибудь стану мэром столицы?

II. Перестройка

Мое быстрое продвижение по службе совпало по времени с приходом к власти Михаила Горбачева. В 1985 году, после четырнадцати лет безупречной работы на ТЭЦ (я был признан лучшим начальником цеха в Алматы), меня назначили главным инженером алматинской теплосети. Речь шла о должности, связанной с большой ответственностью, так как система теплоснабжения в старой казахстанской столице была, возможно, самой сложной во всем СССР. Это объяснялось рельефом города, расположенного на четырех уровнях, что требовало умелого регулирования напора воды. С момента моего назначения я принялся убеждать власти в необходимости срочной реконструкции устаревших сетей, чтобы избежать трагических последствий. За один год мы с директором тепловых сетей построили 13,8 км трубопроводов, стремясь наладить надежное теплоснабжение, которое полностью отвечало бы техническим нормам. В январе 1986 года город был вполне готов встретить зиму. Вот эти технические достижения и привлекли ко мне внимание городского комитета партии.

Я вступил в партию в 1973 году, после многих лет сомнений и колебаний. Вот как это случилось. В техникуме я очень любил высшую математику, физику, сопромат, а вот социальные науки, преподаватели которых вдалбливали нам идею, что наша система самая лучшая, меня ужасно раздражали, и мне не хотелось вступать в комсомол, чтобы не посещать нудные собрания. Свое свободное время я предпочитал отдавать боксу.

Так я и пошел в армию, не будучи комсомольцем, что было редкостью. Именно в армии я в конечном счете вступил в комсомол. Когда мне угрожал дисбат за то, что я ударил сержанта, замполит пообещал помочь, если вступлю в комсомол. Ему это было нужно, чтобы улучшить статистику, так как, в принципе, все молодые люди с 15 или 16 лет должны были быть комсомольцами. Эта ситуация не оставляла мне выбора. И замполит

сдержал слово, поскольку именно он убедил командира полка не отправлять мое дело в трибунал.

Однако очень скоро меня одолели серьезные сомнения. Утром 21 августа 1968 года нам всем приказали собраться возле громкоговорителя в казарме нашей базы. Наше подразделение насчитывало около 350 солдат и почти столько же офицеров – по причине нашего специализированного военного профиля. Этот приказ, объявленный в десять часов утра, был настолько необычным, что вызвал у всех серьезное беспокойство. Лица моих товарищей, весельчаков и балагуров, мгновенно стали суровыми и непроницаемыми. Все думали только об одном: неужели война? В одиннадцать часов правительство объявило о вводе в Чехословакию войск Варшавского договора, утверждая, что германские танки готовятся захватить территорию братской страны.

Сразу после объявления тот самый замполит, который заставил меня вступить в комсомол, сообщил нам, что все чехословацкие населенные пункты заняты войсками стран Варшавского договора. Затем он обратился к молодому казаху, призванному в армию из отдаленной деревни: «Скажи, боец Жумагулов, наши военные, которые заняли чехословацкие города, они оккупанты или нет?» Солдат ответил: «Да, оккупанты». Замполит аж подпрыгнул: «Да нет же! Они интернационалисты! Они выполняют свой интернациональный долг, для того чтобы Чехословакия осталась социалистической. Поскольку в этой стране произошла революция, рабочий класс всего мира, как и все прогрессивное человечество, обязаны защищать революцию повсюду в мире».

Эта история заставила меня задуматься. Среди солдат быстро распространились слухи о том, что никакой германской угрозы не существовало. Почему, говорил я себе, нужно было посылать войска в Чехословакию, подвергать опасности жизни наших молодых призывников, стрелять в людей, убивать их? Неужели это и вправду наш интернациональный долг? Или это только политика небольшой группы людей, для которых интернационализм – всего лишь предлог?

По возвращении в техникум, я не встал на учет в местной комсомольской организации и не посещал собраний, хотя в моем личном деле было

написано, что я комсомолец. Но когда я приехал в Алматы по окончании учебы в техникуме, на меня произвел очень большое впечатление директор ТЭЦ Евгений Волков. Параллельно своей работе он сделал карьеру в комсомоле, а затем и в партии. Этот веселый и приветливый человек был прирожденным лидером, за которым хотелось идти. Его влияние и примирило меня с комсомолом. Впрочем, я недолго там оставался. В 1973 году секретарь парткома ТЭЦ вызвал меня и сказал: «Я вижу, что ты хорошо работаешь, ты очень квалифицированный, ты не отказываешься от трудных задач. Если нужно работать сверхурочно, ты никогда не говоришь «нет». Я предлагаю тебе вступить в партию». Настаивал на этом и начальник цеха. Партии не хватало квалифицированных рабочих кадров. И я в конце концов согласился.

Вернемся теперь в 1986 год, в начало горбачевской оттепели. Партийное руководство, стремясь дать партии новый импульс, старалось тогда привлечь в партию людей из промышленности. Во время прокладки сети теплоснабжения меня срочно вызвали в алматинский обком. Я приехал туда в мокрой куртке, так как вызов пришел во время испытаний нагревательной камеры. Первый секретарь обкома, Марат Мендыбаев, встретил меня, как близкого родственника. Он задал мне несколько вопросов, потом сказал: «Готовься, тебя вызовут в ЦК». Его слова в тот же день подтвердились. Меня гоняли из одного отдела в другой, как мячик, чиновники задавали мне разные вопросы, потом сообщили: «Завтра у Вас состоится встреча со вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана». На следующий день меня принял Олег Мирошхин, целый час подробно расспрашивал о моей жизни и профессиональной карьере, а затем торжественно объявил, что рекомендует меня на должность председателя исполкома Ленинского района Алматы. То есть предложил стать мэром этого района.

21 октября 1986 года председатель исполкома города Заманбек Нуркадилов подписал мое назначение как временно исполняющего обязанности. Месяц спустя назначение было утверждено голосованием депутатов этого района, и я оставался на этом посту до 1989 года.

Вот тогда и началась моя работа с З. Нуркадиловым, убитым по приказу Назарбаева или кого-то из его ближайшего окружения в ноябре 2005 года. К этому мы еще вернемся.

Беспокойное время

С момента своего прихода к власти в 1985 году Михаил Горбачев стремился изменить прежний порядок вещей. Не только обновить партийную базу, но и избавиться от ряда членов Политбюро, партийных бонз, десятилетиями сидевших на своих постах и мешавших ему проводить реформаторскую политику. В частности, он хотел удалить Динмухамеда Кунаева, близкого Леониду Брежневу человека, который руководил Казахстаном в течение двадцати двух лет и имел большое влияние внутри Политбюро. В лучших советских традициях Горбачев поручил Нурсултану Назарбаеву, в то время главе правительства Казахстана, подвергнуть Кунаева открытой критике на состоявшемся в феврале 1986 года XVI съезде компартии Казахстана, чтобы добиться его отставки.

В то время Кунаев уже в большой мере утратил свою былую популярность. Как и Брежнев, он слишком долго оставался у власти, окруженный льстецами, и всегда ухитрялся удалять тех, кто мог бы с ним конкурировать. Так, в 1985 году высокопоставленный чиновник Еркин Ауельбеков, считавшийся потенциальным преемником Кунаева, был отправлен в «почетную ссылку» в Кызыл-Орду. Среди элиты росло недовольство. Люди устали от невозможности продвинуться по служебной лестнице, если они не принадлежали к «клубу». Должности передавались от отца к сыну даже на среднем уровне номенклатуры. Мы жили во все более и более удушливой атмосфере.

Очернить Кунаева было для Назарбаева нелегкой задачей – он был обязан тому своим молниеносным возвышением. В 1977 году, в 37 лет, Назарбаев был парторгом Карагандинского металлургического комбината в Темиртау. Тогда комбинат был вторым по значимости в СССР после Магнитогорского. Назарбаев, в принципе, не имел никаких шансов на быстрое продвижение, тем более что был малообразован и закончил

всего лишь вечерние курсы при заводе, тогда как другие деятели номенклатуры имели, как правило, дипломы Высшей партийной школы.

Но ему неожиданно повезло. Влиятельный журналист газеты «Правда» Михаил Полторанин⁴ написал чрезвычайно резкую статью о сбоях в работе и низкой рентабельности Карметкомбината. Там, в частности, говорилось об устаревшем оборудовании и о том, что на завод поступает руда из Кривого Рога, находящегося за тысячи километров, на Украине. Полторанин не хотел публиковать эту статью под своим именем, опасаясь гнева Брежнева. Однако местное партийное руководство стремилось изменить положение с Карметкомбинатом. Для этого нужно было, чтобы статья появилась в печати. Тогда Полторанину предложили подписать ее именем Назарбаева, поскольку тот мало чем рисковал на своем уровне. Назарбаев согласился, и статья была опубликована в «Правде».

Вопреки ожиданиям, Брежнев отреагировал на нее весьма положительно. Прочтя газету, он позвонил Кунаеву и порекомендовал ему продвинуть ее автора, такого разумного человека! Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Кунаев немедленно назначил Назарбаева на должность второго секретаря Карагандинского обкома партии. Вскоре последовало новое назначение: в 1979 году Назарбаев стал секретарем ЦК КП Казахстана по промышленности. Разумеется, Назарбаев был целиком обязан этим Кунаеву и славословил его во всех своих статьях и речах. Столь сильная преданность принесла плоды: в 1984 году, при Андропове, этот пламенный сторонник Кунаева был назначен премьер-министром Казахстана. Кунаев, возможно, полагал, что со временем Назарбаев станет его преемником.

Тем не менее, как говорят американцы, *nothing personal, only business*. В феврале 1986 года молодой премьер Назарбаев без особого желания произносит на съезде обличительную речь против того, кому он был обязан всей своей карьерой. Он даже громогласно осуждает за алкоголизм брата Кунаева, Аскара, президента Академии наук. К докладчику присоединяются еще несколько делегатов съезда, и отставка Кунаева кажется неминуемой. В этих условиях Центральный комитет КП

⁴ Полторанин сделал впоследствии большую карьеру, став при Ельцине министром печати.

Казахстана мобилизовал все свои ресурсы. Всю ночь члены ЦК обзванивали присутствовавших на съезде влиятельных персон. На следующий день местная номенклатура бросила вызов Горбачеву: в защиту Кунаева высказались многие делегаты, и он был переизбран тайным голосованием. Назарбаев нашел тогда ловкий ход, чтобы выйти из этого щекотливого положения. После голосования он встал и публично обратился к Кунаеву: «Хотя вчера я Вас критиковал, товарищ Кунаев, но сегодня я голосовал за Вас». Вот так коварство Назарбаева в первый раз проявилось у всех на виду...

Как ни удивительно, Кунаев ничего не предпринял против своего бывшего протеже, и тот сохранил пост премьер-министра. Он понимал, что Назарбаев не вел бы себя таким образом без прямого приказа из Москвы. Со своей стороны, Горбачев продолжал оказывать давление на казахскую номенклатуру, чтобы вынудить Кунаева уйти в отставку. Он даже пригласил Назарбаева в Москву, чтобы заверить в своей поддержке. Назарбаев уже видел себя в кресле Кунаева. Однако он быстро разочаровался, когда в декабре 1986 года Михаил Горбачев отправил в Казахстан партийного функционера высокого ранга, Михаила Соломенцева, чтобы тот председательствовал на чрезвычайном пленуме КП Казахстана. В течение четверти часа Кунаева освободили от его обязанностей под предлогом «выхода на пенсию», а на его место предложили вовсе не Назарбаева, а... Геннадия Колбина, первого секретаря Ульяновского обкома. Михаил Горбачев пишет в своих «Воспоминаниях», что именно Кунаев, вызванный предварительно в Кремль, высказался против кандидатуры Назарбаева, поскольку был зол на него за его неблагодарность. Кунаеву также удалось убедить Политбюро, что среди местных кадров возможной замены ему нет.

Казахстанцы были обижены назначением Колбина. Этот человек, приехавший из России, где занимал не слишком высокий пост, не знал ни Казахстана, ни казахского языка. Люди были в недоумении от такого выбора. Если Горбачев хотел непременно поставить во главе казахского ЦК русского, хотя в республиках это было не принято, то почему не выбрать кого-то из крупных русских функционеров в Казахстане? Столь

несправедливый диктат центра был воспринят как проявление империалистической политики.

Назначение Колбина стало поводом для первых народных волнений в эпоху Перестройки. Толпа из нескольких сотен человек, главным образом студентов, 16 декабря 1986 года заняла в знак протеста центральную площадь города, требуя немедленного ухода нового первого секретаря. Колбин и Соломенцев собрали руководство города и страны. Соломенцев попробовал успокоить собравшихся: «Это не преступники, это молодые люди, которые могли бы быть нашими детьми. Они плохо разбираются в ситуации, надо с ними поговорить и предложить разойтись. Ими кто-то умело руководит».

В конце концов милиция быстро разогнала эту молодежь. Однако на следующий день в том же месте собралась еще более многочисленная толпа. Там были транспаранты с такими лозунгами, как «Требуем самоопределения!», «Каждому народу свой лидер!», «Положить конец великорусскому безумию!» и т.д. Тогда Назарбаев и некоторые другие представители властей попытались умерить гнев манифестантов. Тщетно! Толпа их освистала и закидала камнями.

Манифестации длились еще три дня, в течение которых я не покидал своего места работы. Даже спал в своем кабинете, положив голову на стол. Мой первый заместитель Ахан Бижанов все время находился на площади и держал меня в курсе событий. Последовали и другие беспорядки. Так, перед моей районной мэрией группы молодежи разбросали «коктейли Молотова», которые нужно было собрать и обезвредить. На наших глазах толпы становились всё более радикальными.

Между тем по приказу Москвы контингент из 50 тысяч военных со всех концов России прибыл в Казахстан и был сосредоточен в окрестностях Алматы. В конечном счете с благословения Колбина и Назарбаева солдаты принялись жестоко разгонять манифестантов. Они били безоружных людей саперными лопатками и спускали на них служебных собак. Цифры, которые стали известны годы спустя, уже после провозглашения независимости, ужасны: 174 человека убиты – некоторые на площади, другие во время допросов, превратившихся в истязания – из них 168

человек числятся пропавшими без вести. На самом деле, эти люди были тайно похоронены на различных кладбищах города. Более 1700 человек были тяжело ранены, многие получили черепно-мозговые травмы.

На следующий день мы, ответственные лица города, были вызваны в Центральный комитет, где нам сообщили, что арестовано более 8500 человек. Сотни людей подверглись преследованиям – уволены с работы или исключены из высших учебных заведений, 99 человек были приговорены судом к длительному тюремному заключению, а два человека – к высшей мере наказания, потом замененной на 20 лет тюремного заключения. Один из этих приговоренных, Кайрат Рыскулбеков, обвиненный в убийстве дружинника, был найден повешенным в своей камере. Было объявлено, что он покончил с собой. В 1992 году его полностью реабилитировали и посмертно присвоили звание «Герой народа».

Каковы же были истинные мотивы протестующих? Конечно, была напряженность между казахами и русскими. Вследствие высокого уровня рождаемости и безработицы казахи из сельской местности наводняли города. Чтобы получить работу, они должны были демонстрировать очень хорошее знание русского языка, тогда как русские, назначенные из центра или местные, не были обязаны знать казахский. Казахы были уязвлены этой насильственной русификацией. Следует все же сказать, что русские и казахи, так же как и другие народности многие десятилетия жили на этой земле бок о бок без всякой вражды

По моему мнению, кроме нареканий, связанных с русификацией, причины глубокого недовольства коренились в экономическом упадке советской системы и законном желании молодежи освободиться от контроля Москвы. Парадоксальным образом, эти бунты были плодом политики гласности, проводившейся Горбачевым, и тот же самый сценарий вскоре повторился в других республиках. Этот протест поначалу носил скорее политический характер, но кукловоды, которые дергали за веревочки, сумели повернуть ситуацию в пользу националистических требований и спровоцировать вспышку насилия.

Бунты декабря 1986 года, названные в Казахстане Желтоксан, остаются незаживающей раной казахстанского общества. Мы никогда не узнаем всю правду о том, что на самом деле произошло в течение этих судьбоносных четырех-пяти дней и какова была здесь роль Назарбаева. Некоторые политологи предполагают, что Назарбаев вел закулисную двойную игру. С одной стороны, он один раз вышел на площадь, чтобы поговорить с молодежью, которая даже не стала его слушать, закидав камнями, а с другой, выступил за жесткие репрессивные меры, чтобы подорвать авторитет Колбина и таким образом вынудить Москву уволить того, чтобы самому занять его место. Некоторые активисты гражданского общества, такие как например Жасарал Куанышалин, полагают даже, что Назарбаев и его подручные могли выступать подстрекателями этих волнений. Во всяком случае, манифестации не могли быть абсолютно спонтанными, поскольку молодые люди прибывали на площадь группами, можно даже сказать, колоннами, и через несколько часов уходили, освобождая место вновь прибывшим, как если бы это было хорошо организовано.

Сам Назарбаев излагал очень разные версии этих событий. В 1987 году и даже в 1990 он в своих статьях и беседах утверждал, что толпа состояла из «хулиганов» и «экстремистов», но в 1991 году, в преддверии наступления независимости Казахстана, он стал говорить, будто сам находился во главе колонны манифестантов, что было опровергнуто множеством свидетельств. После прихода к власти Назарбаев сделал из Желтоксана символ борьбы Казахстана за независимость, препятствуя при этом любым попыткам независимого расследования тех трагических событий.

Колбин оставался во главе республики до июня 1989 года. В эти годы положение в республике было трудным, как и повсюду в СССР. Падение мировых цен на нефть имело катастрофические последствия для советского бюджета, и Горбачев попытался компенсировать отчаянную нехватку средств путем «ускорения» производства, но этот забытый лозунг перестройки не возымел эффекта. Я-то знал, насколько обветшало и устарело в стране оборудование, особенно промышленное, так что интенсификация производства неизбежно приводила к еще большему его износу. Положение еще ухудшилось, когда с первых шагов в сторону

либерализации экономики многие квалифицированные специалисты ушли из промышленности, чтобы заняться бизнесом. Нехватка пищевых продуктов и товаров народного потребления постепенно стала повсеместной.

В одном я должен отдать должное Колбину: он сумел получить от центра разрешение на то, чтобы не отправлять пищевые продукты местного производства в Москву, как это делалось все предыдущие годы, когда Казахстан с его развитым сельским хозяйством, в том числе животноводством⁵, был обязан поставлять в центр зерно и мясо. Но, поскольку деньги быстро обесценивались, колхозы не торопились продавать государству свою продукцию по фиксированным ценам. Так что всеобщая бедность не обошла Казахстан стороной. Колбин, которого республика встретила неласково, был готов на всё, чтобы избежать народного недовольства, даже разрешил охоту на перелетных птиц, чтобы компенсировать нехватку мяса.

Годы спустя я смог очень открыто поговорить о перестройке с Горбачевым, который часто приезжал в Алматы. Он признавал, что назначение Колбина было ошибкой, среди многих других. Но я думаю, что проблема была гораздо глубже. Безусловно, обновление системы – перестройка и гласность – были необходимы, но сам Горбачев не имел ясного представления о том, к какой цели ведут принимавшиеся им меры. Он действовал вслепую. Вот почему, несмотря на его усилия на международной арене и внутри страны, СССР неизбежно двигался к развалу. Мне запомнились слова Михаила Горбачева: «Когда меня избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, то мы, посоветовавшись с Раисой Максимовной, решили, что с коммунизмом в нашей стране необходимо кончать».

Помимо обеспечения моего района продовольствием, я должен был также заниматься социальными конфликтами и практически всеми проблемами быденной жизни горожан. В частности, я начал больше перемещаться по городу, чтобы встречаться с людьми по месту их работы и в жилых кварталах. В то же время мне удалось получить дополнительное

⁵ Поголовье овец в республике, например, насчитывало 50 миллионов голов.

финансирование для своего района, что в эти трудные годы было непростой задачей.

Приведу лишь один пример. В мае 1989 года в результате ошибки диспетчеризации на запасном пути Алматинского вокзала произошло столкновение двух локомотивов. Результат был трагическим: взорвалась цистерна со сжиженным газом, погибли 112 человек, в том числе восемь пожарных, многие были тяжело ранены и обожжены, разрушены 30 частных домов.

Не ожидая решения городских властей, я создал штаб по урегулированию этой ситуации. Нам удалось разместить оставшихся без крова людей в школах, обеспечить им трехразовое питание, организовать похороны, включая отправку тел в различные районы Казахстана. Я даже нашел средства для покупки во Франции высококачественных специализированных медицинских кроватей, которых у нас до того никто в глаза не видел, чтобы лечить раненых и серьезно пострадавших от ожогов в больницах Алматы. И благодаря моей настойчивости город в конце концов поселил всех пострадавших в двух жилых домах, которые в момент аварии еще строились.

Ветер свободы

Если с экономической точки зрения последний период Перестройки был катастрофически скудным, она также вызвала к жизни взрыв свободы, которой Советский Союз никогда не знал, за исключением, быть может, короткого периода в начале 1920-х годов. Эта политическая активность была в значительной степени связана с подготовкой к Первому съезду народных депутатов СССР. В декабре 1988 года был принят закон о выборах депутатов этого съезда, дававший возможность независимым кандидатам выдвигать свои кандидатуры наряду с представителями Коммунистической партии и советских организаций. Это было настоящей революцией: отныне люди имели возможность свободно избирать тех, кто будет представлять их в высшем органе власти страны. Естественно, что депутатом избрали и премьер-министра Казахстана Назарбаева, который,

как тогда казалось, был хорошей альтернативой по-прежнему непопулярному Колбину.

В ходе этой избирательной кампании произошло событие первостепенной важности. Крупный казахский поэт Олжас Сулейменов 25 февраля 1989 года собрал митинг в Алматы. Вместо того чтобы представить свою избирательную программу, он принялся говорить об утечке радиоактивных газов, случившейся только что на полигоне в Семипалатинске⁶ и уже не в первый раз подвергшей опасности здоровье местных жителей. Он упомянул о недавней трагедии Чернобыля и призвал людей объединиться на демонстрации протеста. 28 февраля тысячи жителей Алматы собрались перед зданием Союза писателей Казахстана. После жестокого подавления бунтов декабря 1986 года это было первым большим митингом в столице. Так родилось движение «Невада – Семей».

Спустя несколько дней Сулейменов обратился к народу по республиканскому радио, и очень быстро два миллиона казахстанцев подписали петицию, призывавшую к прекращению ядерных испытаний повсюду в мире и закрытию полигона. 130 тысяч шахтеров Караганды угрожали начать бессрочную забастовку, если испытания будут продолжаться. Шахтеров поддержали рабочие многих других городов. И народ победил: из восемнадцати подземных испытаний, запланированных на тот год, были проведены только семь. С тех пор этот полигон окончательно закрылся. Вдобавок это движение немедленно получило международное признание. Казахстан стал активным участником международного сообщества.

Во время съезда, который проходил в Москве с 25 мая по 9 июня 1989 года, улицы Алматы, как и улицы всех советских городов, оставались безлюдными. Люди не отходили от телевизоров, следя за бурными дебатами на Съезде. Члены Межрегиональной группы, которая объединяла таких радикальных реформаторов, как Андрей Сахаров и Юрий Афанасьев, требовали, в частности, отменить шестую статью Советской конституции о руководящей роли КПСС в советском обществе и

⁶ По-казахски «Семей».

разрешить многопартийность. Они не сразу добились выполнения этого требования, но ровно год спустя битва была выиграна.

Сам Назарбаев проявил себя на съезде как мудрый и осторожный руководитель. В своих выступлениях он высказывался в пользу реформ, но в рамках обновления коммунистической системы. По возвращении в Алматы после съезда его положение укрепилось. Колбина отозвали в Москву на другой ответственный пост, а Назарбаев был триумфально избран первым секретарем КП Казахстана. Из 158 делегатов Пленума, который состоялся в Алматы 22 июня 1989 года, за него проголосовали 154. Он быстро проявил свои амбиции, переименовав бюро ЦК Компартии Казахстана в Политбюро, словно сравнивая себя с Горбачевым.

Радость по поводу ухода Колбина и избрания Назарбаева, который тогда рассматривался как демократ и реформатор, очень быстро угасла из-за новых волнений. Они случились в Жанаозене⁷, на юго-западе Казахстана, который при Сталине был покрыт сетью лагерей. В 1989 году значительная часть жителей города и его окрестностей были по происхождению не казахами, среди прочих там насчитывались тысячи кавказцев. Многие из тех чеченцев и представителей других народов Северного Кавказа, которые жили в Казахстане с момента депортации в 1944 году до 1957 года, остались там из-за высоких зарплат в нефтяном и газовом секторе. К тому же квалифицированные рабочие-иммигранты пользовались различными привилегиями, в том числе обеспечивались квартирами.

Вечером 16 июня между молодыми казахами и выходцами с Кавказа завязалась драка возле танцплощадки. На следующий день казахи устроили погромы кавказцам, которые, конечно, не остались в долгу. Это была взрывоопасная смесь социального протеста, требований независимости, национализма и хулиганства. Одиннадцать дней понадобилось спецназу и военным подразделениям, действовавшим по приказу властей, чтобы до конца усмирить это дикое восстание, используя бронетранспортеры, танки и вертолеты. После этого испытания практически всё неказахское население, примерно 25 тысяч человек, были вынуждены покинуть город или эвакуированы. Архивные материалы об

⁷ Город назывался тогда Новый Узень.

этой операции остаются секретными, а часть их вообще уничтожена, оценки человеческих потерь разнятся. По некоторым сведениям, почти 200 человек были тайно захоронены в степи.

И это не было единичным случаем. С 1988 года бунты такого рода стали вспыхивать во многих республиках. Достаточно вспомнить печально знаменитый антиармянский погром в азербайджанском Сумгаите, который предшествовал войне из-за Нагорного Карабаха⁸. Идеология интернационализма, в духе которой все мы были воспитаны, оказалась беспомощной перед лицом экономических трудностей и националистических притязаний. Но никто тогда не мог предположить, что эти волнения предвещают грядущий развал СССР.

В 1989 году в моей жизни произошли перемены. На выборах с участием нескольких кандидатов, что было совершенно новым явлением, я был избран вторым секретарем горкома партии Алматы. Я очень этим гордился, так как, проработав несколько лет в администрации города, прекрасно знал, сколь велика роль партийных органов в управлении предприятиями и муниципальными службами. Так что я очень серьезно отнесся к своим новым обязанностям и надеялся, что в этой должности смогу работать на благо горожан. Я получал особое удовольствие от беспрецедентности моего избрания на этот пост. Никогда раньше человек, не работавший в партийных структурах, не становился вторым лицом в столице. Меня окрыляла такая популярность среди населения и в партийных органах. Я даже поступил в Высшую партийную школу: тогда это еще считалось необходимым условием большой карьеры. Но главным для меня было максимальное включение в работу.

В этот период митинги превратились в повседневную реальность повсюду в стране, особенно в Алматы, где мэрия выделила площадь Валиханова, в центре города, специально для собраний такого рода, на манер Гайд-парка в Лондоне. Тысячи учителей, врачей, пенсионеров, политических активистов партий и нарождающихся движений требовали прекращения

⁸ Погром в Сумгаите имел место с 27 по 29 февраля 1988 года как реакция на решение автономной республики Нагорный Карабах (армянский анклав в Азербайджане) провозгласить независимость. Армяне, живущие в Сумгаите, стали жертвами массовых репрессий со стороны азербайджанцев. 32 человека погибли, более 100 получили ранения. Этот погром вызвал поток армянских беженцев из Азербайджана в Нагорный Карабах и Армению.

диктатуры, призывали к установлению демократических порядков, повышению зарплат и пенсий. Словом, требования были разнообразными, одни оправданными, другие – вовсе нет. Когда речь шла о просьбах горожан, я всякий раз старался найти на своем уровне решения, позволяющие сгладить напряженность.

Так, в 1990 году группа людей, которые в течение многих лет тщетно просили предоставить им небольшие земельные участки для постройки индивидуальных домиков в предместьях Алматы, в конце концов просто захватили несколько таких участков без разрешения. Хотя этот противозаконный захват произошел в Алматинской области, а не в самом городе, «на баррикады» послали меня. При моем прибытии в качестве представителя власти люди схватили лопаты, готовые меня линчевать, но мне все же удалось убедить их в необходимости цивилизованного подхода к решению этого крайне сложного вопроса

Важно было убедить людей, что дикие и противозаконные формы сопротивления могут лишь привести их в тюрьму. Я представил доклад первому секретарю обкома, предложив выделить участки этим обездоленным семьям. Я хорошо помнил о своей нелегкой жизни с семьей в общежитии для рабочих. В конечном счете руководство области приняло решение ликвидировать совхоз «Пригородный» и передать 3600 гектаров сельскохозяйственных земель городу Алматы, с тем чтобы распределить участки среди этих людей и позволить им построить себе жилые дома.

В целом, авторитет компартии неуклонно снижался. Людей, например, возмущало строительство больницы для партийных кадров в пригороде Калкаман, они требовали отмены привилегий. Правительство, которое финансировало этот проект из государственного бюджета, прекратило выплаты, и к концу 1989 года стройка была свернута. В условиях общей бедности это почти завершенное здание было быстро разграблено: демонтированы радиаторы и трубы, украдены окна и двери, кафель и электрооборудование.

Город в конечном счете унаследовал стройку в этом плачевном состоянии. Я получил приказ завершить строительство и устроить муниципальную

больницу, открытую для всех. Я опускаю здесь перипетии поиска средств для финансирования стройки и другие хлопоты. Важно, что этот больничный комплекс на тысячу коек в Калкамане стал главной алматинской больницей и остается таковой по сей день. Такие успехи давали мне силы продолжать работу, несмотря на все трудности, с которыми я постоянно сталкивался.

Два последних года существования СССР были чрезвычайно богаты событиями и в Москве, и в республиках. Важнейшая веха этого периода – упразднение шестой статьи Конституции о руководящей роли компартии на Третьем съезде народных депутатов, прошедшем в Москве в марте 1990 года. Многопартийность была *de facto* разрешена, монопольному господству компартии пришел конец, что требовало новой организации власти. В следующем месяце Верховный совет избрал Горбачева первым президентом СССР. Как и многие другие республиканские лидеры, Назарбаев последовал этому примеру: в апреле того же года республиканский Верховный совет проголосовал за избрание его на пост Президента Казахской Советской Социалистической Республики.

Политическое обновление коснулось и меня лично. В июле 1991 года я был избран – из трех кандидатов на тот же мандат – депутатом Верховного совета Казахстана. Эти выборы, возможно, были кульминационным пунктом молодой парламентской демократии республики. Административный ресурс не сработал. Многие высокопоставленные государственные и партийные деятели на этих выборах провалились. Из двенадцати министров правительства, выдвинувших свои кандидатуры, только двое получили доверие избирателей. Преодолев этот барьер, мне было чем гордиться!

Некоторое время спустя произошли изменения на уровне города и области Алматы. Поскольку главным человеком в городе теперь был не первый секретарь горкома, а председатель горсовета, этот пост весной 1991 года автоматически достался Нуркадилову. А я тогда же был избран председателем исполкома того же Совета. Хотя это было прерогативой Нуркадилова, президент Нурсултан Назарбаев выступил перед собравшимися на сессию депутатами и представил мою кандидатуру. В присущей ему манере он старался сеять недоверие между мной и моим

начальником. Уже в это время Назарбаев четко следовал своему основному правилу – «Разделяй и властвуй!». В то время мы друг друга лично хорошо не знали, и, представляя мою кандидатуру депутатам, он назвал меня Виталием. Однако президент высоко ценил мою работу.

Назарбаев, первые шаги тирана

Нурсултан Назарбаев начал создавать будущую команду своих приспешников задолго до получения президентских полномочий. Еще будучи премьер-министром, он окружал себя людьми, которым в будущем предстояло выйти на первые роли, такими как Нуртай Абыкаев⁹ или Владимир Ни¹⁰. Добравшись до высшего поста в государстве, он принялся заменять старые кадры своими людьми и в Алматы, и в регионах, а главное, получил контроль над силовыми структурами, которые в прошлом выполняли приказы Москвы. К этому нужно добавить создание новых учреждений, и в первую очередь Аппарата президента, который быстро стал центром управления режима.

Последовали и другие изменения. В октябре 1990 года Верховный совет принял декларацию о суверенитете Казахстана, что позволило изменить президентский статус. Назарбаев стал главой исполнительной власти, подчинив себе кабинет министров. Он ликвидировал существующие органы контроля, открыв тем самым путь к худшим злоупотреблениям, и объединил правительственный аппарат с президентским. Наконец, он приказал создать Высший экономический совет, которому предстояло разработать программу постепенного перехода к рыночной экономике, и немедленно его возглавил. Таким образом, даже до того как народ избрал его президентом, Назарбаев уже начал закладывать фундамент своей будущей автократии.

⁹ По некоторым сведениям, этот «серый кардинал» режима является одним из племянников казахского президента. С 1990 по 1995 годы он руководил Аппаратом президента; в 1998–1999 годах был председателем Комитета национальной безопасности (КНБ), затем занимал другие высокие посты. В августе 2010 года он вновь назначен председателем КНБ.

¹⁰ Инженер по образованию, Ни работал в Совете министров Казахстана между 1970 и 1990 годами. После провозглашения независимости страны он стал руководителем Секретариата и вице-директором Аппарата президента. С 2002 года занимал пост президента ТОО «Корпорация ХОЗУ», которая обеспечивает функционирование и управляет ресурсами президента и правительства. Скончался в 2010 году.

Эта консолидация власти в руках Назарбаева проходила на фоне катастрофического ухудшения ситуации в экономике. В начале 1991 года официальные оптовые и розничные цены выросли вдвое по сравнению с предыдущим годом. Но фактическая инфляция была куда более высокой, и люди отчаянно скупали все, что могли. Полки всех магазинов были пусты. Как ответственное лицо, я искал способы снабжения алматинцев.

В это время повсюду в СССР – и у нас, в Казахстане, действовали одни и те же схемы. Можно было получить от правительства так называемые «кредиты в форме товаров». Попросту говоря, правительство давало облеченным доверием людям право продавать определенное количество сырья (квоты) за границу, чтобы на вырученные деньги приобрести продовольствие для населения. В Санкт-Петербурге, например, тогдашний глава правительства, Егор Гайдар, предоставил такие квоты Владимиру Путину.

У нас подобные операции доверялись исключительно близким Назарбаева, и для тех это стало стартом накопления капитала. Прежде всего следует назвать Сыздыка Абишева, родственника супруги Назарбаева Сары, который был назначен председателем Комитета по экономическим связям с заграницей, впоследствии преобразованного в Министерство внешней торговли. Для продажи сырья за границу нужно было пройти через этот Комитет, который обладал исключительным правом работать с иностранной валютой. Цены на покупку сырья у местных предприятий не имели ничего общего с ценами на международном рынке, так что легко представить себе, какая манна просыпалась на президентскую семью...

В это время президент Горбачев обсуждал с республиканскими руководителями проект нового Союзного договора, который преобразовал бы СССР в некую гораздо менее централизованную федерацию. В своих «Воспоминаниях» Михаил Горбачев рассказывает, что в конце июля 1991 года он договорился с Борисом Ельциным предложить кандидатуру Нурсултана Назарбаева на пост главы правительства будущего Союза и что последний предложение принял. Но казахстанский президент, как и прежде, вел двойную игру. В течение ряда месяцев он тайно участвовал в переговорах с Ельциным, который незадолго до того

был избран президентом Российской Федерации прямым всеобщим голосованием, по созданию ассоциации в составе четырех республик, то есть союза России, Украины, Белоруссии и Казахстана, конечно без Горбачева. Когда 19 августа 1991 года произошел антигорбачевский путч, «верный союзник» советского президента Назарбаев обратился к казахстанскому народу с призывом к спокойствию, но ни словом не упомянул о смещении Горбачева.

Провал путча три дня спустя благодаря энергии и харизме Бориса Ельцина позволил Назарбаеву принять новые меры по укреплению своей власти. Так, президент приказал создать Совет безопасности, разумеется под его председательством. Как это было и в других республиках, он тут же запретил местную компартию, объединив свой президентский аппарат с аппаратом распущенной партии, то есть раздув его еще больше. Строптивные коммунисты позднее воссоздали новую компартию, но большая их часть, и я в том числе, перешли во вновь созданную Социалистическую партию. Первым лидером этой соцпартии был знаменитый писатель Ануарбек Алимжанов, горячо высказывавшийся против авторитаризма, который уже забрезжил на горизонте. К моему большому сожалению, он скончался от рака в 1993 году.

Казахстан 1 декабря 1991 года впервые избирал своего президента на всеобщих выборах. Как и следовало ожидать, около 99% избирателей проголосовали за Назарбаева, уже занимавшего этот пост, тем более что его единственный потенциальный конкурент, лидер движения «Желтоксан» Хасен Кожа-Ахмет, не сумел набрать необходимого количества подписей для регистрации своей кандидатуры.

Неделю спустя Беловежские соглашения утвердили конец СССР как субъекта международного права и провозгласили создание Содружества Независимых Государств (СНГ) в составе России, Украины и Белоруссии, открытое для приема других республик. Эти соглашения стали результатом заговора лидеров трех республик, собравшихся в Белоруссии, в Беловежской Пуще, втайне от Горбачева, чтобы провалить его проект и вынудить оставить власть.

Здесь Назарбаев также вел двойную игру. Лидеры трех славянских республик, Ельцин, Кравчук и Шушкевич, пригласили его присоединиться к ним. Он обещал прилететь, но в конечном счете его самолет приземлился не в Минске, а в Москве, где он вместе с Горбачевым ждал возвращения Ельцина. Горбачев частично описал этот эпизод в «Воспоминаниях», а остальное я знаю из хорошо информированных источников. Очевидно, Назарбаев нашел соблазнительной идею Горбачева о назначении его на пост вице-президента или премьер-министра нового Союза (новый Союзный договор обсуждался уже несколько месяцев), и он решил не участвовать в заговоре. Это был просчет, стоивший ему натянутых отношений с Ельциным в первые постсоветские годы.

Во всяком случае, в силу происходящих событий Назарбаеву ничего не оставалось, как смириться с идеей независимости, которую Казахстан последним из всех советских республик провозгласил 16 декабря 1991 года. Совет глав государств СНГ 21 декабря собрался в Алматы, чтобы решить вопрос о статусе Горбачева после его отставки, которая должна была состояться через четыре дня. Ни один из присутствовавших там лидеров не попрощался с советским президентом, не позвонил ему на следующий день. Назарбаев не стал исключением.

III. Первые годы независимости

Казахстанский политолог Данияр Ашимбаев назвал 1992 год «шоссе в независимость». Нужно было реорганизовать всю систему управления, и в частности подчинить юрисдикции страны региональные отделы некоторых советских министерств, таких как Министерство внутренних дел, которое обладало своими собственными войсками. Назарбаев воспользовался этой возможностью, чтобы радикально изменить систему местных органов власти. Он учредил институт глав региональных администраций, который отныне формировал вертикальный костяк исполнительной власти.

Советы народных депутатов, которые в течение короткого периода перестройки (после отмены главенства компартии) были верховными органами власти в регионах, преобразовались в местные парламенты, лишённые реальной власти. Для этого Назарбаев нашел довольно изощренную схему: функция председателя парламента была упразднена. Эту роль отныне играл депутат, избираемый коллегами в начале каждой парламентской сессии. Разумеется, у него было слишком мало времени, чтобы усилить свое влияние. Между сессиями исполнительские функции перешли под контроль президента и кабинета министров, в свою очередь подчиненного президенту. Исполкомы в регионах и городах были упразднены, а все их функции переданы главам администраций, назначенным президентом. Молодая казахстанская демократия начала сдавать позиции.

В двух третях регионов президент назначил новыми главами администраций своих людей, но в Алматы сохранил Заманбека Нуркадилова, первым заместителем которого стал я. На практике это означало, что мой начальник Нуркадилов выполнял в основном представительские функции, тогда как я продолжал заниматься

практическим управлением города: вся жизнь человека, от рождения до смерти, проходила под непосредственным руководством исполнительного органа.

Чехарда увольнений и назначений продолжалась в течение всего 1992 года. Я хотел бы упомянуть некоторые из них – эти люди быстро начали играть важную роль в стране. В марте молодой журналист Алтынбек Сарсенбаев, главный редактор студенческой газеты «Горизонт», на страницах которой шла жесткая критика в адрес КПСС и ее руководителей, был назначен заведующим отделом культуры и межнациональных отношений Аппарата президента и кабинета министров. За несколько месяцев ему удалось подчинить себе многие другие отделы и стать заведующим новым отделом внутренней политики. В течение многих лет Сарсенбаев был идеологом режима Назарбаева, прежде чем возмутиться фальсификацией выборов. Он хотел что-то изменить в политической жизни страны и обеспечить независимость средств массовой информации. Это и привело к его гибели в 2006 году. Забегая вперед, замечу, что роковую роль в этом сыграла Дарига Назарбаева. В мае 2004 года на ужине в честь приезда из Москвы ее партнеров по бизнесу она заявила, что Сарсенбаев – законченный подлец. Не найдется ли, мол, в Казахстане такой человек, который просто взял бы и убил его? Как видим, впоследствии такой человек нашелся...

В июне 1992 году молодой предприниматель из Семипалатинска Акежан Кажегельдин, о котором никто в Алматы до тех пор не слышал, становится председателем Совета предпринимателей при Президенте. Несколько месяцев спустя он был назначен заместителем президента Союза промышленников и предпринимателей. Конечно, его внезапное появление не было случайным. Этот человек, который работал в Госбезопасности и даже в 1987–89 годах учился в Высшей Школе КГБ в Москве, явно имел союзников в кулуарах молодой казахстанской власти, которая с трудом отделялась от общего советского ствола. Во всяком случае, его гебистское прошлое не помешало ему стать в 1993 году первым заместителем премьер-министра, затем премьер-министром и наконец внештатным советником президента. В 1998 году он выставил свою кандидатуру на президентских выборах, но год спустя был вынужден

покинуть Казахстан и даже был объявлен в международный розыск как уголовник.

Президентом Союза промышленников и предпринимателей стал другой, достаточно двусмысленный персонаж, Олег Сосковец. Но это была не единственная его функция. В марте 1992 года этот бывший директор Карметкомбината, где он работал с Назарбаевым, был назначен первым заместителем премьер-министра Казахстана и министром промышленности. Однако он проиграл в сложной игре, которую вел в кулуарах власти, и был вынужден удалиться в Россию, где с апреля 1993 года его ждала весьма соблазнительная должность – первого заместителя председателя правительства Российской Федерации; там он контролировал 14 министерств, по-прежнему оставаясь неофициально «в команде» Назарбаева. Именно Сосковец помог установить добрые отношения между Назарбаевым и Ельциным, которые были испорчены двойной игрой Назарбаева, лавировавшего между Горбачевым и российским президентом.

Все эти подковерные интриги в высших эшелонах власти меня не касались. Я был слишком занят разрешением многочисленных проблем столицы. Чтобы как-то смягчить дефицит товаров повседневного спроса и пищевых продуктов, Назарбаев распорядился с января 1992 года освободить цены, что привело к резкому обнищанию населения.

Кроме того, люди столкнулись с массовой безработицей, так как из-за распада экономических механизмов, которые регулировали экономическое сотрудничество между различными частями СССР, многие заводы в Алматы, равно как и повсюду в стране, больше не находили сбыта для своей продукции.

Отъезд русских и прибытие оралманов

Безработица быстро привела к резкому ухудшению межнациональных отношений в столице. В кризисные времена неприязнь к чужим всегда обостряется. В первые месяцы 1992 года случился эпизод, характерный для периода растущей межнациональной напряженности. Однажды

ночью меня разбудил звонок из Министерства внутренних дел. Мне сообщили, что группа казахов только что заняла строящиеся, практически готовые дома в микрорайоне Самал-2. Эти люди приковали молодых девушек, казашек, к радиаторам в каждой квартире, и все они забаррикадировались изнутри.

Дома были построены для рабочих Кировского завода, одного из самых крупных в городе, который производил сложные виды вооружения, в том числе торпеды. Завод был переведен из Центральной России в Казахстан во время войны, и большинство из тысяч его работников были русскими. Рабочие, которым предназначались квартиры в этих домах, стояли на очереди на жилплощадь десять, а то и пятнадцать лет. И вот эти здания, еще незаселенные, были захвачены молодыми людьми, конечно же, тоже нуждающимися в жилой площади и требующими, чтобы ее им предоставили.

Я немедленно отправил туда своего заместителя, чтобы он представил мне отчет о положении вещей. Я также проконсультировался с прокурором, который был категоричен: следовало немедленно освободить недостроенные жилые дома от скваттеров! Что-то мне подсказывало, что всё это подстроено. И я был прав. Председатель Комитета по делам молодежи, бывший комсомольский лидер республики Имангали Тасмагамбетов пришел ко мне в мэрию и заявил, что нужно оставить квартиры тем, кто захватил их силой. По-видимому, он разыгрывал антирусскую карту ради своего личного продвижения. Я ему объяснил, что завод строил эти здания из собственного бюджета, что люди стояли на очереди и что было бы неправильно отдать эти квартиры другим. Тогда он мне предложил пойти вместе с ним к скваттерам, чтобы урегулировать эту проблему путем переговоров. Вместо этого, я предложил отправить с ним одного из своих заместителей, казаха. Будучи русским, я считал, что мое появление там будет плохо воспринято. Люди все равно будут выселены и посчитают, что русский в моем лице воюет против казахов. В ответ Тасмагамбетов просто хлопнул дверью и побежал в правительство, где обвинил меня в русском национализме. В конечном счете премьер-министр Сергей Терещенко и другие члены правительства, которые меня хорошо знали, встали на мою защиту, и дело было закрыто.

Но Тасмагамбетов, который безуспешно попытался меня спровоцировать, о нем не забыл. Как мы увидим, это дело было снова открыто пятнадцать лет спустя, в 2006 году.

Завершение этого эпизода было счастливым. По решению суда скваттеры были выселены, а рабочие Кировского завода переехали в свои долгожданные квартиры. Но не всегда так происходило. За несколько месяцев сотни тысяч русских покинули страну, хотя среди них было много уроженцев Казахстана, таких как я. Этот исход русского населения продолжался на протяжении многих лет. Так, в период между 1990 и 1997 годами Казахстан потерял почти миллион двести тысяч русских, главным образом инженеров и других квалифицированных специалистов.

Отъезд русских и представителей других меньшинств (этнические немцы выехали в Германию, евреи отправились в Израиль, украинцы вернулись на Украину и так далее) позволил Назарбаеву выдвинуть «национальную идею». В сентябре 1992 году новая власть организовала в Алматы Первый всемирный курултай (съезд) казахов. Представители казахской диаспоры съехались из 33 стран, и, конечно, я сделал всё возможное, чтобы достойно принять их на нашей земле. Делегаты курултая основали тогда Всемирную ассоциацию казахов, избрав Назарбаева ее председателем. Ассоциация провозгласила в качестве своих целей сохранение культурного наследия казахского народа и содействие возвращению казахов на землю предков.

Я думаю, что кроме выдвижения национальной идеи – модной тенденции во всех постсоветских государствах – в этом призыве к иммиграции виден тонкий расчет Назарбаева. Действительно, русское население, в большинстве своем образованное, не было склонно принять автократический режим, который президент мечтал установить. Напротив, наплыв оралманов¹¹, в основном малообразованных и бедных людей из Китая, Монголии, Узбекистана, Ирана и других стран позволил не только увеличить долю казахского населения, но, главное, получить значительную массу новоприбывших, полностью зависящих в своем устройстве и выживании от местных властей и потому легко поддающихся

¹¹ Буквальное значение – «возвращающиеся»

манипулированию. Затем Назарбаев объявил официальную программу помощи в устройстве в Казахстане людям из диаспоры, с ежегодными квотами количества новоприбывших.

Помощь была далеко не адекватной. Эти люди, настоящие казахские патриоты, соблазненные официальной пропагандой, оставили свои страны, чтобы прибыть на историческую родину. Но в Казахстане они немедленно столкнулись с серьезными трудностями. Массово приезжавшие в страну скотоводы не получали земли, где они могли бы заняться традиционным отгонным скотоводством. А Министерство внутренних дел спешно предоставляло им казахстанское гражданство, таким образом лишая их пособий, которые полагались новоприбывшим в ожидании натурализации.

Эти наложившиеся друг на друга тенденции – отъезд русских и представителей других меньшинств, с одной стороны, и прибытие этнических казахов, с другой, быстро изменили демографическую ситуацию в республике. В 1959 году казахи составляли лишь 30% населения, а после обретения независимости они скоро стали большинством, тогда как доля русского населения сократилась. В 1992 году только 31,4% жителей были русскими, а в 2010 году их доля упала до 23%.

Однако я стремлюсь к объективному изложению этой ситуации. Из всего постсоветского пространства Казахстан оставался страной, наиболее терпимой к русским. До сих пор русский язык остается официальным языком республики, языком межнационального общения наравне с казахским, который провозглашен «государственным языком», и административные документы до последнего времени публиковались на двух языках. Если в ходе судебного процесса (по уголовному или гражданскому делу) одна из сторон требует, чтобы заседания проходили на русском языке, это требование выполняется. Словом, в Казахстане еще можно жить, не зная казахского языка, а именно в таком положении находятся три четверти русских и других местных славян. В последнее время ситуация усложнилась: правительство постановило, что деловая переписка должна вестись исключительно на казахском языке. Станет ли это еще одним способом вынудить славян к отъезду из республики?

По правде говоря, пока что от дискриминации скорее страдают оралманы. На самом деле, тем, кто прибывает из Китая, Монголии, Ирана и других стран, очень трудно найти работу, даже неквалифицированную, поскольку они говорят только на казахском языке. Этим людям не только систематически отказывают в земле, им также крайне сложно получить жилье, образование и медицинскую помощь. Тем не менее они продолжают прибывать, так как жизнь в странах, откуда они родом, зачастую еще хуже.

Добавлю еще, что ближайшее окружение Назарбаева явно вынашивало в течение нескольких лет идею применения льгот только для казахов, по модели Саудовской Аравии. При таком сценарии все остальные казахстанцы некоренной национальности должны были бы обслуживать представителей коренного этноса. Разумеется, это было бы чудовищной несправедливостью. Я, например, представляю восьмое поколение русских, живущих в Казахстане. К счастью, после событий «арабской весны» Назарбаев полностью отказался от этой идеи, заявив, что нельзя растлевать граждан Казахстана.

Президент и парламент

После провозглашения независимости Верховный совет республики постепенно стал центром неповиновения приказам президента Назарбаева. Достаточно сказать, что парламент не утвердил многих кандидатов на пост министров, предложенных президентом. Например заместителя премьер-министра по вопросам идеологии. Тогда президент поторопился обвинить Верховный совет в сопротивлении рыночным реформам, которых хотела и либеральная часть общества, и он сам. Это было отчасти правдой. Даже если в 1990 году депутаты были избраны более или менее демократическим путем, большинство из них оставались бывшими советскими чиновниками. В России сходная ситуация закончилась трагически, поскольку парламент вступил в открытый конфликт с президентом и эта конфронтация привела к кровопролитию во

время штурма российского Верховного совета войсками, верными Борису Ельцину, в октябре 1993 года¹².

В Казахстане такого оборота событий удалось избежать. Назарбаев, который ценил мои организаторские способности, поручил мне организовать – в моем качестве депутата – сбор заявлений депутатов Верховного совета об отставке. Его идеей было вызвать роспуск парламента по причине отсутствия кворума, с тем чтобы инициировать досрочные парламентские выборы и тем самым обновить состав палаты. В то время я видел в Назарбаеве реформатора и никоим образом не предчувствовал, что этот маневр нацелен на изменение самой системы управления и установление практически неограниченной президентской власти. Совместно с моим руководителем в мэрии Нуркадиловым, тоже депутатом, мы выработали план действий.

В ходе зимней сессии парламента, 8 декабря 1993 года, я попросил слова. Я подверг резкой критике председателя Верховного совета Серикболсына Абдильдина, который стоял во главе оставшейся в меньшинстве компартии, созданной в 1991 году, после того как КП Казахстана была преобразована в социалистическую партию. Вслед за мной на трибуну поднялся другой оратор, Владимир Гартман, который снова обрушился на эту «реакционную личность». Но самую большую агрессивность проявил мэр Алматы, Заманбек Нуркадилов. В своей речи он даже несколько раз подходил к Абдильдину и пинал стол, за которым сидел Абдильдин. Зал гудел. Тогда Назарбаев проявил свой актерский талант. Он оставался на своем месте в президиуме с загадочной улыбкой на устах: его проект начинал претворяться в жизнь без его прямого вмешательства. Еще накануне председатель парламента был уверен, что депутаты проголосуют за установление парламентской республики, что сильно ограничило бы президентские полномочия. Но сейчас ситуация менялась. Мы требовали самороспуска парламента, так как он был избран еще в советское время и

¹² Конфликт между президентом Ельциным и российским Верховным советом, в большинстве своем враждебным реформам, длился с 21 сентября по 4 октября 1993 года. Он начался с роспуска парламента по приказу Ельцина. Эта ситуация вызвала митинги и бунты на московских улицах. В ответ парламентарии дезавуировали Ельцина и забаррикадировались в здании парламента, «Белом доме». Армия, верная президенту, 4 октября взяла здание штурмом. В ходе этого конфликта по меньшей мере 157 человек погибли и 348 получили ранения, главным образом во время вооруженной атаки.

теперь становился тормозом для реформ. Поскольку главные обвинения исходили от Нуркадилова и от меня, одна газета даже вышла под заголовком: «Муниципальные власти Алматы отбирают власть у Верховного совета». В зале вспыхнули бурные дебаты.

Мы с Нуркадиловым получили 196 заявлений депутатов об отставке. Я положил эти документы в надежное место, так как их можно было использовать только в случае, если бы не удалось убедить депутатов провозгласить самороспуск. Если бы я отдал их председателю парламента, потребовалось бы принимать решение по каждому заявлению отдельно. Я предполагал, что, даже если бы все отставки были приняты, остающиеся депутаты могли бы и дальше сопротивляться роспуску. Ни один закон не регулировал такую ситуацию. А уменьшенный парламент стал бы еще более реакционным.

Так что мы полагались на другой метод. Этот внезапная лавина заявлений об отставке вызвала у депутатов большое беспокойство и породила самые безумные слухи. На следующий день дебаты приобрели столь резкий характер, что меня могли бы легко разорвать на куски те, кто сражался против роспуска. Все искали эти заявления, которые находились у меня. Я набрался смелости и объявил, что 196 просьб об отставке действительно имели место. Все были на нервах, но в конечном счете события пошли по выработанному нами плану. Некоторая часть депутатов взяли слово, чтобы объяснить, почему они требуют роспуска парламента.

В своем выступлении я указал на чрезвычайно сложную ситуацию. Почему мы хотим распустить советы на всех уровнях, включая Верховный совет? Мой ответ был прост: эти органы часто возглавляли руководители советской эпохи, еще способные влиять на общественное мнение в своих интересах. В качестве примера я привел, не называя его, регион на востоке страны с русскоязычным большинством, где была развернута пропаганда за отделение региона от Казахстана и присоединение к России. Речь, на самом деле, шла о горсовете Усть-Каменогорска. Кстати, месяц спустя, в январе 1994 года, там состоялся митинг, участники которого, около 10 тысяч человек, требовали национальной автономии для этнических русских на востоке Казахстана и двойного гражданства для русских по всей республике.

Во время перерыва меня вызвали в бюро главы государства, располагавшееся в здании Верховного совета. Там я нашел президента, председателя парламента и председателей парламентских комиссий. Абдильдин жаловался на мое агрессивное выступление. Тогда Назарбаев меня спросил: «Почему ты говоришь о волнениях в приграничных регионах?» Я ответил, что имею на этот счет конфиденциальные сведения. Тогда он приказал мне больше не затрагивать опасных тем. Это было его обычной тактикой. После январского митинга никакой официальной реакции не последовало, но некоторое время спустя Назарбаев отменил указом предыдущее решение Верховного совета о создании свободной экономической зоны на востоке Казахстана, ликвидировав таким образом экономические предпосылки сепаратизма, но и воспрепятствовав динамичному развитию этого замечательного региона. Назарбаеву понадобились долгие годы, чтобы изменить свою позицию: финансирование социальных программ Восточного Казахстана увеличилось лишь в последние годы.

Мое выступление в Верховном совете принесло плоды. Парламент проголосовал за самороспуск и переход всех полномочий к президенту до следующих парламентских выборов. Предварительно был в спешке принят ряд законов, которые создавали базу для перехода к рыночной экономике. По существу, этот роспуск положил конец советскому режиму в Казахстане, но в то же время многие влиятельные и честные депутаты, которые были избраны во время перестройки и действительно принимали близко к сердцу интересы народа, лишились своих мандатов. В течение трех месяцев президент Назарбаев имел возможность принимать документы, регламентирующие приватизацию, без участия парламентариев. Выборы нового парламента были специально отложены, чтобы позволить ему действовать по собственному усмотрению.

Всеобщие выборы состоялись 7 марта 1994 года. Был избран новый парламента. Но нормально он действовал лишь несколько месяцев. В парламенте, начавшем свою работу на постоянной основе, среди 177 депутатов было слишком много независимых личностей, которые мешали власти. Президент не мог настоять на принятии законов, в которых он

нуждался, для того чтобы его семья завладела богатствами страны. Тогда была найдена ответная мера.

Вскоре после выборов одна из бывших депутатов, Татьяна Квятковская, которая не была переизбрана, очень своевременно обратилась в Конституционный суд с просьбой проверить ее жалобу на фальсификации результатов выборов в ее избирательном округе. После нескольких месяцев расследования, которое парализовало работу парламента, выяснилось, что такого рода нарушения имели место повсюду в Казахстане. В общей сложности было подсчитано гораздо больше голосов, чем имелось избирателей, из чего следовало, что одни и те же люди голосовали по несколько раз. Как ни парадоксально, это было следствием действовавшего тогда закона о выборах: каждый избиратель имел право оставить в бюллетене двух кандидатов. Тем не менее Конституционный суд признал массовые нарушения и объявил выборы недействительными, в результате чего парламент был 11 марта 1995 года распущен. Как заметил видный казахский поэт Олжас Сүлейменов, «в России, чтобы разогнать парламент [в 1993 году], понадобились танки, а у нас хватило одной Таньки».

Очередной разгон парламента был нужен только Назарбаеву. В некотором роде мы сами поневоле поработали над превращением Казахстана в авторитарную страну. С помощью этого маневра Назарбаеву удалось провести весь мир, играя в демократа. Разве он не выполнил указание Конституционного суда? Даже посол США в Казахстане Уильям Корни назвал это «демократическим решением».

Следующий шаг Назарбаева был еще опаснее. Конституционный суд, который признал парламент нелегитимным, был уничтожен: президент заметал следы. Вместо Конституционного суда был создан Конституционный совет, руководство которого назначалось все тем же Назарбаевым. Защищать Конституцию от президентских атак стало некому.

Естественно, последовали радикальные изменения Конституции. Первая конституция независимого Казахстана, имевшая демократический и прогрессивный характер и принятая Верховным советом в январе 1993

года, больше не устраивала президента по многим причинам. С одной стороны, Верховный Совет обладал там исключительным правом законодательной деятельности и весьма обширными полномочиями: выборы членов Конституционного суда и Верховного суда; назначение генерального прокурора и председателя центрального банка; одобрение таких решений президента, как назначение премьер-министра, наиболее значимых министров, послов и председателя Комитета национальной безопасности и так далее. С другой стороны, президент мог избираться лишь два срока подряд по пять лет, что ограничивало срок его полномочий десятью годами. В момент принятия первой Конституции Назарбаев сказал, что Казахстан должен следовать примеру Соединенных Штатов, где конституция не менялась в течение двухсот лет. Два с половиной года спустя, в августе 1995 года, он организовал референдум для принятия новой Конституции, которая значительно расширила его полномочия. В этом он послужил примером авторитарному белорусскому лидеру Александру Лукашенко¹³.

В этой Конституции было много радикальных изменений в сравнении с Конституцией 1993 года. Так, было отменено ограничение президентской власти двумя сроками; был введен двухпалатный парламент, где депутаты верхней палаты, Сената, частично назначались президентом; отныне президент также назначал, с одобрения нижней палаты – мажилиса, – премьер-министра и других министров, послов, председателя Центральной избирательной комиссии и его заместителей, председателя и двух членов Конституционного совета (который состоит в общей сложности из семи членов), губернаторов регионов, а также, с формального одобрения Сената, президента Центрального банка, генерального прокурора, председателя Комитета по национальной безопасности и так далее. Именно президент отныне предлагал Сенату кандидатуры судей Верховного суда, чтобы тот их «избрал». К тому же президент обзавелся могущественной президентской администрацией и Республиканской гвардией, он также создал Совет безопасности, учредил Ассамблею народа Казахстана с чисто декоративными, консультативно-

¹³ В ноябре 1996 года, спустя два года после своего избрания президентом, Александр Лукашенко организовал референдум по изменению Конституции, принятой в марте 1994 года. Новая конституция значительно расширила его полномочия и положила конец независимости трех ветвей власти.

совещательными функциями и Высший судебный совет; он мог по своему усмотрению издавать законы путем указов.

Быстро выяснилось, зачем президенту понадобилось создавать Ассамблею народов Казахстана, которая, как изначально утверждалось, должна была заниматься вопросами межнационального согласия. Этот орган вдруг выступил с инициативой о продлении срока действия полномочий президента Казахстана путем проведения референдума. По действовавшей на тот период времени Конституции Казахстана, принятой Верховным Советом в январе 1993 года, решение о проведении референдума о продлении полномочий действующего президента до 2000 года мог принять только Верховный Совет. Это одна из главных фальсификаций в истории Казахстана, которая делает нелегитимным принятое решение о проведении референдума в 1995 году.

В августе того же года состоялся еще один референдум, по итогам которого была принята совершенно новая Конституция Казахстана, круто изменившая положение дел в государстве. В результате неконституционных действий произошла замена парламентской формы правления на президентскую. Нурсултан Назарбаев стал единоличным руководителем Казахстана.

Отныне президенту оставалось только поставить своих людей в органы управления на всех уровнях, чтобы укрепить свою власть. В дальнейшем он ввел новые поправки к Конституции, чтобы стать пожизненным «лидером нации», на манер Муаммара Каддафи или Саддама Хусейна.

Приватизация

Сегодня принято говорить, что после развала СССР вся экономика Казахстана оказалась в глубоком кризисе: промышленные предприятия и сельское хозяйство свернули производство, а прилавки магазинов опустели. Конечно, разрыв торговых связей между республиками разрушил производство. Но Казахстан – богатейшая страна, обладающая предприятиями по добыче и переработке сырья и прекрасным сельским хозяйством. Я отказываюсь верить, что продукция наших шахт, заводов и

животноводческих хозяйств не находила сбыта. Долгий опыт работы на государственных постах дает мне основания утверждать, что в период, предшествовавший приватизации, руководство республики сознательно принимало меры, нацеленные на обесценение промышленных и сельскохозяйственных активов Казахстана, чтобы затем задешево их присвоить. К этому сводилась деятельность Сыздыка Абишева, близкого Назарбаеву: открытые им в Европе торговые дома создали условия для первоначального накопления капитала. Продукция промышленных предприятий забиралась по заниженным ценам, а продавалась через торговые дома по рыночным. Разница оседала в карманах президента и его семьи.

Приведем в качестве примера крупный промышленный комплекс, который называется Джезказганцветмет, что означает «цветные металлы Джезказгана». Этот комплекс производил медь очень высокого качества, которая была весьма востребована. Почему его руководство оказалось неспособным и дальше выполнять имеющиеся заказы и изыскивать новые, продавать свою продукцию и тем самым обеспечивать предприятие работой? Другое предприятие, «Балхашмедь», Балхашская медь, которое хорошо работало в советское время, внезапно перестало производить продукцию. Его руководители были уволены, а некоторые из них даже попали в тюрьму. По каким таинственным причинам? И сколько подобных примеров! Разумеется, приватизация этих двух компаний – и многих других – была необходима, так как нужно было найти средства для финансирования работы государства. Проблема в том, что продажные цены всех этих флагманов индустрии были сильно занижены – в интересах Нурсултана Назарбаева, членов его семьи и ближайшего окружения. Как это стало возможным?

В первой половине 1990-х годов Назарбаев еще казался демократическим и харизматическим лидером. В то время он завязал очень тесные связи с президентом Южной Кореи Ро Де У и регулярно приводил в пример южнокорейское экономическое чудо. А когда Ро Де У был у себя на родине осужден в 1993 году за коррупцию и посажен в тюрьму на семнадцать лет, Назарбаев воздержался от каких-либо комментариев. Урок, который преподнес народ Южной Кореи, ему явно не подходил.

Затем экономическим советником Назарбаева стал китаец южнокорейского происхождения Чан Янг Бэнг, которому было поручено выработать программу приватизации. Объявленный президентом проект был большей частью скопирован с модели первой волны приватизации в России, созданной Анатолием Чубайсом¹⁴. На бумаге этот проект был великолепен: в соответствии с принципом социальной справедливости каждый казахстанский гражданин получал свою долю национальных богатств страны. Доктор Бэнг изобрел «ПИКи», приватизационные инвестиционные купоны.

Между 1993 и 1995 годами каждый житель страны получил право на 100 «пиков», с тем чтобы стать акционером промышленного или сельскохозяйственного предприятия. Эти бонусы, не имевшие денежного эквивалента, были распределены среди граждан Казахстана. Чтобы помешать каким-либо спекуляциям, они не имели права их продавать – только вкладывать в специальные инвестиционные фонды (создание которых было частью проекта) или дарить своим близким. Для сбора «пиков» было создано 169 фондов, которые обещали гражданам приумножить их вклады. Эти фонды участвовали в аукционах, чтобы «приобрести» с помощью «пиков» акции приватизируемых предприятий¹⁵. При этом между ними шла жесткая конкуренция по сбору наибольшего числа «пиков». Однако граждане вовсе не стали таким образом акционерами. Очень скоро директоров фондов стали привлекать к судебной ответственности. Некоторые отправились в тюрьму за «злоупотребления». В конечном счете большинство таких учреждений исчезли, и куда делись акции, осталось неизвестным. Что до доктора Бэнга, этого восхвалявшегося официальной пропагандой «гиганта», он бесследно исчез.

¹⁴ В России первый этап приватизации – согласно схеме Анатолия Чубайса (в то время председателя Государственного комитета по управлению государственным имуществом), проводился путем распределения среди всего населения «ваучеров» (купонов), которые давали их владельцам право обменять те на акции предприятий, подлежащих приватизации. На самом деле, подавляющее большинство граждан продавали свои ваучеры за символические суммы, в то время как люди, находившиеся «на правильных местах», как например, директора заводов или банкиры, смогли собрать значительное количество купонов и задешево стать владельцами предприятий.

¹⁵ Инвестиционный фонд не имел права покупать более 10% акций предприятия, и, как правило, эти предприятия не могли продавать более 20% своих акций, так что они оставались собственностью государства.

Годы спустя так и не удалось узнать, кто создал большинство этих структур, что эти фонды смогли приобрести в обмен на «пики» и как они преобразовались в акционерные общества. Свинцовый колпак покрывает эту историю, в которой все казахстанцы оказались одураченными. Однако судьба нескольких крупных фондов известна. Приведем один пример. Самый крупный инвестиционный фонд, «Бутя-капитал», был создан Болатом Абиловым, бывшим комсомольским деятелем, который с начала 1990-х годов занялся бизнесом. Бутя приватизировал акции на «пики», которые ему доверили миллионы граждан¹⁶. Откуда такое доверие? Я полагаю, сыграл роль тот факт, что в 1994–1996 годах Абилов был специальным советником президента Назарбаева. Во всяком случае, в начале 2000-х годов этот холдинг контролировал 115 предприятий во всех регионах республики, включая машиностроительные и химические заводы, нефтяные компании, сельскохозяйственные предприятия, фирмы по импорту автомобилей.

У этой истории есть интересное продолжение. К середине 2000-х годов, Абилов перешел в оппозицию, и как бы случайно всплыл вопрос о «пиках», собранных Бутей. Стало известно, что этот фонд получал в обмен на «пики» акции различных предприятий, затем перепродавал их, зачастую себе в убыток, так что мелким инвесторам фонд якобы ничего не был должен. Но, когда прокуратура и налоговая полиция начали поднимать дело против Бути, фонд вынужден был в 2005 году распределить «дивиденды» тем, кто ему доверил «пики». Более полумиллиона человек потребовали возмещения, и каждый получил по 6 тысяч тенге, что составляет 45–46 долларов. Это был единственный случай, когда казахстанцы получили в обмен на свои «пики» хоть какие-то крохи.

На самом деле, единственной удачной приватизацией была та, которую мы с Нуркадиловым осуществили в Алматы. Несмотря на потоки критики со стороны окружения Назарбаева, мы разрешили всем людям, которые на законных основаниях занимали муниципальные квартиры, их

¹⁶ Различные источники указывают разные цифры количества инвесторов: от 2,2 до 9 млн человек разместили у Бути свои «пики».

приватизировать. Здесь нужно напомнить, что в СССР было невозможно приобрести квартиру в полную собственность. Дома строились муниципалитетами или предприятиями, и люди терпеливо стояли на очереди долгие годы, чтобы получить квартиру внаём с очень низкой квартплатой. Обслуживанием этих квартир потом занимались мэрии, но, так как бюджеты были маленькими и управление было абсолютно неэффективно, все съемные квартиры, в Алматы, как и повсюду, находились в плачевном состоянии.

Мы надеялись, что, став собственниками, люди будут заботиться о своих квартирах и жилых домах, где всё нужно было ремонтировать и приводить в порядок: отопление, электропроводку, канализацию, лифты и так далее. Но люди не были к этому приучены. К примеру, городские службы установили в каждом доме общедомовые счетчики для учета расхода воды, но целые микрорайоны отказались оплачивать счета по этим счетчикам. Я не знал, как с этим быть. Ничего не придумав, я устроил наглядный показ: приехал однажды глубокой ночью в один из кварталов, разбудил управдома и велел, чтобы он снял крышку на канализационной трубе в подвале дома. Оказалось, что в разгар ночи, когда все люди спали, из-за ржавых и поломанных кранов, шел непрекращающийся поток воды. Питьевая вода напрямую уходила днем и ночью в канализацию! Один кран мог за сутки вызвать утечку полутора тонн воды! Вот так мы вели нашу муниципальную войну с бесхозяйственностью, унаследованной от советской эпохи.

Приватизация квартир, которая впоследствии практиковалась в других городах страны, позволила населению стать собственниками жилья в городе Алматы. Конечно, она не была очень справедливой, поскольку привилегированные сотрудники советского времени, которые жили в высококачественных домах в центре города, получили несравненно большую ценность, чем те, кто жил в панельных «хрущевках» на окраинах. Но, по крайней мере, все, кто пожелали стать собственниками, ими стали. И рынок недвижимости начал функционировать, делая более динамичной экономическую жизнь столицы.

Я работал в качестве первого заместителя Нуркадилова, когда впервые непосредственно столкнулся с аппетитами президента Назарбаева. У нас

были здания, входившие в залоговый фонд города, например красивая 25-этажная гостиница «Казахстан» или такие гостиницы, как «Жетысу» и «Алматы». Мэрия имела право получать под залог этих зданий банковские кредиты для конкретных проектов, что позволяло нам иметь оборотные средства. Но в один прекрасный день, в 1994 году, президент решил, что эти объекты должны быть переведены в республиканскую собственность. На самом деле, такой маневр открывал путь к приватизации этих зданий в пользу его близких за смехотворную сумму, но это я осознал много позже.

При всей моей наивности такое решение президента меня возмутило. Во время рабочего совещания правительства я попросил слова и потребовал, чтобы нам вернули эти здания. Я утверждал, что на государственном уровне владение этим гостиницами мало что изменит, тогда как для меня это было своего рода обменной валютой: я мог выделять средства на значительные проекты, не ожидая поступления денег из бюджета. Сергей Терещенко, который был тогда премьер-министром, после заседания сказал мне: «Потерпи, я поговорю с президентом». И буквально две или три недели спустя эти гостиницы снова стали муниципальной собственностью. Президент, несомненно, затаил на меня злобу, даже если реакции сразу не последовало. И в самом деле, разве не было у него целой страны для удовлетворения своих appetитов?

Несбывшаяся мечта об общественном телевидении в Казахстане

Судьбе было угодно, чтобы я стал свидетелем истории, которую сегодня мало кто знает в Казахстане. Она касается Лейлы Бекетовой, ставшей в середине 1990-х годов моей женой. В декабре 1990 года, когда мы еще не были знакомы, Лейла создала первую частную телекомпанию в Казахстане, «Тан». Это был конец советской эпохи, и правила игры были еще очень плохо определены, но Лейле в конце концов удалось зарегистрировать компанию в форме малого предприятия. Благодаря моему начальнику Нуркадилову телекомпания «Тан» смогла даже получить небольшое помещение на первом этаже недостроенного жилого дома в хорошем квартале. Лейла сделала там на свои средства ремонт,

провела электричество, устроила студии со звукоизоляцией и так далее. Кстати, именно по поводу проблем с электричеством Лейла пришла ко мне в начале 1992 года. Так мы познакомились.

Лейла произвела на меня сильное впечатление. Это была деловая женщина, рассудительная и решительная, которая параллельно своей работе в «Тан» только что создала тогда другую телекомпанию, «Тан плюс», совместно с Ахмедом Озалом, сыном турецкого президента Тургута Озала. Турки старались развивать тесные отношения с Казахстаном и Азербайджаном, и создание турецко-казахстанского канала являлось частью этого стратегического сближения. Став в Казахстане восходящей звездой, Лейла быстро получила международное признание, но партнерство с Ахметом Озалом, человеком сердечным и очень образованным, длилось недолго. Семья президента Назарбаева подтолкнула Озала к созданию совместного бизнеса с Тимуром Кулибаевым, супругом средней дочери президента, Динары. Впрочем, новое партнерство также оказалось недолговечным, поскольку в апреле 1993 года Тургут Озал скончался, вскоре после своего последнего визита в Казахстан, во время которого мы с Лейлой имели с ним очень теплую встречу. Сначала объявили, что он умер от сердечного приступа, но вскрытие показало, что причиной смерти стало отравление. Его преемник этот стратегический проект забросил.

Весной 1994 года Назарбаев, которого впечатлили предложения Лейлы по реформированию радио и телевидения, доверил ей пост президента – на правах министра – Республиканской корпорации «Телевидение и радио Казахстана», созданной на базе бывшего национального телевидения страны. Совершенно очевидно, что он оценил ее профессиональные качества: «Тан» внес новую струю в развитие казахстанского телевидения. Энергичная Лейла оказалась во главе огромной корпорации, где трудилось более пяти тысяч сотрудников и царила полная анархия. На ее плечи выпала тяжелая ноша: создать новые правила функционирования национального телевидения в условиях нарождающейся рыночной экономики, притом что правовая база для этого отсутствовала.

Ситуация выглядела следующим образом: телевидение продолжало получать значительное государственное финансирование, но предыдущее

руководство, по сути, превратило компанию в свою кормушку. Так, оно получало огромные суммы от рекламодателей нового частного сектора, но эта деятельность никак не была регламентирована. Попросту говоря, руководство и некоторые привилегированные сотрудники набивали себе карманы. Лейла должна была покончить с этим беспределом. Именно она выработала правовые основы нового общественного телевидения страны – первой общественной телекомпании на всем постсоветском пространстве! – и она же привела ее в действие. В течение целого года Лейла вкладывала все свои силы в организацию и модернизацию работы республиканской корпорации.

Однако, как только телевидение начало нормально работать и появилась надежда, что через несколько лет оно станет рентабельным, а значит, независимым от бюджета государства, президент Назарбаев вызвал Лейлу и попросил ее взять на работу свою старшую дочь Даригу в качестве вице-президента. В тот момент Дарига была хозяйкой большого кафе, которое ей подарил мэр Нуркадилов вместе с 19 другими торговыми точками. Она абсолютно не подходила для работы на телевидении, но отказать было невозможно. Едва Дарига вошла в курс дела в этой новой для нее области, как «папа» (так в ближнем круге называют президента Назарбаева) потребовал, чтобы Лейла уволилась «по собственному желанию», разумеется, в пользу Дариги. Лейла говорит, что «папа» все-таки имел смущенный вид, излагая это требование. На самом деле, Лейла просто подготовила место для Дариги. Мы, конечно, никогда не узнаем, было ли это с самого начала проектом Назарбаева, но мне это кажется вполне возможным. Дарига получила телекомпанию, которая хорошо работала, и могла начать атаку на все средства массовой информации. Сегодня 99% СМИ находятся в руках семьи Назарбаева.

Как только Дарига встала у руля компании в 1995 году, она провела приватизацию (с помощью нескольких приближенных) всех зданий, занимаемых студиями и административным сектором корпорации. «Пирог», который она вознамерилась проглотить, был огромным: Дарига выкупила все служебные площади в зданиях практически за бесценок, по пятьдесят долларов за квадратный метр, тогда как рыночные цены на служебные площади такого класса были в десять и даже в двадцать раз

выше. Об этом, во всяком случае, заявил годы спустя тогдашний министр печати Алтынбек Сарсенбаев, и возможно, что именно разглашение этой информации стоило ему жизни. В феврале 2006 года он был убит бойцами спецподразделения КНБ вместе со своим шофером и телохранителем. К этому мы еще вернемся. Что касается Республиканской корпорации «Телевидение и радио Казахстана», она была переименована в агентство «Хабар», независимую структуру при правительстве, которое ее снабжает щедрым бюджетом. С тех пор этот канал стал рупором пропаганды режима и не перестает восхвалять заслуги Назарбаева и его роль в «демократизации» и переходе к рынку – «рыночному феодализму», как любят шутить казахстанские оппозиционеры. Скоро стало ясно, что мечте Лейлы, которую разделяли все казахстанские демократы, – создать настоящее общественное телевидение – не суждено было воплотиться в жизнь.

IV. В Министерстве энергетики

В феврале 1994 года меня вызвал Назарбаев. У него в кабинете находился Нуртай Абыкаев, доверенное лицо президента.

– Скажи честно, твой шеф пьет? – начал Назарбаев.

– Я никогда с ним не пил. Я не в курсе.

– Говорят, он так надирается, что его приводят домой мертвецки пьяным.

– Вам жаловались на нашу работу? Разве в магазинах не хватает продуктов? Или бывают перебои с электричеством? Или улицы не убирают? Быть может, городской транспорт не работает?

– Нет, на вашу работу я не жалуюсь.

– То есть это означает, что мэрия работает нормально.

Президент помолчал и затем задал мне такой вопрос:

– Кого бы ты хотел видеть мэром?

– Не моя прерогатива давать Вам советы. Это Вам надлежит назначить мэра.

– О кей, можешь идти.

Я пошел к двери и обернулся:

– Могу я задать Вам вопрос?

– Можешь.

– Можно ли оставить Нуркадилова на этом посту?

Назарбаев подошел ко мне и потрепал по плечу: «Я ничего другого и не ждал от тебя».

Я ничего не сказал об этой беседе Нуркадилову, потому что сам не знал, как ее расценивать. Хотел ли президент проверить мои амбиции? Были ли у него претензии к Нуркадилову?

Однако дни Нуркадилова в мэрии были сочтены. Перед уходом мэра в отпуск, 20 июня 1994 года, у него произошла серьезная стычка с премьер-министром Сергеем Терещенко, который, тайком записав эту беседу на магнитофон (какие благородные нравы!), дал ее прослушать Назарбаеву, что и решило судьбу моего бывшего шефа. В тот же вечер Назарбаев назначил другого мэра, Шалбая Кулмаханова, который до тех пор был его советником. Я оставался в должности заместителя мэра, но мое сотрудничество с новым начальником продлилось лишь несколько месяцев.

В мае 1995 года Назарбаев предложил мне пост министра энергетики и угольной промышленности в правительстве Акежана Кажегельдина, который стал главой кабинета в октябре 1994 года, получив от президента мандат на коренное реформирование экономики страны. Тогда никто не мог подозревать, что эти пресловутые реформы не только не приведут к честной приватизации промышленных предприятий, но в действительности послужат присвоению национальных богатств группой олигархов и семьей президента.

Вот так я был буквально катапультирован в новый для меня вид деятельности, полной неожиданных и чрезвычайных ситуаций. Поскольку сектор энергетики находился в глубоком кризисе, Назарбаев рассчитывал на мою компетентность – как специалиста в области энергетики, так и хорошего управленца.

По правде говоря, положение было катастрофическим. Промышленность, сельское хозяйство и транспорт уже действовали в условиях рыночной экономики, тогда как предприятия энергетического сектора, включая электростанции, оставались в собственности государства. Но государство оказалось неспособным к эффективному управлению, и – главным образом по причинам социального характера – ему не удавалось обязать потребителей энергии оплачивать счета. Так, недоплата

сельскохозяйственного сектора составила 60 миллиардов тенге¹⁷, а задолженность регионов доходила до 35 миллиардов тенге. Однако, опасаясь забастовок, правительство, запретило отключать потребителей от электроснабжения и повышать тарифы на электрическую и тепловую энергию.

В некоторых случаях отключение электричества было попросту невозможным. Прежде всего речь шла об угольных шахтах. Некоторые из них были заброшены с первых лет независимости, так как их продукция больше не пользовалась спросом. Проблема заключалась в том, что мы не могли отключить их от электроснабжения, так как это вызвало бы остановку насосных станций и некоторые шахты были бы затоплены. А политического решения окончательно прекратить эксплуатацию этих шахт принято не было. Можно также привести в пример канал Иртыш-Караганда, накопивший огромный долг. Если бы его двадцать насосных станций были остановлены, канал перестал существовать. Запустить его заново вряд ли было возможным.

Особенно трагическая сторона неуплаты была связана с инфляцией. Действительно, страна только-только вышла из галопирующей инфляции, темпы которой в 1992 году достигли 3061%. Конечно, в 1995 году она замедлилась, в частности благодаря умелой валютной политике премьер-министра Кажегельдина и его кабинета, но все-таки еще составляла 160% в год, и долларовая стоимость неиндексированного долга (такой практики не существовало) сокращалась на глазах, как шагреновая кожа.

Одновременно Казахстан, получавший часть электроэнергии от соседних стран, имел задолженность перед Россией, Киргизстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. В тот момент, когда я возглавил энергетический сектор, этот внешний долг составлял 600 миллионов долларов, из которых 450 миллионов долларов Казахстан был должен России. И эти долги, конечно, исчислялись не в тенге, а в долларах!

Каким образом можно было в этих условиях обеспечивать отопление городов зимой, когда в течение месяцев температуры были очень низкими и порой доходили до 40–50 градусов ниже нуля? Медленно, но

¹⁷ В то время около 770 тыс. долларов.

верно государство двигалось к энергетическому краху. Правительство не имело средств для оплаты внешнего долга и не могло покрыть неплатежи потребителей из промышленного и сельскохозяйственного секторов.

Я начал с того, что организовал рабочую группу для выработки программы реформ. Мы изучили опыт всех развитых стран, чтобы выяснить, какие решения предлагались в периоды энергетических кризисов. Оказалось, что большинство развитых стран решали эту проблему путем приватизации электроэнергетического сектора. Исключением была только Италия, которая в 1962 году выкупила частные электрические компании, создав государственный консорциум Enel¹⁸. Однако, прежде чем проводить частичную приватизацию, следовало найти способ изменить отношение потребителей к поставкам электричества. Нужно было придать электроэнергии статус товара, чтобы покончить с расточительностью и обязать предприятия, в том числе и по суду, оплачивать счета за потребленную энергию.

Привыкшие к советской расточительности руководители регионов не понимали серьезности проблемы. В момент вступления в должность я столкнулся с парадоксальной ситуацией: люди, вершившие власть на местах, запрещали находящимся в их секторе энергетическим объединениям отключать за неуплату подачу электроэнергии тому или иному потребителю. В то время между предприятиями, которым не хватало наличных денежных средств, практиковались бартерные сделки, как для того, чтобы платить работникам, так и для того, чтобы оплачивать счета поставщиков. Некоторые заводы или шахты, не платившие по счетам, просто выставляли свою продукцию перед административными зданиями электростанций и полагали, что таким образом они погашают долг! Разумеется, последствия для бюджета вверенного мне министерства были катастрофическими. Одной из первых принятых мною мер был запрет предприятиям энергетического сектора принимать оплату «натурой».

¹⁸ Итальянская энергетическая компания, основной производитель электроэнергии в стране. Созданная в 1962 году в ходе национализации всей совокупности производителей электричества в Италии, она была существенно реформирована и приватизирована в 1999 году в связи с открытием итальянского рынка электроэнергии для конкуренции по требованию Европейской комиссии.

История, случившаяся в городе Кокшетау¹⁹ на новый 1996 год, одновременно трагическая и невероятная, убедительно свидетельствует об этом состоянии безответственности. Электрораспределительная компания во время операции по переключению случайно отключила электричество на насосной станции, которая качала холодную воду в центральную котельную города Кокшетау. Директор этой котельной, снабжавшей горячей водой и теплом весь город, стал бить тревогу, но никто не хотел его слушать. Все праздновали Новый год, включая руководство региона. Собрались только 3 января, но было уже поздно. Трубы отопления во всем городе – в жилых домах, учреждениях, школах, детских садах, больницах – были серьезно повреждены и вышли из строя. Когда я прибыл самолетом в Кокшетау вместе с заместителем премьер-министра Дусембаем Дюйсеновым, мы увидели город, практически парализованный холодом.

Как часто бывает, руководство региона поспешило списать вину на «стрелочника»: директора центральной котельной. Он был арестован, против него было возбуждено уголовное дело. Разумеется, я не мог принять такое положение вещей, приказал создать комиссию, и та быстро обнародовала свои заключения. Вина за эту серьезную аварию была возложена на руководство региона и на распределительную электросетевую компанию, которые не приняли немедленные меры для перезапуска насосной станции. Губернатор был отправлен в отставку, и истинные виновники аварии пошли под суд. Но понадобились героические усилия и значительные средства, чтобы быстро восстановить отопительную сеть в городе в разгар зимы.

К сожалению, ни президент, ни премьер-министр не понимали сложностей работы энергетического сектора. Для премьер-министра, управление в этой области сводилось к простым действиям: «подключить – отключить». Однако, энергетика – это стеновой хребет любого государства, и нельзя позволить относиться к ней небрежно. Как ни парадоксально, мне пришлось объяснять Кажегельдину эту очевидную

¹⁹ Город на севере Казахстана (137 тыс. жителей), известный главным образом предприятиями золотодобывающей промышленности.

истину, указав на то, что его близорукость наносит серьезный ущерб государству.

История грандиозной аварии на ТЭЦ-2 в Караганде прекрасно иллюстрирует тяжелое положение энергетического сектора в то время. Глубокой осенью 1996 году эта станция мощностью 400 мегаватт неожиданно прекратила работу в результате пожара. Незадолго до этого станция была приватизирована и приобретена крупной компанией ArcelorMittal, чтобы снабжать энергией Карметкомбинат, флагман казахстанской промышленности, приобретенный ею годом раньше²⁰. Однако индийское руководство из соображений экономии не заключило контракт с какой-либо энергетической компанией, которая могла бы прийти на помощь в случае такого рода аварии. Узнав о катастрофе, я срочно прибыл в Темиртау²¹, где находится Карметкомбинат, вместе с заместителем премьер-министра по энергетике Гарри Штойком.

Перед нами предстала апокалиптическая картина. Энергоблок станции мощностью 100 мегаватт полностью сгорел. Крыша здания, в котором он находился, обрушилась. Станция была выведена из строя. Ее ремонт требовал очень значительных работ. Между тем в результате аварии на ТЭЦ был парализован весь Карметкомбинат, где произошло множество взрывов. Чтобы устранить повреждения и перезапустить комбинат, нужно было найти возможность заменить поврежденную ТЭЦ.

На первый взгляд, решение было простым: достаточно было заключить договор на поставку электроэнергии с Экибастузской ГРЭС-2²². Проблема состояла в том, что на этой станции была забастовка: рабочие решили прекратить работу, до тех пор пока им не выплатят задолженность по зарплате, которая исчислялась тремя миллионами долларов. Правительство не располагало такой суммой. Тогда я предложил директору Карметкомбината Малаю Мукерджи выплатить эту сумму в

²⁰ ArcelorMittal приобрела Карметкомбинат в ноябре 1995 года, ТЭЦ II – в мае 1996, а угольные шахты карагандинского региона – в июле 1996 года.

²¹ Темиртау – город в Карагандинской области (170 тыс. жителей). Его население, в большинстве своем русское, работает, главным образом, на Карметкомбинате.

²² Экибастуз, шахтерский город (почти 130 тыс. жителей) в Павлодарской области на северо-востоке Казахстана. Эта область граничит с Карагандинской.

качестве аванса за поставки энергии. Он немедленно подписал мне чек на три миллиона долларов (в тенге), и мы отправились в областной государственный банк, где Карметкомбинат имел счет. Однако директор банка отказался выдать нам наличные деньги²³, так как эта операция полностью опустошила бы его кассу. После упорных переговоров, губернатор Карагандинской области Петр Нефедов приказал банку выдать нам наличность – нужно было во что бы то ни стало спасти флагманское предприятие, которое давало работу всему городу. В банк прибыли вооруженные бойцы спецподразделения, чтобы погрузить эти деньги в самолет и сопроводить нас до самого Экибастуза.

Тем временем я позвонил премьер-министру А. Кажегельдину, чтобы сообщить ему о том, как продвигается разрешение кризиса. И буквально онемел от его реакции. Не дав себе времени понять, что происходит, он принялся орать: «Вот так, значит, ты, министр, спасаешь предприятие «папы»? Знаешь, что означает остановить работу Карметкомбината? Ты вообще понимаешь, что делаешь?» Эта речь была пересыпана выражениями, которые я здесь повторить не могу. Я разозлился и объяснил ему, с помощью того же словаря, что вина лежит на индийцах, которые не предусмотрели запасного варианта на случай крупной аварии на станции – их станции, подчеркнул я.

Премьер-министр, наконец, понял серьезность ситуации, извинился и попросил меня как можно скорее перезапустить комбинат, иначе «папа» нас убьет». После этого разговора я кипел от возмущения из-за наглости и некомпетентности Кажегельдина, и Гарри Штойк, заместитель премьер-министра, тщетно пытался меня успокоить. Но главное, я понял, что Карметкомбинат на самом деле имел двух владельцев: официального, Лакшми Миттала, и неофициально, Нурсултана Назарбаева.

Это открытие было для меня шоком, но у меня не было времени, чтобы анализировать свои чувства. Мне нужно было сесть в самолет, который перевозил нашу «добычу». Когда мы с Гарри Штойком поднялись на борт, нас поразила невероятная картина: все сидения были заняты большими

²³ В то время зарплату платили исключительно наличными.

мешками с пачками банкнот, так что самим военным с автоматами пришлось сидеть на полу.

В аэропорту Экибастуза нас встретил губернатор Павлодарской области Ахметов, который меня буквально сразил, объявив, что мы не можем выдать зарплату работникам Экибастузской ГРЭС-2, не внося предварительно платежи в пенсионный фонд. Старики, сказал он, уже полгода не получали свои пенсии. Он потребовал, чтобы мы выплатили 40 миллионов тенге в бюджет области²⁴. А это была пятая часть суммы, которую мы должны были раздать рабочим! Я не мог с этим согласиться, и мы начали торговаться. В конечном счете, сошлись на 20 миллионах тенге.

Затем деньги были перевезены на станцию, и рабочим выплатили задолженность по зарплате. Люди, которые не получали ни копейки в течение шести месяцев, устроили праздник. Многие напились до такой степени, что не смогли назавтра приступить к работе. Я устроил директору грандиозный разгон и мобилизовал всех, кто был в состоянии что-либо делать, на проверку оборудования после столь долгого перерыва. На следующий день станция начала работать и снабжать энергией Карметкомбинат. Инцидент был исчерпан. Я покинул Экибастуз с чувством гордости, но также и с горечью. Почему нам пришлось приложить столь героические усилия, чтобы устранить последствия некомпетентности руководства приватизированной карагандинской ТЭЦ-2? Возможно, именно в тот момент я понял, что мы не можем приватизировать весь энергетический сектор.

Второй этап приватизации

История приобретения Карметкомбината индийским миллиардером Лакшми Митталом остается загадочной. Нет никакой официальной информации, позволяющей узнать, какую сумму заплатил Миттал (который к тому времени еще не имел своего нынешнего статуса миллиардера и магната сталелитейной промышленности), чтобы получить

²⁴ В то время около 600 тыс. долларов.

право контролировать крупнейшее после Магнитогорского комбината металлургическое предприятие СССР.

Эта история началась в мае 1995 года, когда правительство А. Кажегельдина объявило конкурс на управление Карметкомбинатом. Выиграло этот конкурс совместное казахстанско-австрийское предприятие Voestalpine-Kazakhstan. Много лет спустя мы узнали, что руководству Voestalpine сверх официальной цены 20 миллионов долларов пришлось тайно заплатить еще столько же «нужным людям» в Алматы. Но это еще пустяки в сравнении с теми нравами, которые обнаружили австрийцы на Карметкомбинате: кража металлов мафиозными группами, и главное тройная бухгалтерия. Когда австрийское руководство решило обнародовать эту информацию, совместное предприятие было просто-напросто ликвидировано под предлогом «некомпетентности».

Согласно полученным журналистом Вадимом Харченко сведениям, Гарри Лучанский, личный друг президента Назарбаева и владелец весьма непрозрачной трейдерской компании Nordex GmbH выиграл новый конкурс, заплатив неофициально тем же «нужным людям» 50 миллионов долларов²⁵. Под управлением Лучанского кража металлов и тройная бухгалтерия приобрели еще более широкий размах, в то время как рабочих подвергали чрезмерной эксплуатации и плохо им платили, что привело к забастовкам.

Нурсултан Назарбаев, вынужденный поддерживать свой имидж «добротного отца» нации, устранил тогда Лучанского ради индийского капиталиста Лакшми Миттала, уже владевшего металлургическими заводами в Индонезии, Мексике, Канаде и Германии, которые, однако, не шли ни в какое сравнение с Карметкомбинатом. По мнению Харченко, Миттал заплатил 450 миллионов долларов за полную приватизацию гиганта металлургической промышленности, из них сто миллионов в виде взятки, которая пошла в карманы Назарбаева и его ближайшего окружения. Это было мудрой инвестицией: Миттал быстро выдвинулся в первые ряды богатейших людей мира, как это произошло и с некоторыми российскими олигархами в ходе приватизации при Борисе Ельцине. Однако между

²⁵ Вадим Харченко. «Апостолы Назарбаева, Проект ДАТ», см. сайт <http://www.taszhargan.info>

этими двумя лидерами есть и большая разница: Назарбаев часто предпочитает уступать приватизируемые активы иностранцам, чтобы не делиться властью и влиянием с собственными олигархами.

В результате приватизации Карметкомбината президент или его ближайшее окружение получили менее чем за два года 170 миллионов долларов в виде взяток последовательно от трех управляющих этого гигантского металлургического комплекса. Но почему Кажегельдин говорил мне о «папином» предприятии? Назарбаев тайно владел акциями? Миттал был обязан платить ему ежегодную «ренту»? Во всяком случае, мой бывший начальник в Алматы Заманбек Нуркадилов, ставший противником режима, публично заявил в 2004 году, что Карметкомбинат принадлежит президентской «семье». Но пока Назарбаев остается у власти, эта загадка, возможно, не будет раскрыта.

История приватизации Карметкомбината – лишь одна из многих. После того как улетучились «ПИКи», настал час приватизировать крупные предприятия тяжелой промышленности. Я попытаюсь здесь рассказать в общих чертах, как это происходило.

В предыдущей главе я уже упомянул о деятельности Сыздыка Абишева, финансиста высокого полета и родственника жены Назарбаева Сары. Благодаря деятельности объединения «Казахинторг», имевшего монополию на продажу сырья за валюту на иностранных рынках, которым Абишев руководил на заре независимости, семья президента и его ближайшее окружение смогли собрать начальный капитал и начиная с 1996 года скупить практически всю промышленность в стране.

Возьмем, к примеру, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, который был лидером в своей области в СССР. Цинк, золото и медь, производимые этим комбинатом, признавались на Лондонской бирже эталонной продукцией. При посредничестве Абишева и других подставных лиц этот комбинат, так же как и многие заводы и шахты Зырянновска, Лениногорска, Белоусовки, Березовки – словом, всё, что было ценного в цветной металлургии Казахстана, – был продан за смехотворные суммы Glencore, крупнейшему поставщику сырьевых товаров, трейдерской фирме, базирующейся в Швейцарии.

Glencore, одна из самых непрозрачных компаний в мире, была основана в 1974 году американским трейдером, специализирующимся на торговле нефтью и металлами, Марком Ричем, имя которого она в то время носила. В 1984 году Рич был заочно осужден в США за торговлю с Ираном в нарушение международного эмбарго и уклонение от уплаты налогов. Фирма была тогда перекуплена его сотрудниками и партнерами. С самого своего основания компания вела дела с сомнительными режимами, вроде Советского Союза времен его вторжения в Афганистан (это была единственная в мире фирма, поставлявшая в СССР пшеницу, вопреки эмбарго), Ливии или Южной Африки в эпоху апартеида.

Было вполне естественным, что Glencore утвердилась на рынках бывшего СССР с момента его распада. В первые постсоветские годы эта компания, специализировавшаяся на покупке и перепродаже стратегического сырья, осуществила ряд весьма удачных операций в России и в Казахстане. В 1995–1996 годах, когда начиналась приватизация крупных предприятий в этих двух странах, Glencore поменяла тактику: вместо того чтобы довольствоваться покупкой сырья, компания принялась приобретать пакеты акций металлургических заводов, чтобы участвовать в управлении ими. Как и Лакшми Миттал, Glencore платила очень крупные взятки «доверенным лицам» президента.

В 1997 году при приватизации конгломерата «Казцинк», объединявшего комбинаты Зыряновска, Риддера (бывший Лениногорск) и Усть-Каменогорска²⁶, Glencore заплатила всего 20 миллионов долларов за 69% акций. Впрочем, прокуратура голландского города Цволле в течение многих лет расследует обстоятельства этой приватизации, поскольку подозревает, что Glencore дополнительно выплатила миллионы долларов Болату Утемуратову, советнику и казначею президента Назарбаева, чтобы овладеть столь прибыльным бизнесом. Многие казахстанские оппозиционеры (приведу в качестве примера Марата Жанузакова²⁷) и эксперты уверены, что миллиардер Утемуратов, «серый кардинал»

²⁶ Шахтерские города Восточного Казахстана, на Алтае.

²⁷ Ученый, один из лидеров запрещенной режимом партии «Алга!»

казахстанской экономики, на самом деле является одним из управляющих состоянием президентской семьи.

В 1996–1997 годах у меня еще были сомнения относительно сговора между Glencore и главой государства, но в 2005 году я присутствовал на встречах, которые открыли мне глаза. В то время я был губернатором Восточного Казахстана. Назарбаев любил там отдыхать и особенно принимать горячие ванны, где предварительно были замочены свежесрезанные рога алтайских оленей, маралов, которые, как считается, стимулируют работу всего организма и способствуют его омоложению. В Усть-Каменогорск прибыл тогда и руководитель Glencore. В моем присутствии они вели себя, как давние сообщники. Это бросалось в глаза, хотя я и не присутствовал при их конфиденциальных беседах. По слухам, 50% акций предприятий, проданных Glencore, на самом деле принадлежали Назарбаеву, но это очень трудно подтвердить. Все документы, связанные с приватизацией, находились в кабинете Юзефа Дубермана, вице-президента Государственного комитета по приватизации, который подготавливал тендеры и знал всю изнанку дел. Но, как только приватизация крупных промышленных объектов была завершена, Дуберман превратился в неудобного свидетеля. Он был вынужден покинуть Казахстан и по сей день разыскивается Интерполом.

Поскольку не следует класть все яйца в одну корзину, два других гиганта промышленности цветных металлов, а именно Джекказганцветмет и Балхашмедь²⁸, объединенные в холдинг «Казахмыс», который занимается добычей и переработкой цветных и драгоценных металлов, были захвачены другой фирмой. Вот как это происходило. В 1995 году 80% акций Джезказганцветмета были переданы под управление корпорации Samsung Deutschland, возглавляемой Владимиром Кимом, доверенным лицом президента, который раньше работал в исполкоме Алматы. В мае 1996 года Samsung выиграл объявленный правительством тендер по продаже 40% акций Джезказганцветмета. Затем, в 1997 году, на базе Джезказганцветмета была образована корпорация «Казахмыс», президентом которой был избран все тот же Владимир Ким.

²⁸ Эти два комбината, расположенные в Карагандинской области, производят катодную медь, свинец, кадмий и другие тяжелые металлы.

По информации журнала Forbes, личное состояние Кима в 2012 году составляло 3,5 миллиарда долларов. По сведениям международной организации Global Witness, которая борется против коррупции и в 2010 году опубликовала специальный отчет о приватизации «Казахмыса», руководители компании, в частности Владимир Ким и другой «серый кардинал» режима, Владимир Ни (уже упоминавшийся мною), постоянно поддерживают коррупционные связи лично с президентом Назарбаевым. Этому немало способствует присутствие в совете директоров корпорации брата президента Назарбаева, Болата, который заседает там с 2004 года. Отчет только подтверждает то, что с подробностями рассказал в своей книге «Крестный тесть» бывший зять президента Рахат Алиев²⁹. Кроме дележа прибыли с президентской семьей, Казахмыс оказывает ей и «услуги натурой». Так, в 2000-е годы его руководство купило главе государства самолет Airbus A-319 с эксклюзивным дизайном, оплачивала его поездки за границу, финансировала избирательные кампании президентской партии «Нур Отан»³⁰ и так далее. Рахат Алиев с юмором описывает сцену, когда Владимир Ким дарит Нурсултану Назарбаеву этот самолет, его новую «игрушку», со следующей, ставшей знаменитой фразой: «Вы важнее самолета!» На что президент непринужденно ответил: «Само собой».

Говоря о расхищении национальных богатств Казахстана во второй половине 1990-х годов, я должен также упомянуть холдинг ENRC – английская аббревиатура Евразийской корпорации природных ресурсов. Многие из ее активов были приобретены в ходе процесса приватизации: например Аксуский завод ферросплавов и Аксуская ГРЭС³¹, а также угольный разрез «Восточный» возле Экибастуза, который в то время производил 18 миллионов тонн угля в год. Схема приватизации была проста. Активы предприятий с большим промышленным потенциалом обесценивались, главой их назначались доверенные люди, затем эти

²⁹ Эту книгу, опубликованную в 2009 году, можно найти по-русски в Интернете, см. <http://oberhofen.narod.ru/read.html>

³⁰ Партия власти популистской и государственнической идеологии, созданная в 1999 году, чтобы поддержать платформу президента Назарбаева. С момента ее создания эта партия обладает большинством в обеих палатах парламента и региональных парламентах. Назарбаев – лидер этой партии.

³¹ Аксу, бывший Ермак, промышленный город (66 тыс. жителей), расположенный в Павлодарской области.

объекты приватизировали таким образом, что они попадали под контроль доверенных лиц или непосредственно семьи президента.

Сегодня ENRC, холдинг мирового значения в области добычи и переработки сырья, базируется в Лондоне и насчитывает пять главных акционеров: это – «Казахмыс» (26%), Министерство финансов Казахстана (11,65%) и три олигарха (каждый по 14,59%), бизнес которых сосредоточен преимущественно в Казахстане: это Патох (Фаттах) Шодиев, Алиджан Ибрагимов и Александр Машкевич, которых часто называют «тройкой».

Кто же эти люди? Патох Шодиев – казахстанский олигарх узбекского происхождения, имеющий российское и бельгийское гражданство, специальный советник президента Назарбаева, который живет в Бельгии. В 2012 году его состояние оценивалось журналом Forbes в 3,7 миллиарда долларов. Алиджан Ибрагимов, также узбекского происхождения, имеет казахстанское гражданство, совмещает промышленную и банковскую деятельность и живет в Лондоне. В 2012 году его состояние было оценено в 2,8 миллиарда долларов. Наконец, Александр Машкевич, родившийся в Киргизстане, является канадским гражданином, но при этом контролирует четверть казахстанской экономики и живет в Израиле. Он президент Евразийского еврейского конгресса (одна из четырех секций Всемирного еврейского конгресса), который активно выступает за укрепление дружбы между евреями и мусульманами. В 2011 году его состояние равнялось 3,7 миллиарда долларов.

Эти три предпринимателя начали заниматься бизнесом в Казахстане еще на заре независимости, в 1989 году, и стали партнерами в 1992 году. За несколько лет они при активной поддержке власти выдвинулись в число самых богатых и влиятельных людей Казахстана, а затем поселились в более развитых и комфортабельных странах. Злые языки утверждают, что президент Назарбаев предпочитает казахам людей иного происхождения: таким образом он избегает соперничества кланов и проблем кумовства. Но можно ли считать патриотами людей, которые не выросли в Казахстане и не избрали его в качестве постоянного места жительства? Думаю, что это чисто риторический вопрос...

Мои реформы

Когда я возглавил Министерство энергетики и угольной промышленности, необходимость приватизировать часть предприятий была уже очевидна. Предприятиям нужны были капиталы и хорошие менеджеры, чтобы осуществить модернизацию и добиться рентабельности, а государство нуждалось в средствах от приватизации, чтобы наполнить казну и нормально функционировать.

После нескольких месяцев упорной работы с созданной мною группой экспертов, я смог предложить правительству подробный план реформ в энергетическом секторе. Создание этого плана была тем более трудным, что логистика энергоснабжения в Казахстане очень сложна. Нужно удовлетворить потребности малозаселенной страны (менее 16 миллионов жителей), с территорией, в пять раз большей, чем Франция, и очень разнообразным рельефом. Я также столкнулся с проблемой изношенного оборудования и недостаточным финансированием сектора. В первые месяцы работы в качестве министра мне пришлось даже ввести нормы потребления электроэнергии по всей стране. Мы были вынуждены отключать, квартал за кварталом, электричество в больших городах, иногда до шести часов в день. Это было тем более тягостно, что люди оставались не только без света, но и без воды, так как переставали работать насосные станции.

После моего обстоятельного доклада на заседании правительства программа реформирования и приватизации энергетики Казахстана была принята 30 мая 1996 года. Было подписано Постановление правительства №663. Вот в чем состояла эта программа.

Я предложил, чтобы электрические компании перешли к чисто коммерческим отношениям с промышленными и индивидуальными потребителями, повысив таким образом рентабельность производства энергии и усилив ответственность потребителей. Группа специалистов под моим руководством выработала программу частичной приватизации электроэнергетического сектора, предназначенную для реализации в кратчайшие сроки. Я подчеркиваю здесь слово «частичная». Мое

предложение состояло в создании национальной электрической компании под эгидой Министерства энергетики, которая контролировала бы инфраструктуру энергетического сектора; в то же время я предложил передать региональные электрические компании под контроль региональных и муниципальных властей. Таким образом, местные власти должны были непосредственно отвечать перед потребителями за отключения электричества, а это обязывало их требовать от предприятий и частных лиц оплачивать счета за электроэнергию. Естественно, эти меры быстро привели к подъему рентабельности энергетического сектора.

В чем же точно состояли задачи этой национальной компании? Ей был придан статус национального оператора, управляющего сетью линий электропередач (310 линий общей длиной 24 500 км) и 74 подстанциями. Она также должна была контролировать выполнение контрактов по поставкам энергии и представлять интересы Казахстана в ходе переговоров и споров с иностранными электроэнергетическими компаниями. Эта компания, получившая название KEGOC (английская аббревиатура Казахстанской компании по управлению электрическими сетями), работает и по сей день.

Мой проект предусматривал, что девять больших электростанций останутся в собственности государства: четыре гидроэлектростанции³² и пять тепловых электрических станций³³. Эти девять электростанций суммарно вырабатывали около 50% всей электроэнергии страны. Необходимость этой меры казалась мне очевидной: речь шла об «энергетической безопасности» страны, и она позволяла государству обеспечить поставку электричества во все регионы, независимо от экономической или политической ситуации. Мы были бы подготовлены к любым последствиям забастовок или прекращения поставок электроэнергии соседними странами и уберегли бы как промышленность, так и население. К тому же я предложил создать рынок электричества, для которого моя группа выработала условия работы. И только после создания

³² Три большие электростанции, расположенные на реке Иртыш (Бухтарминская ГЭС, Усть-Каменогорская и Шульбинская), и Капчагайская ГЭС, расположенная на реке Или.

³³ Две Экибастузские ГРЭС (№1 и №2), Аксуская (бывшая Ермаковская) ГРЭС, Карагандинская ТЭЦ-2 и Джамбульская ГРЭС.

рынка электроэнергии и повышения рентабельности сектора можно было начать приватизацию других электростанций. По моей инициативе был принят закон РК «Об электроэнергетике». Электроэнергия была законодательно признана товаром.

К моему большому сожалению, события приняли совсем другой оборот. На самом деле, утвержденная в конце мая по моей инициативе реформа быстро принесла свои плоды. Разделение Казахстан-Энерго, этого монстра, унаследованного от советской эпохи, на производителей энергии, региональные сети и распределительные компании создало условия для конкуренции, что, в свою очередь, привело к снижению тарифов для потребителей. В результате реформ, проведенных в энергетике, образовалась конкурентная среда, сформировался рынок электроэнергии, начала действовать энергетическая биржа. Работа энергетического сектора экономики Казахстана была направлена в цивилизованное русло. Теперь-то у президента Назарбаева и его окружения появился интерес к энергетическому сектору, который внезапно стал выгодным...

Должен сразу уточнить, что в Казахстане «денационализацией» и приватизацией национального имущества занимались Комитет по управлению государственной собственностью и Комитет по приватизации государственной собственности. Оба этих комитета подчинялись непосредственно президенту и премьер-министру. Будучи министром, я не имел никакого влияния на решения, которые принимались выше моего уровня. Зная, что я был против приватизации этих девяти электростанций, президент стал давать указания прямо премьер-министру, а тот, со своей стороны, давал инструкции двум комитетам, иногда даже не ставя меня в известность. Хотя я был членом кабинета, я узнавал о существовании некоторых распоряжений правительства, когда они уже были подписаны.

Сегодня я могу открыто рассказать, как практически за год и, несмотря на Распоряжение правительства №663, президент Назарбаев организовал передачу самых мощных электростанций страны компаниям, связанным с его семьей, или тем, кто платил колоссальные взятки. В результате ряда операций энергетические ресурсы страны – стоившие десятки, а то и сотни миллиардов долларов – были проданы всего за несколько десятков

миллионов. В общей сложности более 90% энергоемкости казахстанских электростанций оказались в руках акционерных обществ, владельцами которых были частные компании или региональные губернаторы. Некоторые жемчужины энергетической отрасли были отданы в долгосрочную аренду.

Погрузимся в эту невероятную сагу. Весной 1997 года Карагандинская ГРЭС-2 (мощностью 600 мегаватт) была продана британской компании Independent Power Corporation (IPC), специализирующейся на эксплуатации электростанций в развивающихся странах. Речь идет об электростанции, работающей на угле, которая находится в центре промышленной Карагандинской области. Потребителями ее мощностей были в первую очередь металлургические и медеплавильные заводы, а также космодром Байконур. Эта электростанция стратегического значения была продана IPC всего за 90 миллионов тенге, то есть 1,2 миллиона долларов – сумма, которая кажется совершенно смехотворной, когда знаешь, что предварительная оценка станции составляла 23 миллиарда тенге. Несколько месяцев спустя корпорация «Казахмыс», о которой я уже говорил, выкупила электростанцию у IPC за сумму, значительно большую, но точно неизвестно, какую, по той же взяточнической схеме.

В конце 1996 – начале 1997 года множество электростанций и других энергетических объектов были проданы или отданы в аренду на 20 лет международной корпорации AES, штаб-квартира которой находится в Арлингтоне, США. Эта международная энергетическая компания, основанная в 1981 году, является одним из лидеров мирового рынка. AES внедрилась во многие страны бывшего СССР в начале 1990-х годов. Чтобы дать представление о ее значимости, приведу только одну цифру: предприятия этой корпорации производили в сумме 43 тысячи мегаватт электроэнергии и поставляли энергию и тепло ста миллионам человек в мире. В 1996 году AES приобрела работающую на угле Экибастузскую ГРЭС-1 за символическую сумму 1,52 миллиона долларов³⁴. При этом речь идет о самой мощной в Казахстане электростанции (4000 МВ). Годом позже эта корпорация арендовала на 20 лет Усть-Каменогорскую и

³⁴ См. <http://www.zakon.kz/94622-kazakhstan-prizval-aes-k-rasplate.html>

Шульбинскую ГЭС, заплатив за это 5 миллионов долларов. Одновременно AES приобрела четыре ТЭЦ, также на востоке Казахстана. Наконец, в 2001 году эта корпорация приобрела за бесценок угольные разрезы Майкубена, испытывавшие в то время финансовые затруднения, с целью обеспечения углем Экибастузской ГРЭС-1. Поразительное дело, в 2008 году Казахмыс выкупил у AES Экибастузскую ГРЭС-1 и угольные разрезы Майкубена в Павлодарской области за общую сумму 1,5 миллиарда долларов. Для AES это прибыль на инвестиции в размере 1000%! А для народа Казахстана?!

Как я уже упоминал, Евразийская корпорация природных ресурсов (ставшая основой будущего холдинга ENRC) также извлекла прибыль из приватизации энергетических объектов, захватив осенью 1996 года Аксускую (в прошлом Ермаковскую) ТЭЦ мощностью 2400 мегаватт.

Джамбульская ГРЭС (мощностью 1200 МВ) также была преобразована в акционерное общество, в 1996 году. Три года спустя она была продана неким структурам, которыми руководил мультимиллионер Евгений Фельд, по информации многих казахстанских СМИ, тесно связанный с зятем Назарбаева Тимуром Кулибаевым³⁵. Эта приватизация проходила под большим секретом, так что даже мне, министру энергетики, не удалось узнать все подробности. Но история на этом не закончилась. В 2002 году Джамбульская ГРЭС была частично вновь национализирована национальной газовой компанией «Казтрансгаз», вероятно, потому, что была убыточной и не давала удовлетворения своим настоящим владельцам. Действительно, себестоимость ее энергопродукции, производимой на базе природного газа и мазута, была слишком высокой. Под предлогом необходимости оказания помощи этой испытывавшей трудности электростанции, в которой нуждалась региональная промышленность, правительство несколько лет субсидировало ее, разумеется за счет налогоплательщиков. За один только 2008 год оно потратило на поддержку Джамбульской ГРЭС пять миллиардов тенге.

Бухтарминская ГЭС, мощностью 675 мегаватт, разделила участь многих других флагманов промышленности. В 1997 году, после превращения ее в акционерное общество, управление станцией было на долгий срок отдано

³⁵ Он женат на средней дочери президента, Динаре

компании «Казцинк», главным акционером которой был не кто иной, как трейдерская фирма Glencore (о которой я уже говорил выше). В 2006 году по приказу президента Назарбаева была создана государственная корпорация «Самрук». Эта новая госкорпорация объединила акции крупных предприятий страны, не приватизированных или частично приватизированных, таких как Казцинк. Назначал членов Совета директоров лично Назарбаев. В конечном счете, Glencore выкупила почти целиком Казцинк (примерно на 93%), заплатив 3,2 миллиарда долларов... Болату Утемуратову, этому старому партнеру Glencore и мажоритарному акционеру Казцинка, которого международная пресса называет «тайным советником» Назарбаева.

Наконец, я должен упомянуть историю приватизации Капчагайской ГЭС (на реке Или), которая связана с выходом на энергетический рынок Казахстана международной компании Tractebel, зарегистрированной в Бельгии. Эта компания появилась на рынке страны в начале 1990-х годов. Тогдашний министр энергетики Кадыр Байкенов подписал контракт с Tractebel на строительство газовых турбин для Уральской ТЭЦ на западе Казахстана, чтобы снизить нашу энергетическую зависимость от России. Однако реализация этого проекта затягивалась. В июле 1996 года, в ходе визита президента Назарбаева в Швейцарию (он принимал участие в Международном экономическом форуме в Кран-Монтане), предусматривалось, что он встретится с руководством Tractebel. Но в конце концов премьер-министр Кажегельдин предложил президенту доверить переговоры мне, сославшись на то, что приехавшие на встречу представители компании были не на уровне президента. На самом деле, на тот момент не была достигнута договоренность об оплате услуг. Вместе с Гарри Штойком, вице-премьером по энергетике, мы тогда встретились с двумя менеджерами этой энергетической группы: Николасом Атериносом и Людо Кандриесом.

Дискуссия была жесткой, так как представители Tractebel были не в состоянии назвать дату начала работ, предусмотренных в Казахстане. А мы настаивали на срочности выполнения этого проекта. В ходе этой встречи, Атеринос и Кандриес объявили нам, что Tractebel собирается купить Алматыэнерго, конгломерат крупных и мелких электростанций, которые

совместно обеспечивали подачу электричества в столицу Казахстана, а также в Алматинскую и Талды-Курганскую области. Среди них был каскад из десяти ГЭС на реках Малая и Большая Алматинка. Я был буквально ошеломлен этой новостью. «Нам осталось только урегулировать маленькую проблему: надо заплатить одному влиятельному человеку пятьдесят миллионов долларов, и всё будет в порядке», – доверительно шепнул нам Атеринос. Я возмутился: «Пока я министр, вы не получите Алматыэнерго!» Вместо ответа я получил хитрые улыбки обоих представителей. Они были обескуражены тем, что раскрыли информацию, полагая, что я представляю Президента.

По возвращении в Алматы я был вызван к премьер-министру, который тотчас же поручил мне новую миссию: поехать в Великобританию для чисто технических переговоров, которые совершенно очевидно не требовали присутствия министра. Я предложил послать туда одного из своих заместителей, но Акежан Кажегельдин настаивал на необходимости моей поездки. По его словам, для меня это была ценная возможность встретиться с моим британским коллегой и ознакомиться с работой британского парламента. В итоге я поехал в Великобританию и, вернувшись, узнал от вице-президента Государственного комитета по приватизации Эдуарда Утепова, что Алматыэнерго продан Tractebel! В мгновение ока! Совершенно очевидно, что меня отправили в командировку, чтобы реализовать эту продажу за моей спиной, за смехотворную сумму в пять миллионов долларов. Ошеломленный этой сделкой, я попросил у Кажегельдина разъяснений, но он поднял глаза к небу и сказал: «Так решил *папа*».

Что делать в такой ситуации? Я попытался извлечь из нее хоть какую-то пользу, предложив обязать Tractebel осуществить программу модернизации Алматыэнерго, рассчитанную на десять лет, с совокупными капиталовложениями на сумму 630 миллионов долларов. И так как не все документы еще были подписаны, Tractebel был вынужден согласиться. В то время у меня было впечатление, что я выиграл то, что было возможно. По крайней мере, государство получало возможность в случае невыполнения Tractebel принятых обязательств вернуть обратно эту компанию государству. Но, к сожалению, этого не произошло. Теперь

причины стали понятны. Получив взятку, руководство Казахстана не имело морального права требовать ухода компании, так и не выполнившей свои обязательства.

15 ноября 1996 года президент Назарбаев позвонил мне. Подробно расспросив о реформах, которые я как раз тогда проводил в энергетическом секторе, он спросил, почему я возражаю против приватизации гидроэлектростанций страны. Я ему обстоятельно объяснил, что эти станции – энергетический костяк страны, которые производят к тому же электроэнергию по очень низкой себестоимости, по той простой причине, что они были построены еще в советское время и полностью амортизированы. Поэтому в интересах страны сохранить их в собственности государства. Президент выслушал меня молча, не высказал возражений. Мне показалось, что я его убедил. Но мои призывы к соблюдению интересов общества его не тронули. Вскоре после этого разговора Капчагайская ГЭС была продана Tractebel всего за два миллиона долларов. А финансировал свою покупку Tractebel, увеличив тарифы на электричество жителям столицы и алматинской области под предлогом выплат по старым долгам Алматыэнерго. Иными словами, за приобретение Капчагайской ГЭС Tractebel не заплатил ни копейки из собственных фондов.

Фактически начиная с осени 1996 года постановление правительства относительно электростанций, не подлежащих приватизации, постепенно утратило силу, без моего согласия. Сегодня нелегко обнаружить официальные документы того времени, но я, однако, нашел в Интернете постановление, подтверждающее мои слова. Речь идет о постановлении казахстанского правительства от 3 октября 1996 года за номером 1222³⁶. Этот документ разрешал приватизацию Карагандинской ГРЭС-2, которая как раз являлась частью списка электростанций, приватизации не подлежавших, и предписывал:

«Государственному комитету Республики Казахстан по приватизации организовать и провести закрытый инвестиционный тендер по продаже имущественного комплекса Карагандинской ГРЭС-2 с

³⁶ См. http://www.cpravo.kz/urist/detail.php?ELEMENT_ID=6078

применением процедуры голландских торгов³⁷. (...) Исключить объект "Карагандинская ГРЭС-2" из приложения 2 к постановлению Правительства Республики Казахстан от 30 мая 1996 г. "О Программе приватизации и реструктуризации в электроэнергетике". Контроль за исполнением данного постановления возложить на Заместителя Премьер-Министра Штойка Г.Г.»

Это постановление подписано премьер-министром Акежаном Кажегельдином. Пусть те, кто сегодня стремятся несправедливо обвинить меня в том, что я якобы разбазаривал электростанции, сами видят, на ком лежит ответственность за эту невероятную расточительность.

Добавлю еще одну деталь относительно Tractebel. В 1997 году эта группа приняла участие в тендере по приобретению сети газопроводов Казахстана. Чтобы определить победителя, была создана комиссия из тринадцати человек под руководством премьер-министра, в которую входили министры и руководители Комитетов по государственному имуществу и приватизации. Эта комиссия, в которой и я принимал участие, изучила все предложения и выработала свои рекомендации. Победителями мы объявили две группы, подавшие общую заявку: речь шла о Gaz de France и Enel. Их предложения действительно были лучшими, тогда как предложения Tractebel, которая тоже принимала участие в тендере, были наименее приемлемыми. Наша комиссия собралась 14 июня 1997 года. Однако на следующий день премьер-министр мне объявил, что тендер выиграла компания Tractebel. Естественно, я стал протестовать. Ведь это шло вразрез с заключениями комиссии! Но Кажегельдин поднял глаза к небу и вздохнул: «Это решение папы. Пойди попытайся ему доказать, что он неправ...» Я вспомнил тогда о сумме 50 миллионов долларов, о которой шла речь в ходе продажи Алматыэнерго. Сейчас я уверен в том, что таинственный «господин», который создал все условия для проникновения Tractebel в Казахстан, был лично президент республики.

³⁷ Голландские торги, или голландский аукцион, – это торги на понижение, в ходе которых вначале объявляется самая высокая цена на продаваемый товар, а затем ставки снижаются до той, на которую согласится первый покупатель, которому и продается товар.

Министр энергетики и природных ресурсов

Помимо всех других полезных ископаемых, Казахстан очень богат ураном: в его недрах находится 31% всех мировых запасов этой руды. В советское время, когда атомные электростанции строились во всех уголках огромной страны и производили почти 20% всей электроэнергии Советского Союза, добыча урана велась вопреки экономическим интересам Казахстана, так как себестоимость этого ядерного топлива была выше его цены на мировом рынке. Но то, что делалось при плановой экономике, стало невозможным после распада СССР.

В марте 1997 года в результате слияния трех министерств, я был назначен министром энергетики и природных ресурсов. В рамках этой новой должности, которая расширяла мои предыдущие полномочия, одной из первых моих поездок стало посещение города Актау, на юго-западе Казахстана, где в 1950-х годах был создан комплекс, который включал урановые рудники и предприятия, специализирующиеся на переработке и обогащении урана. То, что я увидел на месте, меня потрясло: остановленные предприятия и люди, оставшиеся без средств к существованию. Всё было разрушено и разграблено, как если бы здесь прошла война. Я припоминаю заброшенный красный уголок, где были свалены в кучу знамена и награды ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС «лучшему советскому предприятию»... Я решил попытаться спасти хотя бы реактор на быстрых нейтронах, совершенно уникальный, построенный в 1972 году и до сих пор продолжавший чудом работать. Я провел сложные переговоры с МАГАТЭ³⁸, чтобы получить от этого агентства одобрение – несмотря на несколько мелких повреждений, уже устраненных, – на эксплуатацию атомной станции, где был установлен этот реактор. В тот момент я победил, но в 2000 году реактор был окончательно остановлен по чисто политическим причинам. Как известно, президент Назарбаев позиционирует себя на международной арене как противник ядерной энергии.

³⁸ Аббревиатура Международного агентства по атомной энергии со штаб-квартирой в Вене.

Мне остается добавить еще несколько слов о приватизации предприятий угольной промышленности. Как я уже упоминал в начале этой главы, коксующийся уголь казахстанских шахт после распада СССР больше не был востребован из-за его высокой себестоимости. Россия и Украина, которые в прошлом покупали 80% этой продукции, от нее отказались. Только восемь шахт, которые добывали коксующийся уголь для Карметкомбината, продолжали успешно работать. Я предложил продать эти восемь шахт по рыночной цене, чтобы иметь ресурсы для закрытия нерентабельных шахт: их обслуживание дорого обходилось национальному бюджету. Но, опять-таки, моим рекомендациям не последовали. Шахты по добыче коксующегося угля были проданы за символическую плату Лакшми Митталу, а для закрытия нерентабельных шахт президент приказал черпать средства из национального бюджета.

Что же касается самого большого в мире угольного разреза «Богатырь», мощностью 50 миллионов тонн угля в год, то он был продан за бесценок холдингу Access Industries американского мультимиллионера русского происхождения, Леонарда Блаватника. Десять лет спустя, в 2006 году, Access Industries перепродал «Богатырь» российскому холдингу «Русал», став акционером этого холдинга. Наконец в 2007 году 50% акций «Богатыря» были выкуплены казахстанским государственным холдингом «Самрук» за 345 миллионов долларов. Замечательная окупаемость... с которой можно поздравить Блаватника, но не казахстанцев.

Оглядываясь назад, я спрашиваю себя, не следовало ли мне уйти в отставку, чтобы не участвовать, даже пассивно, в узаконенном грабеже моей страны. Конечно, я протестовал, но от моих протестов часто просто отмахивались. Увы, все мы крепки задним умом. В то время мы стояли на пороге совершенно новой эпохи, перехода от социализма к капитализму. Великая Россия тоже приватизировала свои крупные предприятия. Американские либералы твердили нам, что частные владельцы сумеют стать гораздо лучшими управляющими, чем «красные директора»³⁹. А большинство махинаций того времени становились известными лишь годы спустя.

³⁹ Так называли директоров предприятий, оставшихся у руля с советского времени.

Как бы там ни было, даже мои непубличные протесты быстро начали раздражать высшее руководство. 16 июня 1997 года я был внезапно назначен на новый пост, акима (мэра) города Алматы. Моя жизнь в очередной раз делала новый поворот.

V. На благо Алматы

С тех пор как я впервые, во время армейской службы, увидел этот город из вагона-теплушки, я всегда испытывал к нему самую искреннюю любовь. И вот жизнь предоставила мне возможность снова туда вернуться, уже в качестве руководителя города. Почему я получил это назначение? Было это повышением или опалой? С одной стороны, несмотря на мои достижения в области энергетики – даже руководитель ЕЭС России Анатолий Чубайс заявил во время визита в Казахстан, что он высоко оценивает разработанные и внедренные мной реформы в энергетическом секторе экономики, – я мешал тем, кто разбазаривал богатства страны. С другой стороны, город Алматы переживал тяжелейший кризис и нуждался в особом управлении. А я знал этот город назубок, каждый квартал и каждый уголок, поскольку жил там с 1970 года, занимая многие посты, в частности, в течение многих лет был его вице-мэром. Я прекрасно знал не только финансово-экономическую ситуацию в городе, но также и все системы коммуникаций: тепло- и водоснабжение, канализацию, электроснабжение, газовые и транспортные сети и так далее.

Как обычно, президент сначала подверг меня небольшому испытанию. 15 июня 1997 года он вызвал меня к себе. Вначале он поблагодарил за работу в энергетике, за реформы, которые я провел в жизни. Затем, без предупреждения, он объявил: «Ты поедешь на работу губернатором в Карагандинскую область». У нас с Лейлой как раз тогда родился сын Даниел, и я спросил президента: «Нет ли возможности остаться в Алматы?» Назарбаев сдвинул брови: «Не может быть и речи, можешь идти». Мне оставалось только развернуться. Но на следующий день, к полному моему удивлению, я узнал от коллег, что уже был подписан указ президента о назначении меня на пост мэра Алматы, тогда как на должность министра энергетики и природных ресурсов был назначен бывший заместитель премьер-министра Дусембай Дюйсенов.

Бывший мэр Алматы Шалбай Кулмаханов был назначен председателем Комитета по чрезвычайным ситуациям, что означало понижение в должности. Более того, как только я был назначен мэром, президент попросил меня собрать и представить компрометирующую информацию о моем предшественнике. Отказываться было бесполезно, но я начал тянуть со сбором компромата. Я сказал Назарбаеву, что мне нужно время, чтобы покопаться в досье. Президент ответил, что дает мне максимум два месяца. И действительно, спустя два месяца он меня вызвал к себе, чтобы спросить, как обстоят дела со сбором информации о Кулмаханове. Тогда я пошел на некий риск противостояния: «Я не могу этим вопросом заниматься, у Вас же есть спецслужбы, лучше отдайте приказ им. К моему большому удивлению, Назарбаев мне ответил: «Ты прав, не занимайся этим больше». До сих пор я не знаю, почему президент дал мне такой приказ. На самом деле, ничего с Кулмахановым не случилось, и он даже стал в 2001 году губернатором Алматинской области. Хотел ли президент меня испытать? Или, будучи по своей натуре очень недоверчивым, он хотел проверить доносы, полученные им на Кулмаханова? Человек подозрительный, он собирал компромат на всех в его окружении, избрав такой способ для претворения в жизнь принципа «разделяй и властвуй». Впоследствии я узнал, что он точно так же попросил Кулмаханова собрать компромат на его предшественника Нуркадилова.

За три года моего отсутствия состояние Алматы резко ухудшилось. Поскольку столица была переведена в Астану, правительство городом больше не занималось: дорожная сеть обветшала, освещение почти не работало. Большинство промышленных предприятий были остановлены, и люди выживали главным образом благодаря своей изворотливости, занимаясь мелкой торговлей. Многие регулярно отправлялись в Китай и перепродавали на рынке привезенные оттуда на себе товары. В то же время малый и средний бизнес не развивался. В городе с полутора миллионами жителей было всего 7500 зарегистрированных частных предприятий. Накопилась большая задолженность по зарплате служащим муниципальных служб, учителям и врачам, а также по выплатам пенсий пенсионерам. Оказавшись в таком положении, люди были деморализованы, утратили веру в себя, потеряли веру в государство. Такое

положение вещей причиняло мне тяжкую боль. Нужно было найти способ внушить надежду населению горячо любимого мной города!

Две столицы

Почему Назарбаеву понадобилось перенести столицу Казахстана в Астану? Прежде всего напомним некоторые существенные факты. Автономная казахская республика была провозглашена 29 августа 1920 года со столицей в Оренбурге⁴⁰. Но довольно скоро большевики начали передел административных границ, чтобы не допустить образования моноэтнических групп, которые могли бы объявить о своей независимости. Вот так Оренбургская область была «передана» России, а Казахстан, напротив, «приобрел» семь российских областей, которые сегодня составляют северо-восток страны. Параллельно исторические земли, населенные казахами, были переведены под юрисдикцию Узбекистана. Словом, Казахстан остался без столицы и нужно было найти новую. Сначала, в 1925 году, этот статус получила Кызыл-Орда, основанная в 1820 году и расположенная на правом берегу реки Сыр-Дарья, на юге Казахстана. Но скоро стало ясно, что в этот город трудно добраться, что он слишком удален от жизненных центров Казахстана. С 1927 года часть административных учреждений стали переводить в город Верный, который по этому случаю вернул себе историческое название, Алматы, «город яблок». В середине XIX века здесь были высажены молодые яблони гибридных сортов. Местный климат оказался для них чрезвычайно благоприятным, и город прославился своими замечательными яблоками: некоторые плоды весили до 800 граммов!

Алматы (в советский период город носил название Алма-Ата) находится на юге Казахстана, у подножия гор Заилийского Алатау, являющегося частью горной цепи Тянь-Шань, которая продолжает Памир. Сам город лежит в глубине долины, так же, как Афины или Лос-Анджелес. Любимое горожанами место отдыха, Чимбулак, в двадцати минутах езды от центра города, лежит уже на высоте 2000 метров. А многие пики Заилийского

⁴⁰ Казахо́в называли тогда киргиз-кайсаками, и, соответственно, их автономия называлась Киргизская АССР.

Алатау, расположенные близ города, превышают 4000 метров. Именно этот контраст объясняет особый климат Алматы. Петр Семенов, русский географ XIX века, который первым исследовал Тянь-Шань, пишет по поводу Алматы: «Это проклятое место. Атмосферное давление там меняется много раз в день, что вредно для здоровья, место для проживания гиблое».

Действительно, город Верный был основан русскими войсками в 1854 году как военное укрепление для защиты региона от набегов горных киргизов, на месте опустевшего к тому времени поселения Алматы. Как и Санкт-Петербург, он был построен по стратегическим соображениям, вопреки тяжелым климатическим условиям. Множество горных рек, пересекающих город, оползни, осыпи, землетрясения, наводнения, частые туманы, холодная зима и очень жаркое лето – такова жизнь в этом городе.

Самая большая угроза, нависающая над Алматы, – это сели, то есть потоки грязи и камней, которые обрушиваются на город в момент интенсивного таяния ледников и снегов или после проливных дождей. Образуются моренные озера, которые быстро переполняются, и огромное количество воды одновременно выливается в ущелье, увлекая за собой грунт, скальную породу, деревья, кустарники. Казахи называют эти мощные потоки, которые мчатся со скоростью курьерского поезда, сметая все на своем пути, «черными драконами». В 1921 году город был сильно разрушен таким потоком, а в 1963 году другой «дракон», образовавшийся в бассейне реки Иссык, уничтожил живописное озеро Иссык и одноименный городок, унеся жизни сотен людей. В 1973 году на Алматы обрушилось более десяти миллионов кубометров жидкой грязи и камней, и только плотина, возведенная во второй половине 1960-х годов на реке Малая Алматинка, спасла город от огромного несчастья. По мнению ученых, без этой плотины более 180 тысяч жителей стали бы жертвами «черного дракона».

Жители города страдают также от тяжелой экологической ситуации. Над Алматы постоянно висит серый смог, главным образом из-за выхлопных газов. Население бывшей столицы следовало бы оставить в пределах 500 – 700 тысяч человек, чтобы не допустить разрушающего воздействия на

природу, но, еще до того как я стал мэром, оно уже превысило миллион жителей, а сейчас насчитывает полтора миллиона.

Однако все эти причины – природные риски, трудный климат, проблемы с экологией – далеко не объясняют, почему Нурсултан Назарбаев решил, не проводя референдум, перенести столицу из Алматы в Астану, историческое имя которой – Акмолинск. В конце концов, греки сохранили столицу в Афинах, а жители Лос-Анджелеса вовсе не имеют намерения его покинуть. Люди привыкают жить в опасных условиях. Тогда в чем искать причину? Вот как это произошло.

Акмолинск был основан русскими войсками в 1830 году как небольшая крепость в степи, в том месте, которое казахи называли Ак Мола, «белая могила», из-за того что, согласно легенде, там похоронен местный герой. Во время своей кампании по освоению целинных земель Хрущев первым решил сделать из этого богом забытого региона столицу Казахстана. Ему не нравилось название Акмолинск, и он приказал переименовать его в Целиноград. Хрущев велел построить там Дворец целинников, который был как две капли воды похож на Дворец съездов в Кремле. Кунаев, первый секретарь компартии Казахстана, попытался возразить против переноса столицы в Целиноград, но этим только ослабил свое положение. Своенравный Хрущев чуть не освободил его от должности руководителя Казахстана за «недопонимание политики партии». В конечном счете в 1964 году сам Никита Хрущев был смещен со своего поста, так что Кунаев одержал победу при новом генеральном секретаре, Леониде Брежнев. Столица Казахстана осталась в городе Алматы.

После обретения Казахстаном независимости Целиноград, вновь переименованный в Акмолинск, стал ассоциироваться с провалом политики освоения целинных земель. Дело в том, что после нескольких лет хороших урожаев большая часть степей стала неплодородной. Когда перестала расти пшеница, там попытались сеять бобовые или кукурузу, но и из этого ничего не вышло, потому что тонкий слой плодородной почвы быстро исчерпал свой потенциал. Распаханные земли превратились в бесконечное пространство, покрытое пылью, которую ветер переносил на сотни километров. Справедливости ради, надо сказать, что недавно земледельцы Казахстана вместе с учеными-аграриями, нашли способ,

позволяющий несколько ограничить ущерб, нанесенный природе, и начали получать стабильные урожаи.

Депутаты Мажилиса, казахстанского парламента, были очень удивлены, когда Назарбаев в конце 1993 или начале 1994 года предложил перенести столицу в Акмолу. Тогда я еще был депутатом и присутствовал на этом заседании. Я хорошо помню главный аргумент президента. Он заявил, что Алматы находится всего в 360 километрах от китайской границы и что нужно перенести столицу в центр страны. Как ни странно, он практически не упомянул о подлинных проблемах Алматы, которые еще усилились из-за перенаселенности города. Однако депутаты его не поддержали, отчасти из-за враждебного человеку климата Акмолы, который в Казахстане известен каждому. Летом температура там превышает 40 градусов, тогда как зимой термометр часто показывает до 40–50 градусов ниже нуля. Над городом постоянно проносятся ураганы, которые приносят зимой сибирские холода, а летом – массы жаркого воздуха и пыли из пустынь Средней Азии.

Сама идея показалась нам нелепой, а Назарбаев в то время еще не мог позволить себе откровенно демонстрировать свой авторитарный характер. Но несколько месяцев спустя он вновь вернулся к этой идее. На этот раз он выбрал день своего рождения, 6 июля 1994 года. Президент произнес речь в пользу переноса столицы и закончил ее следующими словами: «Я вам в ряде вопросов уступаю, так что сделайте мне подарок ко дню рождения и согласитесь на перенос столицы в Акмолу!» И депутаты уступили: указ Верховного совета был принят.

Возвращаюсь к вопросу, «в чем искать причину». Мне кажется, что Назарбаев, как и другие лидеры, которые испытывали необходимость отмежеваться от предыдущего режима, жаждал построить себе новый город, «свою» столицу. Петр Великий построил Санкт-Петербург, большевики вернулись в Москву, чтобы отодвинуться от царствования Романовых, Мустафа Кемаль Ататюрк перенес столицу из Стамбула в Анкару, и так далее. Кроме того, Назарбаев хотел отдалиться от элиты, сформированной в советскую эпоху, которая не одобряла его авторитарные наклонности. Он мне это открыто сказал в год моего назначения. Цитирую по памяти: «В Алматы слишком много гнилой

интеллигенции. Я тебе оставляю это дерьмо, которое за мной в Акмолу не последует, там слишком холодно. Удачи!». И он расхохотался. Вышедший из рабочих Назарбаев всегда боялся интеллигенции, считая, что она мешает ему проводить реформы. На свой лад он извлек урок из перестройки: ведь именно интеллигенции удалось опрокинуть авторитарный советский корабль. Чтобы избежать подобного сценария в Казахстане, он вел неутомимую войну с интеллигенцией, разрушая все ее творческие союзы, унаследованные от СССР, такие как Союз писателей, Союз композиторов, Союз архитекторов или Союз художников и скульпторов. Он взялся даже за Академию наук, поскольку научная интеллигенция казалась президенту особенно опасной. И только благодаря настойчивости нескольких человек удалось спасти творческие объединения от полного уничтожения.

В ходе этого памятного заседания Верховного совета в июле 1994 года Назарбаев заявил, что перенос администрации в Акмолу (в 1998 году переименованной в Астану) займет три-четыре года. Действительно, 20 октября 1997 года он подписал указ о переносе столицы, и в ноябре, вскоре после моего назначения на должность мэра Алматы, в Акмолу были торжественно перевезены символы государства Казахстан: флаг и Государственный герб. В это время большинство административных учреждений находились уже там. Мне удалось только убедить президента сохранить в Алматы национальные электрические, телефонные, транспортные и нефтяные компании, чтобы сохранить поступления в городской бюджет. Но мои ходатайства лишь на год замедлили переезд этих компаний.

Мои первые действия

Как я уже сказал, когда я был назначен мэром, город находился в плачевном состоянии. Нужно было принимать срочные меры к исправлению ситуации. Следовало быстро определить, какие проблемы были самыми срочными, и приняться за их решение. За несколько месяцев группа, которую я создал, разработала комплексный проект, который включал 35 целевых программ, вобравших в себя все аспекты жизни этого

мегаполиса. «Государственная программа развития города Алматы» была утверждена президентом.

Я сделал также весьма символический жест. В декабре 1997 года я созвал видных представителей города на совещание с участием президента. Это совещание постановило, что город Алматы, колыбель независимости государства, остается культурным, образовательным и научным центром Казахстана. Мы объявили Алматы «Южной столицей Казахстана», так как у президента оставалась здесь резиденция, где он проводил часть времени, находясь при исполнении своих обязанностей. Новое наименование Алматы всем алматинцам понравилось. Жители Алматы теперь могли думать, что для них не всё потеряно. Это была уловка, которой президент не мог противостоять, хотя и был недоволен. В весьма нелицеприятном разговоре глава президентской администрации заявил мне, что, по мнению президента, Казахстан может иметь лишь одну столицу. И это Астана. Он потребовал прекратить называть Алматы Южной столицей, с чем я не согласился.

Очень скоро я столкнулся с большими проблемами. За три года, в течение которых я занимал пост министра энергетики, город сильно деградировал, отчасти из-за сокращения бюджета и постепенного отъезда административных служб и предприятий в Астану. При моем предшественнике Кулмаханове ежегодный бюджет составлял 225 миллионов долларов, а при мне был урезан до 165 миллионов. Правительство сэкономило за наш счет, с тем чтобы раздуть бюджет строящейся Астаны. Для наших 35 целевых программ, предназначенных для улучшения жизни городских жителей, мы потребовали дополнительного финансирования у Министерства финансов и Министерства экономического развития. Я также потребовал провести ревизию налоговой политики, поскольку согласно действующим правилам город должен был отдавать в государственную казну всё, что зарабатывал, а затем выпрашивать средства на необходимые для его развития проекты. Обивание министерских порогов практически ничего не давало. Город был лишен стимула увеличивать доходную часть бюджета, так как ему ничего не оставалось, все уходило в казну государства.

Для решения этих задач поддержка премьер-министра была жизненно необходима. Однако через месяц после моего назначения на пост мэра премьер-министр Акежан Кажегельдин был уволен. Новым премьер-министром Казахстана стал Нурлан Балгимбаев. Что же произошло?

Итог работы Кажегельдина на посту премьер-министра был неоднозначным. С одной стороны, он сумел остановить гиперинфляцию и добиться некоторого оживления промышленности. С другой стороны, как я показал в предыдущей главе, именно в это время почти вся экономика страны была приватизирована за смехотворные суммы (в форме продаж или долгосрочных концессий), почти исключительно в пользу иностранных компаний и небольшого круга привилегированных лиц, среди которых на первом месте были президент и его семья. Широкое распространение получил метод передачи больших, перспективных предприятий под управление иностранным компаниям, которые были зарегистрированы за рубежом близкими президенту людьми, с дальнейшим их выкупом практически за бесценок. Премьер-министр подвергся жесткой критике за ту роль, которую он сыграл в ходе приватизации. Его также критиковали за реформы, которые считались слишком либеральными, такие, например, как пенсионная (увеличение возраста выхода на пенсию⁴¹ и отмена некоторых привилегий пенсионеров). Стоит отметить, что все это делалось с одобрения президента, но в нужный момент всю вину свалили на премьер-министра.

Несмотря на эту критику, Кажегельдин считался в 1995–1997 годах очень вероятным кандидатом в преемники Назарбаева. Чтобы успокоить президента, он даже публично заявил в июне 1997 года, что не намерен выставлять свою кандидатуру на президентских выборах в 2000 году. Тем не менее стали распространяться слухи, что Назарбаев больше не доверяет своему премьер-министру. Дарига, старшая дочь президента, развернула в СМИ кампанию против Кажегельдина. Премьер-министр стал объектом атаки со стороны прессы, находившейся под контролем президентской семьи, в особенности государственного канала «Хабар», которым руководила Дарига.

⁴¹ Новый закон предусматривал постепенное увеличение возраста выхода на пенсию – с 60 до 63 лет для мужчин и с 55 до 58 для женщин.

Этой кампании помогло стечение обстоятельств. Кажегельдина, в частности, обвинили в том, что он согласился на слишком низкую цену, 60 миллионов долларов, за приватизацию крупного нефтеперегонного завода в Чимкенте, словно это было чем-то из ряда вон выходящим. На самом деле, проблема была отнюдь не в цене. Президент, который лично контролировал все операции в нефтяном секторе, не одобрил – вопреки мнению людей своего ближнего круга – продажу этого завода Нуржану Субханбердину, главному акционеру и президенту совета директоров Казкоммерцбанка, торгового банка Казахстана. Для Назарбаева такое решение Кажегельдина было сигналом о неповиновении, которое он стремится задуть в зародыше.

Членам правительственной элиты было очевидно, что политическая звезда премьера гаснет на глазах. Пережив эмболию легких (на почве флебита), Кажегельдин 22 сентября 1997 года отправился в Швейцарию на лечение. Но легочная эмболия, которая может кончиться смертельным исходом, не является хронической болезнью, которую нужно лечить в ультрасовременной больнице. Для преодоления ее последствий (то есть, чтобы рассосался попавший в легкие тромб) достаточно принимать антикоагулянты и некоторое время отдохнуть. Поэтому казалось очевидным, что этот поспешный отъезд был вызван опасениями Кажегельдина за свою свободу. Действительно, 9 октября 1997 года Кажегельдин из Швейцарии подал в отставку. На его место президент назначил Нурлана Балгимбаева, бывшего министра нефтяной и газовой промышленности Казахстана, затем президента национальной нефтегазовой компании «Казахойл», который являлся одним из действующих лиц развернутого в Швейцарии уголовного преследования под названием «Казахгейт». Рассказ об этом впереди.

Вот этого нового премьер-министра, которого хорошо знал в течение многих лет, я и попросил изменить налоговую политику в отношении Алматы. Мои аргументы были просты. Если бы я получил больше средств на городское развитие, со временем город стал бы приносить гораздо больше доходов в казну государства. В общем, я предлагал государству инвестировать сюда средства ради будущих дивидендов. Вместе с Балгимбаевым мы тщательно изучили городской бюджет. В доходной

части мы смогли насчитать 35 миллиардов тенге⁴² и договорились, что в госбюджет нужно будет отдать не всю сумму, а «только» 16 миллиардов. Это уже была маленькая победа.

Однако осенью, когда новый премьер уехал в отпуск, вице-премьер Ораз Джандосов, только что назначенный на этот пост, самовольно забрал дополнительные 9 миллиардов из городского бюджета в пользу государства. Признаюсь, что у меня было желание преподнести ему жесткий урок, как в дни юности, но я сдержался. Накричав на него, я отправился к президенту и отыграл часть потери назад. Во время этого визита я понял, что приказ о переводе средств исходил от самого Назарбаева: это он обирал Алматы ради Астаны, прячась за Джандосовым, чтобы не навлекать на себя гнев жителей Южной столицы. Маленькая восточная хитрость. Подобная ситуация повторилась, когда премьер-министром был Тасмагамбетов: по его указанию, Министерство экономики и Минфин изъяли из бюджета Алматы дополнительно 6 миллиардов тенге.

Однако я искал не столкновения, а скорее диалога и сотрудничества с правительством. Со своей стороны, я также выступал с инициативами, которые зачастую были плодом изобретательности, проявленной в тяжких условиях. Однако они прекрасно работали. Приведу один пример. Когда я стал мэром, улицы освещались всего час в сутки, потому что у нас не было денег на оплату счетов за электричество. Отчасти из-за этого я так восстал против Джандосова. Он не понимал, что чрезмерными изъятиями государство душит город. Чтобы вернуть освещение, нужно было найти какой-то выход из этого положения. Я вызвал представителей электрической компании Алматы и сказал им: «У вас трехфазная система обеспечения электроэнергией. Давайте сделаем так, чтобы в течение темного периода суток горела одна лампа из трех». То есть, необходимо было обесточить две фазы, а под напряжением оставить только одну. Если общая мощность 55 тысяч электрических лампочек в городе составляла 30 мегаватт, то я при помощи этой «маленькой хитрости» снизил единовременное потребление до 10 мегаватт. Затем я добился от электрической компании введения специальных ночных тарифов для

⁴² По курсу того времени около 457 миллионов долларов.

предприятий, что явилось для них дополнительным экономическим стимулом и привело к росту занятости. В дальнейшем мы приняли решение о работе уличного освещения на протяжении всего темного периода суток. Это была победа, жизнь в городе изменилась, народ нам поверил.

Но «маленькие хитрости» больших проблем не решают. Я попросил дополнительные средства в первую очередь для того, чтобы «оживить» город, увеличив число малых и средних предприятий. Мы начали с того, что изменили статус первых этажей всех жилых зданий. В советское время было запрещено переоборудовать жилые квартиры в торговые помещения или объекты сферы обслуживания. Мы отменили этот запрет и приняли очень простые правила для переоформления квартир в торговые и служебные помещения. Со своей стороны, люди были счастливы продать свои приватизированные квартиры коммерсантам и уехать с первых этажей, где их часто обкрадывали. Результат был феноменальным: семь лет спустя, в 2004 году, когда я оставил пост мэра, в городе работали около 148 тысяч малых предприятий. Именно это преобразовало нашу Южную столицу: благодаря малым предприятиям, вносящим вклад в городской бюджет, стало возможным отремонтировать дороги и тротуары, а также озеленить город, не говоря уже о том, как украсили его рекламные панно и освещенные витрины.

Параллельно с размещением торговых точек в первых этажах жилых домов я дал приказ ликвидировать все уличные киоски, где очень часто торговали товарами низкого качества или поддельными алкогольными напитками. Эти киоски находились под контролем мощной мафии: меня засыпали телефонными звонками с требованиями положить конец ликвидации киосков, и эти требования часто сопровождались угрозами. Речь шла не только о мафии, но также о многих высокопоставленных людях, которые вложили деньги в этот доходный бизнес. На меня обрушилась волна критики в СМИ, принадлежавших заинтересованным лицам, которые обвиняли меня в том, что я лишил население дешевых торговых точек в пользу более дорогих продовольственных или промтоварных магазинов. Это, может быть, и справедливо, но качество товаров и гигиена имеют свою цену. В конце концов, это вопрос здоровья

людей. Была принята программа строительства торговых центров в Алматы.

Это были не единственные угрозы, которые я получал. В момент моего назначения в городе практически не было нормальных заправочных станций. Эту функцию выполняли несколько сот передвижных контейнерных заправок, контролируемых мафией, которые торговали некачественным, разбавленным вредными добавками горючим. Использование такого бензина и дизельного топлива вызывало множество аварий. От этого страдало и качество воздуха, а следовательно, здоровье жителей. Вместе с потенциальными инвесторами мы выработали программу строительства сети современных заправочных комплексов, для обслуживания всего города. Для мафии это было в перспективе огромной потерей. Я начал получать угрозы в свой адрес и в адрес моей семьи. В течение двух лет меня охраняло специальное подразделение службы охраны президента – по его личному указанию. Борьба была долгой, поскольку младший брат президента Болат Назарбаев сильно тормозил мой проект. Он принял под юрисдикцию своего общества, BN, ряд компаний, занимавшихся эксплуатацией этих мобильных контейнеров, и мне пришлось развязать против него настоящую юридическую войну. В конечном счете я ее выиграл, и Алматы был оснащен десятками современных станций заправки и техобслуживания автомобилей, на западный манер.

Другая стычка была у меня с Болатом по поводу городских рынков. К середине 1990-х годов в городе было 112 рынков, где торговля ни коим образом не регламентировалась и торговцы не вносили никакой платы в бюджет. Владельцы этих рынков были людьми влиятельными. Достаточно сказать, что самый крупный в городе вещевой рынок, нечто вроде блошиного, называемый в народе просто барахолка, был под контролем Тимура Кулибаева, зятя президента. Его отец, Аскар Кулибаев, имел свой собственный рынок. Председатель Комитета национальной безопасности, КНБ, тоже имел свой, и так далее. Большой блошиный рынок «Ялан» находился под контролем посла Китая в Казахстане Ли Хуэя. Посол получал из Китая грузы с товарами для продажи, пользуясь диппочтой, «вализой», и посылал в Китай через China Bank прибыль, превышавшую

миллион долларов в день, не платя ни тенге налога. Когда нам удалось установить эти факты, я попросил проверить документы всех выходцев из Китая на этом рынке: выяснилось, что более 500 из них не имели права проживания на территории города⁴³. Иммиграционная служба предписала им немедленно покинуть Казахстан. Тогда они организовали митинг протеста перед посольством Китая. Ли Хуэй лично их защищал, но перед лицом неопровержимых доказательств сам ушел в отставку в конце 1999 года.

Пока я трудился над урегулированием работы рынков, борясь с контрабандой, Болат Назарбаев решил создать собственную ярмарку. Без всякого разрешения, думая, что ему всё позволено, он занял земельный участок площадью четыре гектара, окружил его высоким металлическим забором и установил там четыреста контейнеров с товарами. Он не реагировал на наши предупреждения и требования прекратить незаконную деятельность. Тогда я приказал демонтировать ограждение и отправить все контейнеры на штрафстоянку. Эта инициатива вызвала в городе огромный резонанс. Люди начали верить в то, что справедливость существует.

Однако этот инцидент имел продолжение. Как обычно, я находился в своем кабинете в воскресенье (я очень редко позволял себе отдыхать по выходным), когда зазвонил телефон. Это был президент. Задав мне ритуальный вопрос о здоровье, он перешел в атаку:

– Почему, ... твою мать, ты мешаешь моему брату работать? Почему ты разобрал его забор и конфисковал контейнеры?

– Болат занял участок, не имея на то законного разрешения. Как Ваш представитель, я не могу этого позволить. Закон один для всех, и Болат должен его выполнять.

– Но у меня перед глазами документ, где только твоей подписи не хватает. Почему ты не подписываешь его?

⁴³ Речь идет о правиле, унаследованном с советского времени: жители больших городов должны иметь право на проживание, выданное местной полицией

– Это неправда, Нурсултан Абишевич. Документ, который Вы упомянули, относится к участку в 0,22 га, тогда как он занял четыре гектара – это в 20 раз больше того, на что он пытается получить разрешение!

Президент выдал залп мата и повесил трубку. На следующий день ко мне пришел Болат, чтобы «урегулировать вопрос» мирным путем. Я отказался участвовать в этой афере, и президент, к его чести, позвонил мне несколько дней спустя и сказал буквально следующее: «Не думай ни о чем, продолжай работать. Это мой брат меня завёл, ты понимаешь, что мои близкие оказывают на меня давление. Мне не так просто».

В конечном счете, признаюсь, я должен был несколько раз уступить окружению президента: Болат открыл свой рынок, получив соответствующие разрешения, так же как и сестра президента Анипа. Да и заместитель руководителя администрации президента Имангали Тасмагамбетов получил от меня разрешение открыть рынок для двух своих друзей. Благоразумие требовало идти на компромиссы, даже если моя генеральная линия состояла в постепенной замене рынков цивилизованными торговыми точками. К концу моего пребывания в должности число рынков сократилось со 112 до 77.

Увы, рынки были лишь одной из многих проблем. Другой вопрос, которым я немедленно занялся, – это внушительное количество заброшенных строительных площадок, общей площадью 940 тысяч кв. м. На этих заброшенных стройках совершалось много преступлений. На таких недостроенных объектах были, например, убиты два шофера бывшего вице-премьера и племянника Назарбаева, а ныне мэра Алматы Ахмеджана Есимова. Однако у города не было средств для завершения этих строек. Здесь я также проявил изобретательность. Собрал представителей деловых кругов и предложил им сделку: «Я бесплатно отдаю вам эти заброшенные стройки, а вы обязаны сделать только одно: завершить строительство и затем ввести объекты в эксплуатацию». Когда речь шла о жилых домах, застройщикам надлежало также выделить городу некоторое количество квартир для инвалидов и многодетных семей исходя из стоимости незавершенного строительства. Все это оформлялось документально. И когда я покидал свой пост, все эти стройки были завершены! Каждый год бюджет Алматы увеличивался, что, в свою

очередь, позволяло реализовывать другие проекты, как например строительство перекрестков и транспортных развязок, чтобы улучшить движение и уменьшить смог, который регулярно накрывал город.

Говоря о стройках, я должен рассказать историю главной мечети Алматы. Ее строительство началось в 1993 году, но после закладки фундамента работы были остановлены. Мне было стыдно за это: старую мечеть разрушили, а новую не построили. Но положение было деликатным: Казахстан – страна светская, где религия отделена от государства, и невозможно финансировать такой проект из бюджетных денег. С другой стороны, бизнес в городе был еще очень скромным, и я также не мог просить деловых людей о содействии. Словом, я решил поговорить об этом с президентом.

В ходе встречи я ему объявил, что хотел бы завершить строительство мечети и ищу для этого фонды.

– Сколько тебе надо?

– Около пяти миллионов долларов.

– Хочешь, я тебе помогу?

– Нурсултан Абишевич, мне неловко брать деньги на строительство мечети у президента. Я выкручусь.

Несколько дней спустя он мне позвонил по телефону и спросил:

– Хочешь, я тебе дам миллион?

– Нурсултан Абишевич, если Вы действительно хотите...

– Ты должен понять: я хочу, чтобы мое участие стало известным.

– Спасибо, могу только приветствовать Ваше решение.

– Хорошо, сказал президент и повесил трубку.

Через два дня мне позвонил один из руководителей президентской администрации: «Виктор Вячеславович, прошу Вас прийти в субботу в одиннадцать часов утра, в мой кабинет на Интернациональной улице». Я, разумеется, пришел, мы поздоровались, он без лишних слов протягивает

мне зеленую спортивную сумку и говорит: «Здесь пятьсот тысяч долларов». Я был очень удивлен: «Как, наличными?» И он мне совершенно спокойно отвечает: «Да, наличными. Это вклад *хозяина*».

Ошеломленный, я вышел в коридор, где десяток человек ждали своей очереди. Я понял, что каждый приходил сюда со своей «проблемой», и впервые сказал себе: так вот как президент делит между своими часть полученных взяток. Как пахан, который распределяет общак.

В конечном счете Назарбаев дал мне только половину того, что обещал, полагая очевидно, что и этого достаточно для его прославления. Я думаю, что нашел бы способ завершить строительство и без этих денег. Но мог ли я так поступить? Так что я полностью отдал строителям содержимое зеленой сумки. Они приложили все усилия, чтобы завершить строительство и открыть мечеть в день рождения президента: 6 июля 1999 года.

Два панно, справа и слева от входа, сообщают, что эта мечеть была построена при личной поддержке президента Назарбаева. Это очень красивое здание, рассчитанное на семь тысяч верующих, увенчано огромным голубым куполом, который в 2000 году был покрыт стихами из Корана, выгравированными турецкими специалистами. Для жителей Алматы эта мечеть стала видимым символом того, что жизнь продолжается, несмотря на перенос столицы.

«Казахгейт»

В 1999 году, когда я был мэром Алматы, разразился огромный международный скандал, связанный с коррупцией в самых верхних эшелонах власти Казахстана.

В сентябре 1998 года Нурсултан Назарбаев публично отверг идею организации досрочных президентских выборов. Однако он втайне одобрил инициативу нескольких депутатов организовать такие выборы после принятия поправок к Конституции, которые предусматривали бы увеличение президентского мандата до семи лет, отмену возрастного

барьера для кандидатов⁴⁴ и признание результатов выборов, независимо от числа избирателей, принявших в них участие. Разумеется, эти изменения были скроены специально под Назарбаева. Мы присутствовали при новой попытке президента увековечить свою власть.

Но почему такая поспешность? С начала 1998 года КНБ (Комитет национальной безопасности), который хотел усилить собственную позицию и повысить свою ценность в глазах президента, принялся демонизировать бывшего премьер-министра Кажегельдина, представляя его в качестве особо опасного противника. Каждый день Назарбаев получал информацию об активной подготовке Кажегельдина к ближайшим президентским выборам. Согласно информации КНБ, бывший премьер-министр создал аналитические центры в Казахстане и за границей, финансировал многие средства массовой информации, нанял на работу социологов, специалистов по рекламе и журналистов, создал мощное лобби среди российской, американской и израильской элиты. Конечно, эти сведения не были совсем ложными, но они были грубым преувеличением: КНБ работал над тем, чтобы представить Кажегельдина политическим врагом номер один и исключить любое возможное соглашение между ним и президентом.

Параллельно КНБ воспользовался предлогом «опасности для общества», чтобы «вычистить» из медийного пространства Казахстана те СМИ, которые могли бы поддержать Кажегельдина. Так, в июне 1998 года владелец медиахолдинга «Караван», издания которого проводили довольно независимую политику, Борис Гиллер, был вынужден продать свое детище и перебраться в Россию. В том же месяце оппозиционная газета на казахском языке, «Дат», стала жертвой налета КНБ и несколько месяцев спустя закрыта. В августе 1998 года КНБ провел кампанию запугивания против многих провинциальных СМИ на русском языке; в сентябре 1998 года он добился закрытия оппозиционной газеты «XXI век». Тогда же был захвачен и уничтожен тираж книги Кажегельдина на казахском языке «Казахстан: право выбирать».

⁴⁴ По действовавшей Конституции кандидат не мог быть старше 65 лет.

Не довольствуясь чисткой средств массовой информации, КНБ предпринял серию физических нападений на людей из окружения Кажегельдина. В сентябре 1998 года люди в масках напали на его пресс-атташе Амиржана Косанова, и расследование ничего не дало. В следующем месяце российская специалистка по рекламе Елена Никитенко, работавшая на Кажегельдина, также подверглась нападению, что вызвало ее поспешный отъезд из Казахстана. Наконец в декабре 1998 года Рысбек Казимболинов, казахстанский сотрудник первого секретаря посольства США Адама Стерлинга, был жестоко избит неизвестными лицами. Поскольку американцы поручили ему поддерживать контакты с оппозицией, его избиение было воспринято как предупреждение.

В итоге руководство КНБ, и в частности его председатель Альнур Мусаев⁴⁵, сумели убедить Назарбаева в опасности, которую якобы представлял Кажегельдин. Президентские идеологи и КНБ рекомендовали проведение досрочных выборов, чтобы помешать усилению позиций «врага общества», а также его быстрый арест. 8 октября 1998 г. Кажегельдин официально объявил себя кандидатом на президентские выборы. Несколько дней спустя КНБ помешал проведению пресс-конференции кандидата в Алматы и обвинил его в нарушении законов об общественных объединениях. В квартире Кажегельдина и квартирах нескольких его сторонников прошли обыски. Кажегельдин 15 октября был оштрафован за это административное «правонарушение», что согласно действующему законодательству сделало невозможным его участие в выборах. Параллельно в пропрезидентской прессе развернулась широкая кампания против неугодного кандидата: его обвиняли, в частности, в том, что он держит на заграничных счетах миллионы долларов, добытые в результате коррупции. Одним словом, Кажегельдин был вынужден покинуть страну.

Досрочные президентские выборы состоялись 10 января 1999 года. Нурсултан Назарбаев получил на них 81% голосов против 11,9%, отданных за его главного противника, коммунистического лидера Серикболсына Абдильдина. Такой итог выборов был следствием явной фальсификации итогов голосования. Среди элиты бытовало убеждение, что после этих

⁴⁵ Этот высокопоставленный чиновник министерства внутренних дел, директор КНБ, затем начальник службы охраны президента, был вынужден в 2007 г. эмигрировать. В 2008 г. он был осужден заочно за подготовку государственного переворота

«триумфальных» выборов президент не будет больше обращать внимания на своего поверженного конкурента. Но КНБ сделало как раз обратное, убедив Назарбаева, что Кажегельдин еще более опасен за границей, чем внутри страны.

Республиканская народная партия Казахстана⁴⁶, которую Кажегельдин создал в декабре 1998 года, вскоре стала подвергаться преследованиям со стороны спецслужб. КНБ сумел убедить Назарбаева, что эта партия послужит основой для будущего государственного переворота. Тогда Назарбаев приказал организовать похищение Кажегельдина или его официальную экстрадицию. Поскольку попытка похищения в Чешской республике не удалась, в сентябре 1999 года по требованию казахстанского бюро Интерпола он был арестован полицией по прибытии в московский аэропорт Шереметьево. Однако этот необоснованный арест вызвал резко отрицательную реакцию на Западе, особенно в США, и Борис Ельцин, с которым акция не была предварительно согласована, решил отпустить Кажегельдина, позволив ему выехать за границу. Это стоило Юрию Хитрину, лично вылетевшему в Россию для задержания Кажегельдина, должности Генерального прокурора Казахстана.

Как раз в этот момент, пытаясь получить законные основания для преследования своего злейшего врага, Назарбаев отдал приказ КНБ попросить швейцарское правосудие проверить счета Кажегельдина в банках Швейцарской конфедерации. Ошибка века! Так как Кажегельдин был премьер-министром, швейцарская юстиция тщательно изучила все счета, принадлежавшие казахстанским гражданам. И что же? Никаких счетов Кажегельдина найдено не было (он всегда отрицал их наличие), зато были обнаружены... счета Назарбаева и членов его семьи, на которых лежало 84 миллиона швейцарских франков. Эти деньги, хранящиеся в Женевском банке Pictet&Cie, представляли собой часть сумм, полученных президентом Назарбаевым и его окружением от американских нефтяных компаний в обмен на предоставление им различных привилегий и лицензий в Казахстане. Как выяснилось позже, это была лишь видимая часть айсберга. В общей сложности в одной лишь Швейцарии речь шла о

⁴⁶ Эта партия существовала до 2002 года. Выступала за построение демократического государства с рыночной социально ориентированной экономикой.

сотнях миллионов долларов «грязных денег», помещенных на счета Назарбаева и его близких⁴⁷. Генеральный прокурор Женевы Бернар Бертоса возбудил следственное дело. Так началась огромная афера «Казахгейт».

Я узнал об обнаружении тайных счетов Назарбаева, находясь на своем рабочем месте. В мой кабинет ворвался высокопоставленный чиновник, взлохмаченный, возбужденный, и принялся мне рассказывать: «Мы попали в немыслимую переделку. Через час-полтора российские средства массовой информации, особенно телевидение, скажут, что только что заморожены счета Назарбаева в Швейцарии на сумму 96 миллионов долларов. Нужно заблокировать эту информацию! А президент как раз находится за границей. Что делать?»

Это сообщение привело меня в шоковое состояние. Как это – президент моей страны прячет за границей огромные суммы? Однако я сказал себе, что это, возможно, ошибка. Это было слишком неправдоподобно! Я дал единственно разумный совет своему собеседнику: «Нужно обратиться к казахстанским компаниям, которые ретранслируют российские каналы, и попросить их заблокировать эту информацию». Именно так КНБ и поступил, но, разумеется, новость – увы, правдивая – быстро распространилась по всей стране, вызвав немало волнений: народ начал отдавать себе отчет в том, что сам президент его обманывает...

В рамках этого расследования был также обнаружен секретный швейцарский счет американского банкира Джеймса Гиффена, прозванного «Господин Казахстан». Личность господина Гиффена настолько своеобразна, что о нем стоит сказать несколько слов, тем более что он находится в центре «Казахгейта». В конце 1980-х годов этот ловкий бизнесмен нашел путь к сердцу Назарбаева, еще до того как тот стал главой государства. Укажем на простой факт: в июле 1991 года Джеймс Гиффен сопровождал Назарбаева на обед в Кремль, где Михаил Горбачев принимал Джорджа Буша⁴⁸. В то время с Назарбаевым шли переговоры о заключении сделки, которая позволяла американскому нефтяному гиганту

⁴⁷ См. сайт <http://flb.ru/infoprint/9583.html>

⁴⁸ См. досье на сайте sur <http://kazakstan.narod.ru/nurl17.html>

Chevron разведывать, а затем и эксплуатировать огромное месторождение Тенгиз в Казахстане. В конечном счете соглашение было заключено в 1993 году.

Став советником и доверенным лицом Назарбаева, Гиффен даже получил казахстанский дипломатический паспорт, оставаясь американским гражданином. В июне 2000 года американское правосудие потребовало от швейцарских властей заморозить счета Гиффена. А в 2003 году этот советник Назарбаева был обвинен в том, что в 1997–1998 годах давал взятки как казахстанскому президенту, так и тогдашнему премьер-министру Нурлану Балгимбаеву в обмен на подписание доходных контрактов с американскими нефтяными компаниями, в особенности с Exxon Mobil. Эти суммы были помещены на счета Назарбаева и его близких, в частности дочери Динары и зятя Тимура Кулибаева, через офшорные компании, принадлежавшие Гиффену и зарегистрированные на британских Виргинских островах. Эту историю, которая длилась многие годы, американская пресса и назвала «Казахгейт».

Назарбаев быстро отреагировал на инициативы американского правосудия. Парламент Казахстана, Мажилис, 27 июня 2000 года спешно принял конституционный закон «О первом президенте республики Казахстан», который гарантировал ему пожизненную юридическую неприкосновенность. Однако Назарбаев не сразу нашел пружины, позволившие ему прекратить следствие против него и его близких за границей. В 2006 году имя президента, так же как его дочери Динары и ее мужа Тимура Кулибаева, еще находились в списках Интерпола. Теоретически, они подвергались риску быть арестованными во время зарубежных поездок, и особенно в США.

Сам Джеймс Гиффен был арестован 30 марта 2003 года в аэропорту им. Джона Кеннеди в Нью-Йорке, перед отлетом в Алматы. Однако на следующий день он был освобожден под залог в размере 250 тысяч долларов. Затем, после долгого судебного процесса американское правосудие приговорило его в конце 2010 года... к символическому штрафу. Столь невероятный итог был следствием одного важного обстоятельства. Адвокаты Гиффена заявили, что он был давним информатором ЦРУ и поставлял американским секретным службам

регулярные отчеты о Казахстане с первых дней независимости страны! Разумеется, эта информация не улучшила репутацию казахстанского президента.

Тем не менее Назарбаев не последовал примеру президента США Ричарда Никсона, который подал в отставку в результате нашумевшего дела «Уотергейт», равно как и канцлера ФРГ Вилли Брандта, заявившего о своей отставке, когда в его окружении был обнаружен восточно-германский шпион Гюнтер Гийом. В случае с казахстанским президентом шпион ЦРУ много лет был его советником, нанеся огромный вред интересам страны. Однако отставки Назарбаева не последовало...

В конечном счете «Казахгейт» оказался забыт благодаря усилиям могущественного американского лоббиста болгарского происхождения, Александра Мирчева, который во второй половине 2000-х годов организовал в международной прессе кампании, направленные на то, чтобы обелить Назарбаева. По всей видимости, услуги Мирчева оплачивались тремя казахстанскими олигархами из ENRC, о которых я рассказал в предыдущей главе. Шодиев, Ибрагимов и Машкевич не осмелились поступить иначе: от исхода «Казахгейта» зависело и их будущее в Казахстане...

Перипетии вокруг аэропорта Алматы

Жители Алматы и всего Казахстана 14 июля 1999 года пережили сильные эмоции. Пожар, бушевавший в пассажирском терминале аэропорта, за несколько часов уничтожил все на площади 10 тысяч кв. метров. Я в это время находился в зарубежной поездке. Репортажи о пожаре в аэропорту города Алматы показали все телекомпании мира. К счастью, жертв не было. Терминал находился в государственной собственности, мэрия не несла никакой ответственности за его реконструкцию. Тем не менее я много раз требовал, чтобы государство обеспечило по меньшей мере снос сгоревшего здания, так как все прибывавшие в аэропорт Алматы видели его черный остов, что наносило ущерб имиджу города.

Когда Назарбаев в конце 1999 года прибыл в Алматы в сопровождении министра транспорта и коммуникаций Серика Буркитбаева, он с удивлением увидел, что последствия пожара всё еще видны. Министр объяснил ему, что для сноса и строительства нового терминала нет финансовых ресурсов. В соответствии с протоколом в качестве мэра города, я обязан был встречать и провожать президента в аэропорту. Назарбаев сразу же обратился ко мне: «Способен ли город построить терминал?» Я ответил утвердительно. Тогда президент приказал передать сгоревшее здание в муниципальную юрисдикцию. Через несколько дней Госкомимущество Казахстана передал городу Алматы фундамент сгоревшего пассажирского терминала. Сам же аэропорт находился в собственности Тимура Кулибаева, получившего его незаконно, по решению третейского суда, всего за три миллиона долларов.

Пока я искал инвесторов, мой бывший начальник Заманбек Нуркадилов, ставший в 1997 году губернатором Алматинской области, решил вмешаться в это дело. Он явно искал способы укрепить свои позиции после краткого перехода в оппозицию: избранный депутатом парламента в декабре 1995 года, он сблизился с лидерами нового гражданского движения «Азамат»⁴⁹ и принялся открыто критиковать президента Назарбаева. Чтобы снова приблизить Нуркадилова, Назарбаев назначил его на пост губернатора Алматинской области после перевода парламента в Астану в конце 1997 года.

Заручившись поддержкой группы бизнесменов, Нуркадилов предложил альтернативный проект: вместо реконструкции сгоревшего терминала, построить новый аэропорт близ города Капчагая. Какие аргументы он выдвинул? Создание нового полюса экономической активности и лучший климат: действительно, частые в Алматы туманы вызывали иногда задержку рейсов. Нуркадилов даже организовал церемонию закладки первого камня здания будущего аэропорта в Капчагае. Финансирование этого проекта собиралась обеспечить турецкая компания при условии, что все международные рейсы будут совершать посадку в Капчагае, что должно было принести большие доходы за счет аэропортовых сборов. Подхалимы уже предложили присвоить будущему аэропорту имя

⁴⁹ Движение, созданное группой влиятельных лиц в начале 1996 года.

«Нурсултан», чтобы заручиться поддержкой президента. Свою грязную роль в этой истории сыграл тогдашний премьер Казахстана Касымжомарт Токаев. Он подписал под грифом «секретно» письмо, в котором заверил турецкого бизнесмена, что все международные рейсы будут переведены из аэропорта Алматы в аэропорт Нурсултан.

Я прекрасно понимаю мотивы Нуркадилова. Каждый губернатор или мэр испытывает желание оставить свой след в руководимом им регионе или городе, и строительство аэропорта – это очень памятный жест. К сожалению, проект оказался нежизнеспособным: с одной стороны, строительство аэропорта требовало средств куда более значительных, чем сооружение нового терминала; с другой стороны, Капчагай находится в 74 км от Алматы, тогда как разумное расстояние не должно превышать 20–30 км. Словом, дальше первого камня дело не продвинулось. Так что путь для более скромной реконструкции сгоревшего сооружения был открыт.

Первый камень нового терминала был заложен 16 декабря 2000 года. За три года, главным образом благодаря кредитам, предоставленным мэрии германско-ирландским банком Derfa Bank, новый терминал был построен. Он и по сегодняшний день остается лучшим во всей Средней Азии. Мэрия с помощью известных международных экспертов, таких например как Moody's Investors Service или Steer Davies Gleave, разработала финансовый проект, предусматривавший возмещение кредитов (строительство обошлось в 56 миллионов долларов) за счет аэропортовых сборов, взимаемых с иностранных компаний, а также налогов с многочисленных новых магазинов и сервисов, которые будут открыты в помещении терминала.

Но не нужно думать, что процесс строительства был простым и не наткнулся на подводные камни. Расскажу только об одном эпизоде этой эпопеи, иллюстрирующий трудности, с которыми мы столкнулись. Перед объявлением о тендере на выполнение значительной части строительных работ и оборудование терминала ко мне пришла старшая дочь президента Дарига с просьбой принять сенатора Сакена Сейдуалиева, только что избранного в верхнюю палату при «поддержке» президентского клана, к которому он принадлежал. Сейдуалиев попросил меня, чтобы итальянская строительная компания, которой руководила его супруга, была объявлена

победительницей тендера. Я ответил, что для этого ей нужно только представить лучшее предложение. И вообще, тендеры были не в моей компетенции. Мэрия тендеров не проводила, их проводил застройщик – Управление капитального строительства. В конечном счете под давлением президентской семьи супруга Сейдуалиева «выиграла» конкурс. Компания получила аванс и исчезла, не сделав ни малейшей попытки выполнить работы, и даже полиция не смогла обнаружить ее следов.

Я гордился тем, что привлек к строительству аэропорта лучших специалистов, начиная со знаменитого зодчего Калдыбая Монтахаева, которого называют «королем архитекторов». Его проект предусматривал использование ультрасовременных материалов и отличался оригинальным, новаторским дизайном. К сожалению, он не пришелся по вкусу ни Дариге Назарбаевой, ни Тимуру Кулибаеву, супругу Динары Назарбаевой. Средства массовой информации, неизбежно находившиеся под контролем либо одного, либо другого, вели клеветническую кампанию против строителей, но было нетрудно понять, что критика нацелена на меня. В принадлежащей Дариге газете «Караван» была помещена статья с ужасным заголовком: «Терминал – терминатор». Среди прочего там утверждалось, что металлический каркас терминала не выдержит землетрясения. Я был вынужден провести сейсмическую проверку конструкций терминала магнитудой 9 баллов по шкале Рихтера. Для этого работы по строительству терминала были остановлены, завезены специальные машины и оборудование, проведены испытания и опубликован подробный отчет. Здание устояло, но шесть месяцев были потеряны. Это позволило Дариге Назарбаевой развернуть новую грязную кампанию против меня в прессе, в связи с якобы допущенным срывом сроков строительства. А ведь его нормативный срок был определен в 36 месяцев, и я в этот срок уложился, несмотря на препятствия. Вот такие нравы!

На самом деле, дети президента вешали на меня всех собак. В ходе строительства мне пришлось столкнуться с проверками, организованными Министерством финансов, Счетным комитетом, прокуратурой и так далее. К большому сожалению заинтересованных лиц, все эти инстанции не нашли никаких нарушений, никаких фактов мошенничества. Причина этих

нападок выяснилась в день торжественного открытия терминала, 29 декабря 2003 года. Во время этой церемонии президент улучил минуту, чтобы предложить мне передать владение терминалом компании, принадлежащей Тимуру Кулибаеву. Я отказался, объяснив, что город нуждается в эксплуатации терминала, чтобы погасить кредиты, полученные на его строительство. Я даже предложил президенту, чтобы компания Кулибаева стала партнером города, создав совместное предприятие, но это предложение не нашло у него отклика, так как 75-процентная доля осталась бы за городом. Президент жутко разгневался и ушел, не дожидаясь конца церемонии и не простившись со мной.

Через несколько дней я отбил другую атаку. Президент авиакомпании Air Astana Ллойд Пакстон пришел ко мне с требованием, чтобы город Алматы уступил ему бесплатно вновь построенное здание пассажирского терминала. Он заявил, что намерен разместить там свои бюро, поскольку речь идет о «компании президента Казахстана». На это я также ответил отрицательно, прекрасно зная, что обращаю на себя гнев президентской семьи. Будучи мэром, я не имел другого выхода. Мне нужно было любой ценой расплатиться по кредитам, не разорив городской бюджет.

Добавлю, что мой преемник на посту мэра, Имангали Тасмагамбетов, принял решение передать пассажирский терминал в аренду на 20 лет своему зятю Кенесу Ракишеву всего за 3,5 миллиона долларов. Тем самым он нанес ущерб государству в размере 400 миллионов долларов, так как только с международных рейсов аэропортовские сборы в размере 22 миллионов долларов в год уходили в карман Ракишеву и Кулибаеву, с которым Ракишев тесно сотрудничал. В дальнейшем Карим Масимов, будучи премьер-министром Казахстана, подписал постановление, разрешив продать долю аэропорта компании, зарегистрированной в оффшорной зоне.

Нападки Дариги

Президентская семья не всегда выступала единым фронтом. Дочери президента, особенно старшая, Дарига, которая в течение многих лет была замужем за Рахатом Алиевым, и средняя, Динара, супруга Тимура

Кулибаева, имели собственные экономические интересы, равно как и политические цели. Я уже упоминал, что Дарига интриговала против моей жены Лейлы, чтобы захватить казахстанское телевидение и телеканал Хабар, в 1994–1995 годы. А мои собственные проблемы с Даригой начались в мою бытность мэром Алматы.

Не так легко охарактеризовать личность Дариги. Злые языки утверждают, что она не родная дочь Назарбаева: когда он женился на Саре, работавшей на заводе, как и он сам, у нее якобы уже была маленькая дочка. Как бы то ни было, до двенадцати лет Дарига жила в деревне и воспитывалась матерью Назарбаева. Когда ее привезли в Караганду, чтобы она воссоединилась с семьей, две ее младшие сестры, Динара и Алия, постоянно насмехались над ней, потому что она вела себя, как крестьянка. Передавая Даригу Нурсултану и Саре, мать Назарбаева, как рассказывают, заявила: «Нурсултан, Дарига для тебя больше, чем дочь, она для тебя сестра». Может быть, такие необычные обстоятельства сформировали ее мстительный характер и менталитет интриганки.

В возрасте двадцати лет, в 1983 году, Дарига вышла замуж за Рахата Алиева, студента-медика. В течение десяти лет ее муж продолжал свою врачебную карьеру, но потом предался экономической деятельности. Его настоящий взлет начался в 1996 году, когда он стал начальником финансовой полиции (и пребывал на этой должности до 1999 года), а затем одним из руководителей КНБ (1999–2001 годы). В наших разговорах Алиев говорил о Дариге как о политическом партнере, но я никогда не чувствовал любви в его словах, хотя речь шла о матери его детей. Со своей стороны, начав работать на телевидении в 1994 году, Дарига призналась Лейле: «Я не люблю своего мужа, я не люблю свою мать, я не люблю своего отца, я ненавижу своих сестер, я ненавижу своего зятя Кулибаева». И добавила: «Я люблю только своих детей».

Однако этот недостаток любви к «папе» не помешал Дариге быть чем-то вроде неофициального советника президента, в частности во второй половине 1990-х годов. Она играла ту же роль при своем отце, что и Татьяна Юмашева, дочь Бориса Ельцина, – при своем. Но Дарига оказалась куда более жадной, чем Татьяна. Поскольку Тимур Кулибаев, муж Динары, захватил в ходе приватизации многочисленные предприятия

нефтегазового сектора, Дарига нацелилась на недвижимость и различный бизнес в Алматы. Из-за этого в течение всех лет моей работы на посту мэра, у меня с ней были многочисленные столкновения.

Так, весной 1999 года Дарига попыталась захватить в собственность муниципальное предприятие Горгаз, которое обеспечивало подачу газа всему населению города. Она пыталась буквально задушить это предприятие, уже и так погрязшее в долгах, и взять его под контроль путем конфискации в пользу другой компании, Алаутрансгаз, руководителем которой был друг ее юности, Мухтар Джакишев. Таким образом этот человек стал бы монопольным поставщиком газа в Алматы. Я помешал этому грабежу, но, чтобы спасти Горгаз от банкротства, мне нужно было добиться снижения цен на природный газ из соседних стран-поставщиков, Узбекистана и Киргизстана. Вообще-то, межгосударственные отношения – это сфера ответственности президента и правительства, но президент не хотел «унижаться» (по его выражению) до обсуждения со своими коллегами столь «незначительных» вопросов. Возможно, он не ожидал от меня сопротивления и надеялся, что Горгаз попадет в лапы к Дариге... Напрасно! Я провел переговоры с премьер-министрами этих стран и даже с узбекским президентом Исламом Каримовым, и они пошли мне навстречу.

Новая атака имела место в декабре 1999 года. Убедившись в низкой эффективности управления водопроводной сетью Алматы муниципальной компанией «Водоканал», я подписал, от имени города контракт о передаче управления в руки всемирно известной французской компании, Vivendi, бывшей La Générale des Eaux. Вода – очень важный ресурс, и я выбрал крупную иностранную компанию с прекрасной репутацией именно для того, чтобы добиться снижения тарифов и сокращения потерь. Но это шло вразрез с планами Дариги, которая стремилась заполучить «Водоканал»: ведь если двигаться не по пути эффективности, а просто взвинчивать цены на воду, можно было и тут неплохо заработать. В принадлежащей ей прессе развернулась очередная кампания по моей дискредитации. Телеканал КТК, находящийся под контролем Дариги, призвал правительство вмешаться и разорвать контракт, который я подписал с Vivendi, после чего многие средства массовой информации

заявили, что мое увольнение неизбежно. Но «папе» не слишком понравилось, что атаку начали без его приказа. Он публично подтвердил свое доверие ко мне, и это дало мне несколько месяцев передышки.

В 2000 году Дарига, как ни в чем не бывало, обратилась ко мне с новым предложением: она хотела, чтобы я бесплатно уступил ей городской телеканал Алматы, хотя город возродил этот канал, вложив в него 10 миллионов долларов. Ее муж Рахат по-дружески меня предупредил, что я буду уволен, если не приму это предложение. Я ответил, что поговорю об этом с президентом, и это сильно взволновало Даригу. Внезапно Рахат попросил меня не упоминать Назарбаеву об этом разговоре. В моих глазах это было доказательством того, что и здесь речь шла о личной инициативе Дариги.

Через несколько дней президент встретился с руководством города. Он выслушал мой доклад о выполненной работе и произнес речь, в которой дал в целом положительную оценку моей деятельности, несмотря на ряд сделанных им критических замечаний. Все ждали, что президент произведет смену руководства города, но он лишь пожелал нам удачи. И на сей раз Дариге не удалось меня уничтожить!

Отношения между президентом и его дочерьми были таким сложными, что в ноябре 2001 года Дарига и Рахат, по заявлению президента, совершили ни больше ни меньше как попытку государственного переворота. В то время Дарига контролировала, прямо или опосредованно, почти все СМИ, то есть большинство телеканалов и радиостанций, информационных агентств и газет. В течение всего 2001 года эти СМИ обличали коррупцию среди олигархов и в высших эшелонах власти. Они представляли Рахата Алиева как главного героя борьбы с коррупцией. Назарбаев, убежденный в том, что зять, как верный бульдог, защищает его интересы от алчности подчиненных, был доволен. Между тем Дарига одновременно собирала компромат на президента и весь «первый круг». Когда эта парочка поняла, что настал момент перейти в атаку против Назарбаева, они организовали «утечку» на сайт оппозиции «Азиопа», стремясь спровоцировать общее негодование. Друзья Дариги и Рахата Алиева уже поднимали тосты за здоровье будущего президента – Дариги. Но ряд людей в окружении Назарбаева, особенно начальник

службы охраны президента, Амангельды Шабдарбаев, министр внутренних дел Каирбек Сулейменов и секретарь Совета безопасности Алтынбек Сарсенбаев, разоблачили эти происки. И признания главного редактора сайта «Азиопа» Данияра Ашимбаева в конце концов убедили Назарбаева: его собственная дочь, вовлекшая в заговор мужа, предала отца!

Я не был посвящен в тайну этого заговора, но, когда тот был раскрыт и власть принялась ликвидировать последствия, я в качестве мэра принял участие в событиях, которые развернулись в Алматы. Президент объявил чрезвычайное положение и отдал приказ элитному подразделению спецназа арестовать Алиева. Рахат укрылся в своем бункере в городе, и я убежден, что командос убили бы заговорщика, если бы не вмешался его отец, очень уважаемый ученый, известный хирург, академик Мухтар Алиев. Он позвонил Назарбаеву и сказал ему: «Что ты делаешь? Почему ты отдаешь Рахата этой своре шакалов? Он твой сын. Приведи его к себе и поговори с ним. Если нужно, убей его собственными руками, но не с помощью этой банды убийц». Президент послушал отца Рахата и приказал привезти виновника в Астану. Хирург лично проводил Рахата в аэропорт Алматы. Вдруг мне позвонили из аэропорта и предупредили, что самолет, который должен везти Рахата в Астану, окружен вооруженными людьми. Я немедленно позвонил генералу Касымову, главе регионального отделения МВД в Алматы, и попросить его дать приказ о снятии оцепления. Оказалось, что вооруженные люди принадлежат службе безопасности аэропорта: политические противники Рахата хотели захватить его и, возможно, они бы его уничтожили, если бы не наше вмешательство.

Итак, самолет вылетел в Астану. По слухам, зять и его отец встали перед «папой» на колени. И большой стратег Назарбаев, который не хотел слишком усиливать позиции клана, разоблачившего Даригу и Рахата, сделал экстравагантный жест: он назначил Рахата заместителем начальника своей личной охраны. Можно предположить, что он имел жесткую беседу с Даригой, но сведения об этом в прессу не просочились. Казалось, инцидент был исчерпан, почти все сторонники Алиева были уволены, около 50 офицеров высокого ранга, в том числе несколько генералов, брошены в тюрьму.

На самом деле Назарбаев был сильно испуган. На следующий день я должен был представить ему в Алматы большой проект по урбанизму для Южной столицы в присутствии прессы. Президент вошел в зал, полный журналистов, подошел ко мне и сказал: «Дорогой, ты знаешь, что у меня в данный момент другие заботы. Делай свой проект, как считаешь нужным». Он потрепал меня по плечу и через минуту ушел, с потеряннным видом. Журналисты не осмелились прокомментировать это странное появление.

Однако Рахат недолго оставался при своем тесте. Многие молодые министры и высокопоставленные чиновники публично выразили свое недовольство «мягкотелостью» Назарбаева и потребовали в ультимативной форме, чтобы мятежный зять был строго наказан. Это был новый вызов авторитету президента. Тогда он принял компромиссное решение: с одной стороны, принял отставку нескольких министров, которые предъявили ему ультиматум, а с другой, отправил Рахата в почетную ссылку в Австрию в качестве посла. Он также назначил на пост посла в России Алтынбека Сарсенбаева, движущую силу этого акта неповиновения. Вот так я на некоторое время избавился от козней Дариги, которая последовала за своим супругом в Вену. Честно сказать, это было облегчением!

Чимбулак, «приватизированный» заповедник

Чимбулак занимает особое место в моей карьере мэра Алматы. Речь идет о знаменитом лыжном курорте, вблизи от которого находится гигантский каток Медео. Место будущего курорта, расположенного на высоте 2200 метров, было обнаружено любителями лыжного спорта вскоре после Второй мировой войны. Несколько лет спустя в заповеднике была проложена первая горнолыжная трасса в СССР, отвечавшая европейским стандартам. Позднее прибавились и другие трассы. Начиная с 1950 года там каждый год устраивались общесоюзные соревнования. В 1983 году горнолыжный курорт стал тренировочной базой для Олимпийских игр. А каток Медео площадью 10 500 кв. м, находящийся на высоте 1700 м, – один из самых больших в мире. Там проводятся хоккейные матчи, соревнования по фигурному катанию и конькобежному спорту.

Великолепные пейзажи, теплый солнечный свет и удивительно мягкий для такой высоты климат всегда привлекали жителей Алматы. С октября по май половина горожан проводят там свои выходные, на катке или на лыжных трассах.

Модернизация Чимбулака фигурировала среди 35 программ развития Алматы, которые я обязался реализовать. Мои специалисты подготовили проект, и я представил его на рассмотрение управляющей этим курортом компании, партнером которой был один из крупнейших банков Казахстана и даже всей Средней Азии, Казкоммерцбанк. Когда мы встретились с директором этой компании, на нашем первом рабочем совещании, он мне сразу же сообщил, что 25% компании принадлежит президенту Назарбаеву. Я ответил, что мне ни к чему об этом знать.

Мы разделили сферы ответственности. Город обязался построить новую дорогу к Чимбулаку и поддерживать ее, а также выделить земли для строительства подъемника от Медео к Чимбулаку. А управляющая компания – перестроить гостиницу, завершить строительство боулинга и бассейна. Но мы быстро столкнулись с такой проблемой: территория станции находилась под юрисдикцией Алматинской области, а не самого города.

Изменил это соотношение сил случай. Первая леди, Сара Назарбаева, любит ходить пешком и обожает Чимбулак. Однажды, когда она проходила мимо стройки, за вагончиками, где жили строительные рабочие, вспыхнула перестрелка. Возможно, люди были навеселе, во всяком случае, никто не пострадал. Но меня попросили «принять меры». Тогда я написал письмо президенту, прося его перевести территорию Чимбулака под юрисдикцию города. Иначе как я мог обеспечить безопасность этих мест?

Президент признал мою правоту, и территория была без всяких условий передана под мою юрисдикцию. Но такое положение длилось недолго. Президент – генеральный директор и главный акционер Казкоммерцбанка Нуржан Субханбердин (который упоминался выше) поставил мэрию Алматы перед свершившимся фактом. Согласно распоряжению Государственного комитета по приватизации, этот лыжный курорт был

целиком приватизирован и продан Казкоммерцбанку. Следовательно, в соответствии с законом собственность на землю, на которой стоит станция, также перешла к нему. Тем не менее, поскольку заповедная зона Чимбулака находилась под юрисдикцией города Алматы, нужно было все-таки получать у мэра Алматы специальные разрешения для каждого строительного проекта.

Однако, зимой 1988 года я узнал, что управляющая компания Чимбулака, партнер Казкоммерцбанка, построила дом для президента Назарбаева, не получив необходимых разрешений и в труднодоступном месте. Мои замечания ничего не изменили. Всего два или три месяца спустя та же компания начала строительство трех других загородных домов. Сергей Гиталов, директор управляющей компании Чимбулака, объяснил мне, что первый из этих домов предназначен для Дариги Назарбаевой, а второй – для Нуржана Субханбердина. Что касается третьего, сказал он, президент сам будет решать, кто сможет его купить. Вскоре тот же Гиталов сообщил, что президент одобрил продажу этого дома мне. Честно говоря, несмотря мое сдержанное отношение к Нурсултану Назарбаеву и некоторым его приближенным, я все же был польщен желанием президента, чтобы я жил с ним по соседству. Так что я получил необходимые разрешения, заплатил требуемую сумму и стал счастливым владельцем красивого дома в месте, о котором можно только мечтать. Я не понял тогда президента. Мне показалось, что это знак его заботы и признания моей успешной деятельности. Спустя несколько лет, стало ясно, что это был просчитанный и изощренный ход. Впоследствии он получил возможность привлечь меня за этот дом к ответственности.

В конце 1998 года и Тимур Кулибаев, зять Назарбаева, решил построить здесь себе дом. Он даже не дал себе труда запросить и оформить какие-либо разрешения. К тому же Кулибаев оградил огромный участок, который был им незаконно занят, высоким забором, тогда как президент решил, что на Чимбулаке по эстетическим причинам не должно быть ни заборов ни палисадников. Даже имение Назарбаева не было ограждено! Но кто в Казахстане осмелится противостоять Кулибаеву?

Очень быстро всей правительственной элитой овладело безумное стремление строить жилье вокруг Чимбулака. В 1999–2001 годах

высокопоставленные номенклатурные работники обращались ко мне, чтобы получить участки для строительства домов. Но поскольку Назарбаев приказал никому не давать разрешения без его согласия, я всем говорил, что нужно обращаться прямо к президенту, а не ко мне. Президент лично принимал решение по каждой кандидатуре.

Правительственная элита была теперь просто одержима этим местом. Оно быстро стало столь же престижным, как Малибу для звезд Голливуда или Гштаад для богатых европейцев. Очевидно, президент пожелал вознаградить своих верных слуг. В 2002 году он подтвердил мне, что разрешил строительство домов таким влиятельным людям, как Нуртай Абыкаев, глава КНБ; Бауржан Мухамеджанов, министр юстиции; Имангали Тасмагамбетов, премьер-министр, и некоторые другие. Естественно, я дал поручение работникам мэрии и соответствующим службам города оформить им соответствующие разрешения, что в дальнейшем дало президенту возможность использовать эти факты против меня.

Кроме того, Тимур Кулибаев, который считал, что он выше законов, занял, не спросив разрешения, дополнительные участки, где построил четыре дома. Что касается президента Назарбаева, то он в 2000–2002 годах построил новый дом на участке, который не был продан Казкоммерцбанку и оставался под юрисдикцией Алматы, а также еще два дома, где размещался обслуживающий персонал и охрана. Когда строительство новой резиденции президента было завершено, он подарил свой первый дом в Чимбулаке младшей дочери Алии. Между тем город в рамках принятых обязательств построил новую дорогу и работал над благоустройством территории курорта.

Хотел бы отдельно сказать несколько слов о поведении Имангали Тасмагамбетова. Сразу после назначения его премьер-министром в январе 2002 года он явно решил, что отныне имеет право действовать по своему усмотрению. Он пришел ко мне за получением разрешения на строительство в Чимбулаке и был возмущен тем, что я попросил у него предварительное согласие президента. Премьер сказал в ярости: «Виктор, я человек номер два в государстве, ты хорошо понимаешь, что я получу разрешение президента, так что давай, сделай мне необходимые документы». Согласие президента он, разумеется, получил и начал

строительство, но повел себя по-хамски со строительной фирмой, которую нанял. Как помещик, который издевается над своими крепостными! Он ругал как директора фирмы, так и рабочих и отказывался им платить, под тем предлогом, что выполненные работы не отвечают полностью его желаниям. Это был настоящий кошмар. Когда резиденция в конце концов была закончена, он устроил большой праздник, пригласив всех больших шишек страны, и конечно лично Назарбаева. По этому случаю Тасмагамбетов повесил в большом салоне портрет президента и поднял немало тостов за здоровье «отца нации», который позволил ему построить свой дом. В конце концов, слишком много наговорив, слишком много спев и слишком много выпив, он заснул, так что провожать президента домой пришлось мне.

Тасмагамбетов был не единственным, кто вел себя по-хамски. Когда на территории, управляемой Казкоммерцбанком, захотел обосноваться родной брат Назарбаева Болат, он просто угрожал убить Гиталова, если тот откажется удовлетворить его требование. И это не было пустой угрозой: он вынул пистолет и направил его на управляющего. Злобно усмехаясь, Болат кричал: «Мне плевать, что я тебя убью, все равно я ничем не рискую». Об этой сцене мне рассказывал сам Сергей Гиталов. Такая тактика оказалась очень эффективной: у Болата было в Чимбулаке целых два дома!

Нужно сказать, что Чимбулак также служит для приемов глав государств и других высоких иностранных гостей в неофициальной обстановке. *Mutatis mutandis*, это наш Сочи⁵⁰. Именно на Чимбулаке, среди прочего, проходил с 28 февраля по 3 марта 2002 года саммит глав государств СНГ. Впрочем, история этого саммита заслуживает небольшого отступления. Главная встреча глав государств была запланирована на 1 марта 2002 года в Алматы. Такой саммит проходил в Казахстане впервые. Согласно протоколу я как мэр города Алматы был обязан встречать всех руководителей государств у трапа самолета. Наиболее ярким моментом было прибытие туркменского диктатора Сапармурата Ниязова, которого называли Туркменбаши, «отец туркмен». Пока я его сопровождал к машине, он мне сказал доверительным тоном, что приехал единственно

⁵⁰ Российский президент Владимир Путин имеет резиденцию в Сочи, российском морском курорте, где он принимает иностранных гостей.

из-за дружбы с нашим президентом, а на саммит ему совершенно наплевать. Как арабский шейх, он носил на всех пальцах огромные золотые кольца, усеянные драгоценными камнями. Он даже попросил у меня совета, какое из этих колец подарить Назарбаеву. Я сопроводил Ниязова в его номер в гостинце «Анкара», но ночью меня вызвали в гостиницу: туркменский президент потребовал, чтобы закрыли бар на его этаже, так как ему претило, что там продавали алкоголь. Естественно, я отдал приказ закрыть бар. Но это не умерило раздражение Ниязова. На следующий день он исчез после утреннего заседания без всякого объяснения, не простившись со своими коллегами и организаторами саммита.

И это было не единственной неприятностью. В ходе рабочего заседания одиннадцать президентов приняли резолюцию, направленную на укрепление сотрудничества в энергетической сфере. Но на последовавшей за этим пресс-конференции Эдуард Шеварднадзе, тогдашний президент Грузии, принялся критиковать Россию и российскую армию. Для бывшего советского министра иностранных дел это было несколько странно. Он, в частности, утверждал, что Грузия будет отныне ориентироваться на Соединенные Штаты и создавать современную армию с помощью американских инструкторов. Эта выходка, достойная его преемника Михаила Саакашвили⁵¹, вызвала такое раздражение у его коллег, что он также развернулся и поспешно отбыл в аэропорт.

Десять оставшихся президентов привезли в Чимбулак кататься на горных лыжах. Владимир Путин был очень доволен этой инициативой: он был самым молодым и катался хорошо. А вот Лукашенко явно встал на горные лыжи впервые в жизни. Он совершил небольшой спуск, которым остался недоволен. Как хороший спортсмен, он сразу понял, что уступает Путину и Назарбаеву. Так что Лукашенко тоже сел в машину и уехал. Зато российский президент остался еще на два дня, чтобы отдохнуть на прекрасном курорте. Он даже одолжил у меня для своих прогулок мой служебный Mercedes, потому что его, бронированный, доставленный из Москвы на грузовом самолете, был слишком тяжелым, чтобы подняться на большую высоту.

⁵¹ Прозападный президент Грузии, который руководил страной в 2004–2013 годах.

Назарбаев попросил организовать у меня дома дружескую и непринужденную встречу с Путиным. Эти два человека друг другом восхищались. В частных разговорах Назарбаев хвалился, что Путин – его ученик и что он научил того, как руководить страной. Прием удался, и президент меня тепло благодарил. Но когда мы вышли из дома, на улице ждали любопытные: они хотели видеть обоих президентов. Назарбаев тогда проворчал: «Виктор, почему ты выбрал это открытое место? Ты не видишь толпу зевак? Если ты и дальше хочешь принимать моих гостей, подумай о переезде. Понял?» Как обычно с президентом, спорить было не о чем. Я продал свой дом и построил себе другой.

Золотое правило, согласно которому только президент может разрешить строительство резиденции в Чимбулаке, действует до сих пор. После меня пост мэра занимал Имангали Тасмагамбетов (2004–2008 годы), затем Ахметжан Есимов. И оба они продолжали выдавать необходимые разрешения для новыхстроек. Так, Тасмагамбетов, в свою бытность мэром, предоставил земельный участок для строительства дома будущему мэру Есимову. Одним словом, бал номенклатуры в Чимбулаке продолжается.

Итоги работы на посту мэра

В течение всех лет на посту мэра Алматы, с 1997 по 2004 годы, я должен был часто ездить в Астану, новую столицу, которая строилась просто в бешеном ритме. За этот период население города почти удвоилось – с 275 до 510 тысяч жителей. Несмотря на колебания многих чиновников, им пришлось мало-помалу перевезти в Астану свои семьи, тем более что там одно за другим открывались высшие учебные заведения. Пока я сражался за получение фондов и развитие Алматы, деньги госбюджета текли рекой в Астану. Множество архитекторов с мировыми именами упорно создавали современную столицу, отражающую облик богатой, современной и преуспевающей страны.

В действительности, эта архитектурная фантазия являет собой как бы декорацию футуристического фильма: грандиозный мираж в нуворишеском вкусе посреди голой степи. По этой причине Астане дали не

очень лестное определение – «степной Манхэттен». Помпезный центр города пересекает двухкилометровый проспект, который начинается от огромного здания из двух симметричных частей, связанных гигантской аркой: в нем находится национальная газовая компания «Казмунайгаз». А если посетитель, гуляя по проспекту, поднимется на вершину башни «Байтерек», символизирующей древо жизни, то он сможет приложить свою ладонь к золотому отпечатку руки Назарбаева, руки, которая правит страной вот уже почти четверть века.

С высоты башни видны и другие монументальные здания. В частности, оттуда открывается панорама на президентский дворец «Ак Орда», строительство которого было закончено в 2004 году. Эклектический дворец напоминает отчасти американский Белый дом – своей округлой и выступающей центральной частью, также белой, но гораздо большего размера; отчасти – гигантскую мечеть, из-за голубого купола; отчасти – знаменитое здание Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, из-за величественной золотой иглы над куполом. Чтобы попасть в «Ак Орду», нужно пересечь огромную пустую площадь, а пройдя за ограждение, опять довольно долго идти. Это прием, свойственный диктаторам: раздавить посетителя пространством, которое тот должен преодолеть, чтобы приблизиться к правителю, и тяжестью архитектуры. Как многие диктаторы в прошлом, Назарбаев лично наблюдает за каждым архитектурным проектом и безмерно этим кичится. У меня всегда было впечатление, что этот бесчеловечный и помпезный город отражает манию величия своего хозяина. Комплекс жилых зданий «Триумф Астаны», который сильно напоминает сталинские небоскребы в Москве, лишний раз свидетельствует об этой мании.

Из-за климата Астаны, особенно враждебного человеку, в городе не видно прохожих, словно он вообще необитаем. Только поток автомобилей свидетельствует о присутствии человека. Существует даже проект покрыть большую часть столицы прозрачным куполом из фторуглеродной смолы, чтобы защитить его от ураганов и ужасного зимнего холода. Это строительство обойдется примерно в миллиард долларов. Какая экстравагантность в стиле Дубая, в то время как каждая пятая семья в

Казахстане довольствуется менее 200 долларов в месяц и только 46% жилого фонда подключены к системе канализации...

После каждой поездки в Астану я осознавал, до какой степени мне повезло, что я остался в Алматы и смог поработать на благо этого города. Я гордился тем, что мне удалось сделать за семь с половиной лет. Благодаря моему правлению город стал процветающим. В 2004 году, последнем, который я провел на посту мэра, мы собрали муниципальных налогов на сумму 2,5 миллиарда долларов, хотя город не имеет ни нефти, ни газа, ни какого-либо другого природного сырья. Мне с моей командой удалось получить такой результат исключительно за счет развития малых предприятий и туризма.

Я уже упоминал некоторые из этих достижений. Охотно продлю этот список. К примеру, я построил 12 школ в общей сложности на 12 тысяч учеников, одна из которых имела свой собственный бассейн, впервые в Алматы, и школу для детей-инвалидов. Благодаря моим усилиям, открыли свои двери два важных объекта: больница на 300 коек для оказания паллиативного ухода неизлечимым раковым больным и пансионат для ветеранов на 500 человек. Строительство этого пансионата для ветеранов Второй мировой и Афганской войн началось еще в советское время, но после провозглашения независимости было остановлено. Корруппированный директор Комитета по управлению государственным имуществом Сарыбай Калмурзаев предоставил это неоконченное здание в распоряжение одной частной структуры с условием завершить строительство по собственному усмотрению. Это условие не было выполнено, и я решил возобновить строительство пансионата, так как хотел помочь многим сотням ветеранов двух этих ужасных войн, видя в этом свой долг, и суд признал мою правоту. Я закончил строительство здания, где ветераны живут на полном обеспечении и получают за счет мэрии бесплатное медицинское обслуживание. К тому же за ними остается пенсия! Когда Назарбаев приехал туда с визитом, он сказал с ноткой иронии ветеранам, собравшимся в актовом зале: «Храпунов осуществил для вас коммунистическую мечту!» Ведь это был пример человеческого отношения к ветеранам для других регионов, что явно не понравилось Назарбаеву, так как исходило не от него, а от меня.

Разумеется, на Западе наличие подобных приютов, пансионатов или школ – в порядке вещей, но население постсоветских стран, включая Казахстан, хорошо знает, что дикий капитализм, который тут царит, очень мало заботится о старых, слабых и больных. Пансионат для ветеранов и больница для раковых больных не имеют себе подобных на всем постсоветском пространстве. Я надеюсь, что внес свой вклад в судьбу обездоленных режимом Назарбаева людей.

Одним из моих важных успехов была реконструкция Алматинской оперы, которая носит имя крупного философа и национального поэта Абая. Вот как развивались события. К середине 1990-х годов правительство организовало тендер на реконструкцию Оперы, построенной во время Второй мировой войны, в период, когда в Алматы оказались сотни тысяч граждан, эвакуированных из европейской части Советского Союза. Тендер выиграла немецкая компания, которую возглавляли выходцы из Югославии, они получили на работы пять миллионов долларов. К сожалению, эта компания ничего не сделала, кроме замены кровли, и то с помощью материалов плохого качества. Два года спустя компания обанкротилась и деньги исчезли. С тех пор правительство ничего не желало предпринимать, тем более что столица была перенесена в Астану. Здание театра стояло без окон, без дверей. Замминистра культуры, на которого попытались повесить всех собак, поскольку он был русским, был вынужден попросту покинуть Казахстан.

Вскоре после моего назначения я решил предпринять что-то для поднятия престижа Южной столицы. В ходе визита Назарбаева я попросил президентскую администрацию включить посещение Оперы в программу его пребывания в Алматы. Администрация не желала показывать ему это ветхое здание, но я упорно настаивал. Назарбаев убедился в плачевном состоянии знаменитого театра, и я получил кредит на его реконструкцию под правительственные гарантии. Но полученного финансирования было явно недостаточно, и нам пришлось выделить из скудного городского бюджета сумму, превышавшую размер займа. Правительство и в данном случае заставило город обслуживать кредит. Президент порекомендовал мне работать с компанией Беджета Паколли, скандально известного участием в работах по реконструкции Кремля. К счастью, его предложения

почти в два раза превышали смету компании, ставшей в итоге победителем тендера. После ремонта Опера вновь открыла свои двери в 2000 году и до сих пор остается одной из жемчужин культурной жизни города.

Я также построил или обустроил немало других театральных и концертных залов, создал современные кинозалы с системой Dolby Stereo, восстановил историческое здание цирка. Мэрия выкупила здания, чтобы разместить в них корейский и немецкий театры, а также русский Театр юного зрителя. Был выполнен ремонт зданий уйгурского театра и Театра русской драмы им. М. Лермонтова. Для населения Алматы это было свидетельством стремления властей к межнациональному согласию и их заботы о разнообразии культурной жизни города. Во Дворце спорта я заменил холодильное оборудование, выполнил замену ледового поля, создал условия для тренировок новой хоккейной команды и проведения игр на льду. Позже там стали проводиться международные соревнования. Мы провели в Алматы Чемпионат мира по хоккею с шайбой среди молодежи. Президент Международной ассоциации хоккея на льду (IIHF) Рене Фазель дал нашей работе высокую оценку.

Одной из моих главных забот была экология. Чтобы улучшить качество воздуха, необходимо было уменьшить пробки и развивать общественный транспорт. Я продолжал, несмотря на мнение правительства, строить метро; разработал программу ввода троллейбусных линий, поскольку это экологически чистый вид транспорта, мы даже начали совместно с компанией Škoda производить казахстанские троллейбусы; я устроил целую сеть подземных стоянок (которых раньше не существовало); оборудовал множество перекрестков и транспортных развязок; построил десятки километров новых трасс и часть окружной дороги.

Одним из моих увлечений было устройство зеленых пространств. Каждый год на крупных улицах города высаживали красивые клумбы с цветами. Я распорядился очистить и заново насадить деревья в Южном парке, который был заброшен в течение двадцати лет, а при мне вновь стал излюбленным местом горожан. Более того, мне удалось забрать у Алматинской области территорию, где застройщики готовились возвести жилые и офисные башни. Вместо этого проекта застройки мы создали

новый парк, который раскинулся на площади 74 гектара. Учитывая приближавшийся 2001 год, парк был назван «Парком XXI-го века», но потом подхалимы переименовали его в «Парк первого президента» и воздвигли там первую статую Назарбаева – при его жизни! Как бы то ни было, я горжусь этим парком, который сейчас считается «легкими Алматы».

Я могу похвастаться и тем, что сумел европеизировать город. Проспект Абылай-хана стал олицетворять новый облик Алматы. После его реконструкции по самой современной немецкой технологии многие специально старались проехаться по мостовой, не уступающей по качеству европейской автостраде, полюбоваться зелеными насаждениями и цветниками. Но Европа – это еще и уважение к инвалидам. Я реализовал программу, направленную на облегчение их передвижения. Впервые на постсоветском пространстве я распорядился создать специальные коридоры для людей в инвалидных колясках.

Без ложной скромности, я считаю себя хорошим менеджером. Вот почему я с энтузиазмом отреагировал на предложение президента назначить меня премьер-министром. Это тоже забавная история. В 2002 году Назарбаев прибыл в Алматы на празднование окончания Рамадана. Я подготовил в его честь хороший прием в ресторане, и президент расслабился, был в хорошем настроении. Во время вечера он спросил меня наедине, хотел ли бы я стать премьер-министром. Я ответил, что был бы очень счастлив трудиться и дальше в Алматы, чтобы преобразовать Южную столицу в современный город, на уровне мировых стандартов. Тем не менее я уточнил, что решение назначить меня премьер-министром в его власти: если он такое решение примет, я буду работать на новой должности с максимальной ответственностью. Я добавил, что в случае моего назначения смогу облегчить ему жизнь, избавив от многочисленных технических проблем. Я чувствовал себя способным выполнить подобную задачу и – не буду скрывать – действительно хотел этого.

Президент обнял меня, усадил рядом с собой, и мы говорили еще добрых сорок минут. Он задал мне множество вопросов, на которые я ему честно отвечал, включая довольно критическую оценку работы Имангали

Тасмагамбетова⁵². Тем временем почти все гости разошлись, и президент предложил мне отправиться в его резиденцию, куда он пригласил также торгового атташе Казахстана в России Ахмеда Местоева и главу администрации Темирхана Досмухамбетова. Там мы возобновили нашу откровенную беседу, обсуждая внутреннюю политику, государственное устройство, гражданское общество и другие темы.

Внезапно президент поднялся и сказал нам: «Предлагаю принести клятву верности, скрепив ее своей кровью». Мы подскочили. Местоев пошел за ножом, чтобы сделать надрезы на пальцах. Но Назарбаев его остановил: «Мы не будем этого делать. Возьмем хлеб и вино, как клялись ученики Иисуса». Так что мы окунули хлеб в бокал с вином, и президент произнес такие слова: «Я и все мы даем клятву верности каждому здесь присутствующему. Мы обещаем никогда не предпринимать ничего друг против друга, так же как против наших детей, внуков и всех членов наших семей. Кто нарушит эту клятву, не останется в живых». При этих словах у меня волосы на голове встали дыбом. И всё же я тогда не понял, почему Назарбаев отверг клятву на крови, согласно тысячелетней восточной традиции. Только много позже я осознал, что он принимал себя за Иисуса, за Бога. Ни больше ни меньше.

В тот момент я принял эту торжественную клятву всерьез, но это было обыкновенным надувательством. Через несколько месяцев церемония повторилась: я еще раз дал подобную клятву в составе группы олигархов, на встречу с которыми меня пригласил президент. И из-за этих смехотворных сцен я считал себя обязанным молчать долгие годы, не выступать публично против преступлений режима. Сегодня, оглядываясь назад, я с удивлением себя спрашиваю: как я мог доверять Назарбаеву? Как я мог принять всерьез этот фарс? На самом деле, сомневаясь даже в близких сотрудниках, президент обязывал их приносить такие клятвы, чтобы позднее с большей легкостью избавляться от этих людей, оскорблять их и лишать имени, имущества, свободы. Кстати, в 2003 году оппозиционная пресса (точнее, то, что от нее осталось) сообщила о тайном совещании, на котором президент утвердил список своих доверенных лиц. Речь шла главным образом о членах его семьи и нескольких тщательно

⁵² Премьер-министр с 28 января 2002 по 11 июня 2003 года.

отобранных близких людях. Моя фамилия, русского по национальности, в этот список, естественно, включена не была.

Весьма специфический менталитет Назарбаева уходит корнями в структуру традиционного казахского общества. Оно делится на три группы кланов, жузов, куда входят потомки трех легендарных братьев. Казахская социальная система различает Старший жуз, Средний жуз и Младший жуз. Сюда нужно добавить Торе (потомков Чингиз-Хана, которые до советского воемени составляли руководящий класс) и Кожа (потомки исламских святых). Президент и его семья принадлежат к Старшему жузу, но к малочисленному клану Шапрашты который не пользуется особым уважением у традиционалистов. В этом кроется еще одна причина доверять только «своим». Поэтому он и склонен окружать себя людьми, вышедшими из его клана, такими как Нуртай Абыкаев, который был и главой президентской администрации, и председателем Сената, и заместителем министра иностранных дел, и послом в Англии и в России, и председателем КНБ; а также племянник президента Ахметжан Есимов, побывавший и главой Алматинской областной администрации, и первым вице-премьером, и министром сельского хозяйства, а сейчас занимает должность мэра Алматы; или Адиль Шаяхметов, бывший председатель КНБ; Серик Умбетов, бывший министр сельского хозяйства, губернатор Алматинской области, управляющий делами президента, а в настоящее время депутат парламента от президентской партии. Разумеется, это не означает, что представитель другого клана или даже другого жуза не может получить доступ в первый круг. Блистательная карьера Имангали Тасмагамбетова, выходца из Младшего жуза, это прекрасно иллюстрирует. Но исключения только подтверждают правило.

Во всяком случае, казахстанец русского происхождения, такой как я, независимо от степени его укорененности, интеграции и патриотизма, не имел никаких шансов стать частью этого ближнего круга. И это стремление к «этнической чистоте» сейчас только усиливается. Сегодня в Казахстане есть только один министр, не принадлежащий к титульной нации: генерал-лейтенант КНБ Владимир Божко, назначенный министром по чрезвычайным ситуациям после моего ухода с этого поста в 2007 году. Ни один губернатор, ни один мэр, ни один прокурор области или

председатель областного суда, ни один руководящий работник Министерства внутренних дел или Налоговой полиции не принадлежат к иной, нетитульной национальности.

Однако, это не единственная причина, по которой президент отказался от назначения меня премьер-министром, вопреки его обещанию. Александр Павлов, русский, который занимал в то время пост вице-преьера, рассказал мне, что Назарбаев колебался между Даниалом Ахметовым, губернатором Павлодарской области, и мной. Он собрал совет из нескольких приближенных, заявив, что, если я стану премьер-министром, меня нужно будет ввести в курс «государственных тайн». Чтобы сделать выбор, написал обе наши фамилии. Жребий тянул он сам и его жена Сара. Оба раза выпало мое имя.

Несмотря на это, Назарбаев решил отказаться от моей кандидатуры. Помимо моего происхождения, он безусловно вспомнил о моей непокорности и неоднократных попытках помешать разграблению муниципальной или национальной собственности близкими президента. В июне 2003 года премьер-министром был назначен Даниал Ахметов. Я же после этого вечера у президента в ноябре 2002 года, оставался мэром еще течение еще двух лет, до декабря 2004 года, когда в моей жизни произошел новый поворот.

VI. Последние годы в Казахстане (2005–2007)

С начала 2004 года у меня складывались всё более и более напряженные отношения с президентом и некоторыми из его близких. Вот маленькая иллюстрация.

Катаясь на лыжах в Чимбулаке, в марте месяце, я повредил ногу. Я лежал дома в постели с разрывом связки на правом колене, когда мне позвонил президент:

– Виктор, тебе очень больно?

– Да, но я терплю. Это моя вина. Жена не хотела, чтобы я ехал кататься, а я ее не послушал.

Разумеется, это был всего лишь обмен любезностями, после которого президент перешел к делу: «Я здесь с Тимуром [Кулибаевым]. Ты должен ему отдать АПК⁵³». От этого предложения я лишился дара речи. Чтобы была понятна причина моего изумления, мне нужно вернуться к деятельности бельгийской компании Tractebel в Казахстане. Я уже рассказывал в главе IV, как эта компания появилась на рынке страны и в 1996 году купила АПК, официально за 5 миллионов долларов, но заплатив в десять раз больше в виде взяток «доверенным лицам», в то время как я был отодвинут от переговоров. Я смог только настоять, чтобы Tractebel взяла на себя обязательство инвестировать 630 миллионов долларов в модернизацию оборудования, но в конечном счете компания не выполнила этих условий, а лишь увеличила тарифы на электричество. Поэтому в 2000 году я направил президенту письмо, где предлагал расторгнуть контракт с Tractebel и вернуть АПК под юрисдикцию мэрии

⁵³ Аббревиатура Almaty Power Consolidated, предприятия, которое обеспечивает энергоснабжение Алматы. До приватизации в 1996 г. компания называлась Алматыэнерго.

Алматы. Президент был полностью согласен, но при условии, что я возьму Tractebel из городского бюджета 50 миллионов долларов, то есть ту самую сумму, которую компания выплатила в свое время приближенным президента. Разумеется, такого объяснения мне президент не дал. Я решил прикинуться простаком. Пришел к премьер-министру (это был уже Касым-Жомарт Токаев⁵⁴) и спросил его:

– Бельгийцы заплатили пять миллионов долларов, почему вы меня обязываете платить 50 миллионов?

– Не спорь, сказал он мне, – это вопрос решенный. Хочешь иметь АПК в коммунальной собственности – плати!

Для городского бюджета это был серьезный удар, поскольку у нас не было таких средств. Мне пришлось заняться сложными процедурами, чтобы получить банковские кредиты и заплатить Tractebel. Но как мэр я оказался в уязвимом положении. Меня неоднократно пытались финансово задуть, чтобы город не смог выплачивать кредиты и можно было бы завладеть АПК по низкой цене.

На момент моей беседы с президентом в марте 2004 года я только что добился реструктуризации долга благодаря немецко-ирландскому Derfa Bank, который согласился предоставить мэрии кредит в сумме 40 миллионов долларов. С моей точки зрения, если Тимур Кулибаев хотел завладеть АПК, ему нужно было по крайней мере возместить городу затраченные нами средства, чего зять президента не имел ни малейшего намерения делать.

Как всегда, президент принял решение, которое позволило ему выйти из деликатного положения. Он освободил меня от должности мэра Алматы 9 декабря 2004 года и назначил губернатором Восточно-Казахстанской области (об этом я расскажу позже). И как только я в большой спешке был туда отправлен, новый мэр, Имангали Тасмагамбетов, предложил преобразовать АПК. Так компания перешла в руки Тимура Кулибаева.

Этот конфликт с Тимуром наложился на множество других, о которых я уже говорил, вроде его попытки захватить аэропорт Алматы,

⁵⁴ Премьер-министр с октября 1999 по январь 2002 года.

реконструированный благодаря моим усилиям. Параллельно в ходе того же 2004 года у меня было весьма жесткое столкновение с Даригой. После неудачной попытки государственного переворота в 2001 году президент отправил ее супруга Рахата Алиева послом в Австрию⁵⁵, а Дарига стала жить на два дома, деля свое время между Австрией и Казахстаном, где она создала в 2003 году новую партию, «Асар» (Всемирно). Программа вновь созданной республиканской партии во главе которой стала Дарига, мало отличалась от политической программы самого Назарбаева. Зачем тогда нужно было создавать другую партию, отличную от правящей партии «Отан» (Свет отечества)? Был ли это отвлекающий маневр, одобренный самим президентом, чтобы создать таким образом иллюзию многопартийности? Или желанием Дариги иметь собственную политическую структуру? Во всяком случае, ни один губернатор не мог воспротивиться дочери президента, которая решила спешно создавать региональные отделения своей партии. Люди не понимали, на что ориентироваться: поддерживать президентскую партию «Отан» или партию Дариги «Асар». Но в этом и заключался манипуляторский талант Назарбаева, который часто уступал капризам своих чад и домочадцев, не выпуская из рук бразды правления. А пока искусственный успех партии «Асар» вскружил Дариге голову. Возрождались ее амбиции стать во главе страны.

За два или три месяца до парламентских выборов, назначенных на октябрь 2004 года, Дарига явилась ко мне, чтобы сделать абсурдное предложение. Нужно сказать, что город Алматы представлен в нижней палате парламента, Мажилесе, пятью депутатами. И вот Дарига потребовала, чтобы я в качестве мэра добился того, чтобы все пять депутатских мандатов получили кандидаты ее партии, Асар. Я ответил, что ничего не могу для нее сделать. Ей просто нужно так эффективно провести избирательную кампанию, чтобы убедить людей голосовать за ее кандидатов. Дарига хлопнула дверью и ушла не попрощавшись.

Я сообщил президенту о визите его дочери и ее пожеланиях. Вместо ответа он лишь вздохнул и признался мне, что находится в деликатной ситуации, так как амбиции дочери переходят разумные пределы.

⁵⁵ См. главу V.

Действительно, глава президентской администрации Имангали Тасмагамбетов⁵⁶ регулярно собирал всех мэров, требуя, чтобы партия «Отан» получила в ходе выборов по меньшей мере 70% мандатов. В противном случае, грозил он, они могут быть признаны «профнепригодными».

Здесь нужно объяснить технологию, которую я использовал при работе с населением. Технология очень простая, отчасти унаследованная от советской эпохи, но приспособленная к новым обстоятельствам. Перед каждыми выборами, все равно, какими – парламентскими, президентскими или в местные представительные органы, я назначал ответственных за каждый квартал города, которые, в свою очередь, назначали ответственных за каждый дом, каждый подъезд, каждую квартиру. У этих людей были расчерченные таблицы, где каждая семья была обозначена клеточкой (мы их называли «шахматками»). Ответственные были знакомы с проблемами и нуждами каждой семьи в своем секторе. Перед выборами мы помогали людям: кому приносили продукты питания, кому помогали с внеочередным ремонтом или решением иных вопросов, а взамен они голосовали так, как их просили. Выработанная годами система не давала сбоев. Избиратели пользовались оказанной помощью и верили в справедливость. Разумеется, в отличие от советской эпохи, те, кто не хотели голосовать за нужных кандидатов, не подвергались санкциям, но таких людей всегда было немного: для большинства небольшие материальные выгоды были достаточны для того, чтобы голосовать «как надо». В связи с этим не было необходимости искажать результаты голосования на проведенных выборах.

В других регионах повсеместно возникали скандальные ситуации. Власти на местах прибегали к искажению результатов голосования. Часто использовалась следующая безотказная технология. Гражданину Икс давали уже заполненный бюллетень, он шел на участок, получал там чистый избирательный бюллетень, а в урну опускал заполненный. Затем он приносил ответственному чистый бюллетень, который тот заполнял и давал следующему, гражданину Игрек, и так далее. Эта система

⁵⁶ Он занимал этот пост до декабря 2004 года, перед тем как стать моим преемником на посту мэра Алматы.

называлась «удавкой». Широко применялся и метод под кодовым названием «карусель». Как правило, на автобусах привозили большую группу «избирателей», которые включались в дополнительный список и все, как один, голосовали за нужного кандидата. Затем теми же автобусами, эти «избиратели» перевозились на следующий участок и вновь голосовали за того же кандидата, что и обеспечивало ему безоговорочную победу.

В отдельных регионах устраивали даже погромы на избирательных участках с целью признания выборов недействительными. Так было в Атырау в бытность там губернатора Имангали Тасмагамбетова. На выборах 1999 года кандидат в депутаты от оппозиции Газиз Алдамжаров явно побеждал своих конкурентов. Чтобы не допустить избрания оппозиционера в парламент, группы молодчиков ворвались на ряд участков, избili членов комиссий, опрокинули и разбили урны, сорвали пломбы и скрылись. Центризбирком Казахстана признал выборы на этих участках несостоявшимися. Оппозиционер был выбит из борьбы. Нападавших, за исключением нескольких человек, не нашли, а тех, кто попался, объявили просто хулиганами.

Одним словом, я не воспользовался «административным ресурсом», чтобы воздействовать на избирателей в пользу Дариги. И результаты не были для нее обнадеживающими: из пяти мандатов три были получены членами партии «Отан», еще один – кандидатом от пропрезидентской Гражданской партии, и только один – кандидатом «Асар». Дарига была в бешенстве. После выборов вся большая президентская семья собралась, чтобы отпраздновать победу. И там, в узком кругу, Дарига заявила, как мне донесли, что я саботировал ее проект и она мне этого не простит. Один из присутствовавших на этом праздновании не смог удержаться от вопроса:

– Кто же в конце концов выиграл выборы? Партия «Отан»? Но это значит, что твой папа выиграл! Так что Храпунов очень хорошо поработал на благо президента.

– Неважно, на кого он работал, ответила Дарига. Для меня он отныне политический враг номер один.

Губернатор Восточного Казахстана

Вечером 8 декабря 2000 года президент мне позвонил:

– Привет, Виктор.

– Добрый вечер, Нурсултан Абишевич.

– Что ты скажешь, если я тебе предложу новое назначение?

– Я бы хотел остаться на своем посту. Вы хорошо знаете, что я получил большие кредиты от Derfa Bank – около 8 миллиардов долларов. Сейчас я их инвестирую в строительство метро и модернизацию электросети Алматы. Не могли бы Вы дать мне время на продолжение этих проектов?

– Нет, ты мне нужен там на президентских выборах 2005 года. Восточный Казахстан – очень трудный регион, так что я тебя прошу поехать туда губернатором на год, хорошо провести выборы, а затем будешь работать со мной в Астане.

– Могу ли я остаться на своем посту по крайней мере до конца года?

– Нет, не можешь. Завтра утром я буду у тебя в Алматы, встретить меня в аэропорту.

На следующий день я встретил его в аэропорту. По дороге он мне сказал извиняющимся тоном: «Виктор, положение на востоке страны очень сложное. Ты знаешь, что губернатор там человек слабый, он завалит выборы, мне нужен сильный человек, чтобы изменить расклад».

Ситуация действительно требовала кризисного менеджера, который смог бы возродить Восточный Казахстан. Но, как я показал выше, мое назначение было на руку Дариге и Тимуру Кулибаеву, которые хотели избавиться от меня и назначить в Алматы своего человека. Однако я полагаю, что в то время президент меня еще очень ценил. Во всяком случае, в тот день он мне сказал: «Виктор, ты – мой друг и верный соратник. Ты никогда мне не делал гадостей, я полностью тебе доверяю».

Ты тяжеловес в политике, и я тебе благодарен за работу в Алматы. Но ты единственный, кто может урегулировать проблемы на Востоке».

О каких проблемах говорил президент? Во-первых, промышленные города этого региона и по сей день населены большей частью русскими. Например, самый крупный город региона, Усть-Каменогорск, к моменту моего назначения насчитывал 316 тысяч жителей, 76% которых были русскоязычными. А в некоторых городах поменьше, таких как Риддер⁵⁷, доля русскоязычных была еще выше: из 55 тысяч жителей лишь 10% были казахами, а 85% – русскими. Естественно, русскоязычное население приняло в штыки переход всего делопроизводства в администрации на казахский язык. Эта мера была подсказана президенту так называемыми демократами, а на деле чистой воды националистами. Отрицательно воспринималось и то, что все сотрудники служб поддержания порядка и судебной системы были казахами. Уточню, что казахский язык принадлежит к тюркской группе и не имеет абсолютно ничего общего с русским – славянским языком из индоевропейской семьи. Для русского так же трудно выучить казахский язык, как турецкий или финский. Что оставалось делать людям, которые не знали казахского языка? Уехать в Россию, где многие из них никогда не жили и где никто их не ждал?

Во-вторых, экономическое положение области было нерадостным. Многие города и поселки были построены вокруг одного завода или комбината, который обеспечивал работой практически все население. Но многие заводы были остановлены, и от этого пострадали в первую очередь моногорода. У людей не было ни работы, ни зарплаты. В течение нескольких лет, с 1997 по 2003 год, губернатором Восточного Казахстана был Виталий Метте, управленец высокого уровня, который пользовался превосходной репутацией. Но он вступил в конфликт с Назарбаевым и был отстранен от должности. Его сменил Талгатбек Абайдильдин, гораздо более слабый политический деятель, из которого вили веревки его собственные заместители. За несколько месяцев он завязал тесные связи с мафией, дойдя до того, что предложил известному бандиту должность начальника администрации. Словом, это было царство коррупции и

⁵⁷ Город носит имя русского инженера Филиппа Риддера, открывшего там ряд месторождений полезных ископаемых.

грязных сделок, что вызывало возмущение населения. Было очевидно, что Абайдильдин, выражаясь словами президента, «завалит» предстоящие выборы.

Но почему такая срочность? Почему мне нужно было немедленно приступить к новой должности? Как я понял гораздо позже, помимо дела АПК, президент, вероятно, опасался возможности у нас «цветной революции». Для него была невыносима идея, что в момент президентских выборов ему придется столкнуться с массовыми протестами и требованиями прихода к власти кандидата из народа. Первая революция такого типа на постсоветском пространстве, «революция роз», которая произошла в ноябре 2003 года в Грузии, не особенно напугала Назарбаева, так как речь шла о маленькой стране, вышедшей из длительной гражданской войны. Однако с конца ноября 2004 года этот катастрофический для авторитарного режима сценарий начал повторяться на Украине, где «оранжевая революция» мобилизовала сотни тысяч граждан в Киеве и повсюду в стране. Думаю, что он решил действовать на опережение, чтобы избежать такого развития событий.

Мне пришлось оставить Лейлу с нашим малышом в Алматы (позднее она переехала ко мне в Усть-Каменогорск) и вернуться в регион, где я провел детство. Конечно, я сожалел об этом поспешном отъезде из Южной столицы, но в то же время радовался, что мне снова довелось оказаться в этой совершенно замечательной, хотя и малоизвестной части Казахстана.

Этот край заслуживает особого рассказа. Восточный Казахстан, граничащий с Китаем и Россией, расположен в бассейне верховьев Иртыша. Площадь его равна 283 тысячи кв. км; там есть высокие горы, стремительные и глубокие реки, каньоны, очень красивые озера, источники с лечебными свойствами, альпийские луга, но также и тайга, и степи, и даже пустыня. Я не знаю, существует ли в мире другой такой регион, где было бы столько разнообразных и восхитительных пейзажей, такое множество природных заповедников. Это великолепие венчает самая высокая гора Алтая, двуглавая Белуха (4506 м).

Среди чудес Восточного Казахстана я особенно люблю озеро Маркаколь, которое по красоте нисколько не уступает Байкалу. Расположенное в

отрогах Алтайских гор, на высоте почти 1500 м, оно простирается на 35 км в длину и на 19 в ширину. Там насчитывается более 230 видов птиц, 50 видов животных и почти тысяча видов растений. Настоящее очарование!

В отличие от большей части Казахстана, с его враждебной человеку средой, Восточный Казахстан был населен еще с античных времен. Здесь с оглушительным шумом проходили орды кочевников, направлявшихся из Монголии и Южной Сибири к Волге и дальше к Черному, Каспийскому и Средиземному морям. Эту область множество раз пересекали армии Чингиз-Хана и Тамерлана. Караваны с экзотическими товарами проходили здесь северную ветвь Великого шелкового пути.

Господь наделил Восточный Казахстан не только исключительной природой, но также и сокровищами недр. Этот регион особенно знаменит своими месторождениями цветных металлов, таких как медь, свинец, цинк, серебро и другие минералы, а также золотыми рудниками. Эту гористую область часто называют «Рудным Алтаем», обилие минералов окрашивает здешние горы и скалы в поразительные цвета, как если бы вы оказались в волшебной сказке...

Действительность, в которую я погрузился, была, увы, куда менее фееричной. Нужно было поставить регион на ноги, начиная с замены некоторого числа продажных чиновников, и сформировать свою собственную команду. Сюда Дарига Назарбаева также пыталась ввести своего человека, чтобы лучше контролировать то, что я собирался предпринять. Как только я получил это назначение, она потребовала, чтобы я взял в качестве своего первого заместителя инспектора президентской администрации Адылгазы Бергенева. Побеседовав с ним во время поездки в Астану, я навел затем о нем справки в МВД: это нормальная процедура при назначении на ответственные госдолжности. Меня быстро проинформировали о его связях с преступным миром и участии в коррупционных схемах, отсоветовав от сотрудничества с ним, что я и объяснил дочери президента. Для Дариги это стало еще одним поводом меня ненавидеть! Позднее она вынудила моего преемника взять Бергенева... а затем уступить ему кресло губернатора области (на этом посту он продержался десять месяцев, в 2008–2009 годах, и был уволен в связи с плохой работой).

Но вернемся к моей работе. Поставленная передо мной в Восточном Казахстане задача была тяжелой. Несмотря на шахты и заводы, производившие 20% всей промышленной продукции страны, эта прекрасная область занимала последнее в Казахстане место по уровню развития. Это было в первую очередь связано с тяжелым положением в сельскохозяйственном секторе и пищевой промышленности, а также с почти полным отсутствием малых и средних предприятий. А большую часть доходных предприятий Восточного Казахстана контролировала семья президента: это и предприятия, принадлежащие Казцинку и Казахмысу (гигантские холдинги по добыче и переработке цветных металлов), и Усть-Каменогорский титано-магниевого комбинат (УКТМК), и цементные заводы Бухтармы и Семей, и золотодобывающие компании, и так далее. Такой расклад сокращал поле моей деятельности, но, с другой стороны, я находился далеко от бюрократического аппарата столицы и мог планировать и проводить реформы на региональном уровне, не слишком беспокоясь о злонамеренных интригах.

За короткий срок я сумел инвестировать значительные средства в энергетический сектор, чтобы улучшить электроснабжение, разработал генеральные планы развития городов, упростил процедуру создания малых предприятий, внес вклад в возрождение продовольственного сектора, разработал программы строительства муниципального жилья, восстановил транспортные потоки. Буквально за год мой регион перешел с последнего места в республике на третье, а годом позже уже занял второе место.

Моя повседневная работа была нелегкой: на мне лежала ответственность за обширный регион с тяжелым климатом и трудным рельефом, постоянно подвергающийся стихийным бедствиям. Вот один из примеров ситуации, с которой мне пришлось столкнуться. В начале октября 2006 года я поехал в Уральск⁵⁸ для участия в Форуме глав государств и губернаторов областей, расположенных вдоль российско-казахстанской границы, которая тянется на 7500 км. Там была запланирована очень важная встреча между Нурсултаном Назарбаевым и Владимиром Путиным с подписанием более десятка крупных межправительственных

⁵⁸ Административный центр Западного Казахстана.

соглашений, в частности по газовому сектору. Предусматривалось также подписание ряда соглашений между российскими и казахстанскими пограничными регионами. Фактически 70% товарооборота между Россией и Казахстаном приходилось на эти регионы. Ярмарка, организованная российскими и казахстанскими предприятиями во время Форума – где моя область была очень хорошо представлена, – еще больше стимулировала региональную промышленность. На региональном уровне мы также осуществляли проекты по охране окружающей среды и боролись с контрабандой, торговлей наркотиками, нелегальной миграцией и организованной преступностью.

Назарбаев сумел сыграть на чувствительной струне российского коллеги: в своей речи, глядя в глаза Владимиру Путину, он заявил, что 2006 год в Казахстане – это год великого русского поэта Александра Пушкина. Конечно, в значительной степени он пускал пыль в глаза, поскольку после провозглашения независимости русская литература отступила на задний план по сравнению с казахской и литературами тюркских народов. Но чего не сделаешь во имя пресловутого казахского гостеприимства.

В тот день я очень поздно вернулся и тут же лег спать. На рассвете меня разбудил телефонный звонок. Мне сообщили, что лесной пожар, который разразился в одном из природных заповедников, разрушил целую деревню, Беген, есть жертвы. Я сел в вертолет и отправился на место катастрофы. Полет длился три часа, тем временем пошел снег. Когда мы приземлились, я увидел словно бы кадр из фильма о Второй мировой войне: на месте деревни остались лишь русские печи с обугленными трубами. Всего сгорело 92 жилых дома, два административных здания и примерно 600 различных хозяйственных построек (гаражи, загоны для скота, сараи). Остовы тракторов и комбайнов, обугленные скелеты животных и людей. Сцена ужаса! Люди, спрятавшиеся в глубоких подвалах, остались в живых. Напротив, некоторые из тех, кто пытался бежать от огня, погибли, другие сильно обгорели.

Что же случилось? Изначально пожар возник в сосновом бору, который был частью природного заповедника, и огонь распространился по деревьям с невероятной скоростью – 100 км в час; он продвигался быстрее, чем автомобиль. А когда ветер вдруг резко переменялся,

деревня Беген, расположенная в непосредственной близости от леса, была полностью уничтожена.

Я отдал распоряжение собрать всех жителей сгоревшей деревни, примерно 500 человек, в клубе райцентра. Все плакали и кричали. Я вышел на сцену и более трех часов говорил с людьми. Затем мы составили список жертв и пострадавших от пожара. Я обещал предоставить новое жилье всем, кто остался без крыши над головой. Для начала мы привезли людям одежду, палатки, еду – словом, самое необходимое. Разумеется, я доложил об этом бедствии президенту и попросил 380 миллионов тенге, то есть около 3 миллионов долларов, для ликвидации последствий пожара. Но получил лишь половину требуемой суммы. Как выполнить свои обещания со столь скудным бюджетом? В конце концов я решил устроить всех выживших в катастрофе в городе Семее, где были два недостроенных и заброшенных здания. Я смог с подручными средствами завершить строительство и даже снабдить каждую семью необходимой для жизни мебелью, холодильником и кухонной плитой. В этих двух зданиях я разместил всех пострадавших. Это был настоящий праздник. Люди плакали, на этот раз от радости, и все хотели пригласить меня к себе в гости... Кроме того, каждой семье, которая потеряла в пожаре близкого человека, мы выплатили по миллиону тенге. Это небольшие деньги, но такой жест был все-таки очень важен для моральной поддержки людей. Разумеется, часть расходов взял на себя региональный бюджет.

Президентские выборы 2005 года и охота на оппозиционеров

Как я уже говорил, Назарбаев рассчитывал на меня, чтобы улучшить экономическое положение Восточного Казахстана и обеспечить ему хорошие результаты на президентских выборах. Выборы состоялись через год после моего назначения, 4 декабря 2005 года. Я был вполне удовлетворен их результатами: более 60% городских жителей моего региона реально проголосовали за Назарбаева. Таким образом, пусть и косвенно, они одобрили мою работу и признали, что их жизнь слегка улучшилась. Другой вопрос, что официальные результаты были куда более победными: согласно этим результатам, полученным за счет сельской

глубинки и подтасовок, президент получил в Восточном Казахстане почти 90% голосов, как и в других регионах. А у городских жителей начало расти гражданское самосознание.

Массовая подтасовка результатов выборов вызвала отрицательную реакцию со стороны ОБСЕ, Госдепартамента США и Евросоюза. Критики указывали на аресты оппозиционеров, конфискацию множества оппозиционных газет, давление на студентов, чиновников и военных с целью заставить их «голосовать правильно»; запугивание наблюдателей, непрозрачность электронной системы подсчета голосов, а также избирательные «карусели» и другие виды фальсификации.

На Западе часто задают вопрос: зачем Назарбаеву понадобилось фальсифицировать результаты? Разве недостаточно было выиграть с 60 или 70% голосов в первом туре? Ведь «полный одобрямс» бывает только в диктаторских режимах. Те, кто задает подобные вопросы, не принимают в расчет назарбаевский менталитет. На протяжении многих лет он работал над созданием настоящего культа личности, что отразилось в его титулах Первого президента и Лидера нации. Согласно его логике, общей для всех диктаторов, неоспоримый лидер должен пользоваться абсолютной, безусловной поддержкой населения. Заметим, что в ходе следующих президентских выборов, в 2011 году, Назарбаев получил уже совершенно фантастический результат – 95,5 %, что наглядно демонстрирует пагубную эволюцию его режима.

Теперь я хотел бы вернуться к атмосфере, которая царила в стране до и после этих президентских выборов, и в частности рассказать о своем бывшем шефе Заманбеке Нуркадилове, главе столичной администрации между 1985 и 1994 годами. В 2001 году он был назначен на пост руководителя Агентства по чрезвычайным ситуациям (впоследствии преобразованного в министерство), а затем внезапно уволен в апреле 2004 года. По какой причине? Перейдя в оппозицию, он создал Общественную комиссию для расследования деятельности Назарбаева. Туда вошли многие оппозиционеры из ДВК («Демократический выбор Казахстана»)⁵⁹, Коммунистической партии и Ассоциации пенсионеров

⁵⁹ Это общественное движение, трансформированное затем в партию, было создано в 2001 году, а в январе 2005 году запрещено.

«Поколение». К тому же во время своего первого митинга, 10 апреля 2004 года, Нуркадилов потребовал немедленного освобождения лидера ДВК Галымжана Жакиянова, находящегося в заключении с 2002 года. Нуркадилов открыто обвинил президента в том, что тот установил в Казахстане феодальную систему и растратил природные ресурсы страны. Он призвал депутатов парламента объявить Назарбаеву импичмент и даже подал жалобу в окружной суд Алматы, требуя осудить президента за его тесную связь с американским бизнесменом Джеймсом Гиффеном, центральной фигурой «Казахгейта»⁶⁰.

Назарбаев сразу причислил меня к стану оппозиционеров. Мне позвонил Темирхан Досмухамбетов, который в то время был управляющим делами президента. Он с криком начал меня обвинять: «Ты что, ушел в оппозицию, поддержал Нуркадилова!» В тот момент я находился на лечении за границей и был удивлен звонком. «Откуда у тебя такая информация?» Досмухамбетов ответил, что получил эту информацию лично от президента. Что в дальнейшем стало причиной изменения отношения ко мне, до сих пор остается тайной. Чьи это были происки? Дариги, Тасмагамбетова или спецслужб?

Но вернемся к Нуркадилову, который был одним из последних высокопоставленных чиновников казахстанского государства, оставшихся во власти с советских времен. В то время я задавал себе вопрос, что побудило этого шестидесятилетнего человека, считавшегося верным сторонником Назарбаева, перейти к яростным нападкам на президента. Известно, что руководство Агентством по чрезвычайным ситуациям было должностью, предшествующей концу карьеры. Чувствовал ли он, что скоро будет вытеснен из политики? Или, попросту говоря, чаша его терпения переполнилась? Сегодня, на основании собственного опыта, я склоняюсь ко второй гипотезе. Так или иначе, в течение многих месяцев, в 2004 и первой половине 2005 года, он продолжал борьбу с режимом. Все ждали, что он выдвинет свою кандидатуру на президентских выборах, но, ко всеобщему удивлению, он этого не сделал. В интервью 2008 года⁶¹ его вдова Макпал Жунусова рассказывает, что за несколько месяцев до

⁶⁰ См. главу V.

⁶¹ См.: <http://www.inkar.info/index.php?id=1776>

трагической смерти он получал угрозы и предупреждения. По ее мнению, это, возможно, побудило его к осторожности. Но, даже не будучи кандидатом, он оставался опасным для режима. После неизбежной победы Назарбаева он мог бы встать во главе протестного движения. Меньше чем за месяц до выборов, 12 ноября 2005 года, Нуркадилов был найден мертвым в собственном доме: три пулевых ранения, два в область сердца и одно в голову. В официальной версии говорилось о самоубийстве. Разумеется, этому никто не поверил. Ни один криминалист не подписался бы под такой версией. К тому же его вдова упоминает в интервью, что, прежде чем убить, его явно сначала избили. Все его архивы были немедленно конфискованы, а те, что он из предосторожности отвез в Германию, так и не были найдены. Нельзя утверждать, что президент лично дал приказ убить Нуркадилова, но при авторитарном режиме секретные службы всегда готовы выполнить даже невысказанные пожелания правителя.

Важно все же отметить, что когда я еще был мэром Алматы, мне позвонил Болат Утемуратов, в то время управделами президента, и передал просьбу Назарбаева встретиться с Нуркадиловым и переговорить с ним. Встреча состоялась в доме Нуркадилова. После длительного разговора Заманбек Нуркадилов сказал, что оголтело на президента он нападать не будет, но из оппозиции не уйдет. Далее по поручению президента было организовано через помощника Нуркадилова, Ермека, ограбление дома его шефа. В СМИ вбросили информацию, что из сейфа было похищено около миллиона долларов. Средства массовой информации, находящиеся под контролем Назарбаева, подняли шум: откуда у чиновника в сейфе такие большие деньги? Началась травля Нуркадилова, но он не дрогнул, а только закусил удила и с новой силой обрушился на Назарбаева. Мне вновь позвонил Утемуратов и сказал, чтобы я больше не вступал в контакт с Нуркадиловым, так как президент приказал с Нуркадиловым кончать! Я спросил Утемуратова, что значит кончать? Он многозначительно ответил: «Будем кончать». Спустя полгода его слова нашли подтверждение. Власть в лице нового мэра города Алматы Тасмагамбетова, выразившего от имени президента «истинную» скорбь, приняла участие в похоронах, упредив тем самым взрыв гнева оппозиции. Такова была одна из уловок хитрого лиса Назарбаева.

Если тайна убийства Нуркадилова так и не была раскрыта и причастность к этому секретных служб остается лишь гипотезой, то в случае убийства другого бывшего соратника Назарбаева, ставшего помехой для режима, это установленный факт. Речь идет об Алтынбеке Сарсенбаеве, убитом в возрасте сорока трех лет. Министр печати и информации с 1990 года (до мая 2001), Сарсенбаев был одним из идеологов Назарбаева, которому он помог в осуществлении всё более жесткого контроля над СМИ: именно он способствовал Дариге в захвате в 1994 году едва оперившегося общественного телевидения, вытеснив мою жену Лейлу; он же выдвинул в 1998 году идею организации своего рода аукциона для перераспределения радио- и телевизионных частот, практически разрушив таким образом все независимые аудиовизуальные СМИ, так как они оказались не в состоянии платить непомерные суммы за право на существование. Известно, что Сарсенбаев, человек очень умный и тонкий, был автором стратегий, нацеленных на раздробление оппозиции и укрепление режима.

В 2001 году он по-прежнему оставался одним из верных президенту людей. Это он помог разоблачить заговор, который замышляла Дарига, втягивая в это своего мужа Рахата⁶². Но он забыл об осторожности, поддержав бунт ряда молодых министров, которые требовали сурового наказания для Рахата. Однако этот «предатель» был тогда по-прежнему женат на Дариге, дочери президента! Именно Дарига была идеологом смещения Назарбаева и захвата власти в РК. Вот так Сарсенбаев стал не только заклятым врагом Дариги, но также и подозрительной личностью в глазах президента, который совершенно не ценил личную инициативу своих подданных. В начале 2002 года он был внезапно уволен с поста секретаря Совета безопасности, который занимал всего несколько месяцев, и назначен послом в России, явно для того, чтобы удалить его из Казахстана. Медовый месяц между Сарсенбаевым и Назарбаевым закончился. Он покинул свой пост посла в ноябре 2003 года и в следующем месяце стал сопредседателем основанной за год до этого

⁶² См. главу V.

новой партии «Ак Жол»⁶³, которая позиционирует себя как «партия конструктивной оппозиции».

В июле 2004 года президент назначил Сарсенбаева министром информации, возможно надеясь вновь его приблизить. Но тот пробыл на этом посту всего два месяца. На законодательных выборах 19 сентября 2004 года его партия «Ак Жол» добилась достойного результата, обогнав даже партию Дариги, «Асар». В некоторых регионах она получила почти 30% голосов. Общий результат «Ак Жола» по стране оказался, однако, гораздо более скромным – 12%, из-за ряда регионов, где имели место массовые фальсификации, подтвержденные наблюдателями из Евросоюза. К тому же благодаря особенностям избирательной системы «Ак Жол» пришлось довольствоваться одним мандатом (против четырех у партии «Асар») в Мажилисе⁶⁴. В знак протеста против такого подлога Сарсенбаев уволился со своего министерского поста. Он обвинил Центризбирком в том, что тот утвердил результаты подтасовок в ходе голосования. Он также поднял голос против Дариги, публично заявив, что медиа-империя, находящаяся под ее контролем, включая информационное агентство «Хабар», глушила голоса оппозиции во время избирательной кампании. В связи с этим он и разоблачил мошенническую приватизацию Даригой общественного телевидения. Дарига была вынуждена защищаться. «Хабар» подал жалобу на клевету против Сарсенбаева и выиграл процесс: бывший министр был приговорен к штрафу в миллион тенге⁶⁵. Несмотря на приговор, его разоблачения нанесли удар по репутации Дариги. В Казахстане никто не наивен настолько, чтобы верить в независимость правосудия, когда речь идет о приговоре врагу дочери президента.

В начале 2005 года партия «Ак Жол», которой руководил Сарсенбаев и еще пять сопредседателей, раскололась. Самые радикальные элементы, в том числе Сарсенбаев, создали новую партию, «Настоящий Ак Жол», которая так и не была официально зарегистрирована. С «конструктивной оппозицией» было покончено. Новая партия призывала к борьбе с

⁶³ В переводе «Светлый путь».

⁶⁴ Всего в Мажилисе 107 депутатов.

⁶⁵ Около 7 тысяч долларов.

произволом и автократией. Словом, Сарсенбаев становился все более и более опасным для клана Назарбаева.

Трагедия разыгралась 13 февраля 2006 года, вскоре после инаугурации президента, переизбранного на новый срок. В Алматинской области были обнаружены тела Сарсенбаева, его шофера и телохранителя. Их вывезли за город и убили выстрелами в упор. Средства массовой информации быстро выяснили, что убийства были выполнены специальным подразделением КНБ. Председатель КНБ Нартай Дутбаев подал в отставку⁶⁶. Под давлением оппозиции, которая занялась этим делом, бойцы элитного подразделения «Арыстан», принимавшие участие в расстреле оппозиционера и его двух соратников, были отданы под суд и приговорены к суровому наказанию. Руководитель аппарата Сената Ержан Утембаев признал, что он заказал это убийство «по личным причинам» (Сарсенбаев в своих публикациях обвинял его в алкоголизме), и был приговорен к двадцати годам тюремного заключения. Многие оппозиционеры полагают, что Утембаев был лишь «винтиком» этой машины, что и объясняет сверхкомфортабельные условия его содержания в тюрьме.

Остается извечный вопрос: кому выгодно преступление? Бывший муж Дариги Рахат Алиев дает ответ на этот вопрос в своей книге «Крестный тень» (2009 год), запрещенной в Казахстане. Это наиболее сенсационное разоблачение. По утверждению Алиева, в начале 2006 года Нурсултан Назарбаев, находившийся в отпуске в Клагенфурте (Австрия), вызвал к себе одного из своих доверенных лиц, спикера парламента Нуртая Абыкаева, и дал ему приказ ликвидировать Сарсенбаева. Алиев 23 мая 2011 г. подтвердил эти обвинения в публичном заявлении, уточнив, что располагает доказательствами. Он даже подал жалобу в суд Клагенфурта. Рано или поздно правда выйдет на свет.

⁶⁶ Он стал директором Академии КНБ, затем советником президента Казахстана.

Министр по чрезвычайным ситуациям

Убийства в течение нескольких месяцев двоих высокопоставленных чиновников режима, ставших оппозиционерами, Нуркадилова и Сарсенбаева, потрясли весь политический класс и государственный аппарат. Подобные знаки не обманывают: режим вступил в новую фазу, более репрессивную и параноидальную. В конце концов, такова неумолимая логика развития всех авторитарных режимов. Поэтому я был скорее доволен тем, что нахожусь вдали от центра власти, в моем регионе, и тружусь на благо населения. Это меня всегда утешало: я люблю контакты с людьми, люблю чувствовать себя полезным, люблю, когда всё движется. И у меня были большие планы для региона.

Однако спокойствие, которому я радовался, оказалось призрачным. В июне 2006 года я получил тревожный сигнал. Назарбаев имел привычку раз в год приезжать в свою резиденцию, находящуюся на берегу огромного искусственного Бухтарминского озера, для принятия омолаживающих ванн⁶⁷. В июне 2005 года я впервые принимал президента как руководитель области, и он остался доволен приемом.

19 июня 2006 года Назарбаев должен был вновь приехать на восток Казахстана. Я всё подготовил к встрече президента, но в последний момент руководитель его администрации объявил мне, что визит отменен. Очень удивившись, я позвонил Назарбаеву, но в приемной мне ответили, что президента нет на рабочем месте, он выехал из резиденции. Тогда я позвонил знакомому в президентскую службу охраны, чтобы узнать, кого Назарбаев видел в тот день. Тот мне сказал: «Он обедал с Имангали Тасмагамбетовым, беседовали четыре часа». И добавил: «Только я Вам ничего не говорил». Я тут же позвонил руководителю президентской администрации:

– Вроде бы президент виделся за обедом с Тасмагамбетовым.

⁶⁷ См. главу IV.

– С чего ты взял?

– У меня свои источники.

– Ну да, он с ним обедал, но я тебе ничего не говорил, хорошо?

Много позже я узнал, что Тасмагамбетов восстановил против меня президента, напомнив ему историю пятнадцатилетней давности: я помешал тогда казахским скватурам захватить квартиры, предназначенные для русских рабочих, из-за чего тот же Тасмагамбетов обвинил меня в русском национализме⁶⁸. Это обвинение наложилось на подрывную работу, проводимую дочерью президента. В момент моего назначения на пост губернатора канал КТК, принадлежащий Дариге, показал направленную против меня хронику. Меня как русского обвиняли в том, что я допускаю в Усть-Каменогорске наличие вывесок и наружной рекламы только на русском языке, вопреки закону об обязательном использовании обоих языков. Но я смог легко опровергнуть эти обвинения. Меня назначили губернатором в разгар зимы, когда в области было от 30 до 40 градусов мороза и лежали двухметровые снежные сугробы, и хроника была показан 14 декабря, в разгар этой самой зимы. А в фильме дождь лил как из ведра! Очевидно, что этот сюжет был снят заранее, еще до моего назначения. Поистине прав Юрий Бондарев, знаменитый русский писатель советского периода, написавший в своей книге «Выбор»: «Никто не знает, зачем людям нужна правда, но все знают, зачем ложь».

Работать в такой атмосфере становилось все труднее. Я решил по собственной воле удалиться от общественной жизни, так как предчувствовал, что на меня готовится атака. По случаю поездки в Астану я написал 3 сентября 2006 года заявление об отставке и передал его в секретариат президента. В ожидании ответа я остался в приемной. Полчаса спустя вышел его секретарь и сказал: «Вам приказано разорвать Ваше письмо и бросить его в урну». Я вернулся в Усть-Каменогорск ни с чем.

⁶⁸ См. главу III.

Прошло несколько месяцев. После новогодних праздников, 7 января 2007 года, меня вызвал в Астану секретарь Совета безопасности Марат Тажин. В ходе рабочего совещания Совета он приветствовал мою деятельность в Восточном Казахстане и посоветовал губернаторам всех областей следовать моему примеру. Внезапно зазвонил телефон: «Президент срочно ищет Храпунова». Я немедленно связался с ним по телефону. И тут он застал меня врасплох:

– Извини, Виктор, я обещал только год держать тебя в Восточном Казахстане и после выборов тебя приблизить, но ты уже два года там находишься.

– Это меня не беспокоит, Нурсултан Абишевич, я хотел бы еще остаться в моей нынешней должности и вывести регион на первое место в Казахстане. Для этого мне нужно еще два или три года.

– Нет, Виктор, ты мне нужен в Астане, я хочу тебе поручить Министерство по чрезвычайным ситуациям, чтобы ты его модернизировал, как это сделал Сергей Шойгу⁶⁹ в России.

– Но это министерство мне не подходит. Это министерство военного типа, с собственными вооруженными силами, а я всегда был гражданским лицом.

– Это неважно.

Тогда я был вынужден честно ему сказать:

– Я хотел бы кое-что Вам напомнить. Когда Вы создали Агентство по чрезвычайным ситуациям, кто стал во главе? Бывший мэр Алматы, Нуркадилов. Где теперь Нуркадилов? После отставки он был убит! Затем Вы преобразовали агентство в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Кого вы поставили во главе этого министерства? Бывшего мэра Алматы Шалбая Кулмаханова. А теперь, если я правильно понимаю, Вы его уволите. Я тоже был мэром Алматы. Почему Вы мне предлагаете этот пост? Это дверь на выход? Я не хочу такой участи. Я предпочитаю остаться в Восточном Казахстане.

⁶⁹ Министр по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации с 1994 по 2012 год. Сейчас министр обороны.

Президент сделал вид, что удивлен:

– Что у тебя за странные мысли! У меня такого в голове нет...

Я вернулся к себе, не приняв новой должности. Через несколько дней мне позвонил крупный банкир Мухтар Аблязов:

– Я был приглашен в резиденцию президента в Чимбулаке. Там был и Тасмагамбетов. Меня очень тепло приняли, и мы много говорили о Вас, только хорошее.

– Я в курсе. Президент хочет сделать меня главой Министерства по чрезвычайным ситуациям.

– Я не уверен. Может, это министерство, а может, что-то другое. Будьте готовы.

Сразу после него мне позвонил президент: «Ты принял решение перейти в Министерство по чрезвычайным ситуациям?» И он стал мне описывать ситуацию: «На огромной территории нашей страны нужно решить много проблем, а министерство стоит на месте. Нужно активизировать его работу, сделать его таким же эффективным, как в России». Чтобы меня убедить, он выложил козырную карту, предложив мне программу госпомощи, то есть большой бюджет. Я попытался сопротивляться:

– Поскольку Вы меня послали на восток, могу ли я там остаться?

– Конечно, можешь. Но я хочу, чтобы ты был здесь, рядом со мной.

– Могу ли я обсудить Ваше предложение с женой?

Тогда Назарбаев рассказал мне байку:

Сталин приглашает второго секретаря обкома партии Ленинградской области и говорит ему: «Мы решили сделать Вас первым секретарем КПСС Хабаровского края». Второй секретарь обкома партии отвечает: «Могу ли я обсудить Ваше предложение с женой?» Сталин отвечает: «Конечно. Жду Вас завтра утром». На следующий день второй секретарь возвращается. Сталин спрашивает: «Вы обсудили с женой?» – «Да». – «Хорошо. Мы тоже здесь это обсудили и приняли решение не отправлять Вас на Дальний

Восток». – «Спасибо, Иосиф Виссарионович». – «Но с этого дня Вы больше не второй секретарь Ленинградского обкома. Вы свободны».

И не ожидая моей реакции, Назарбаев расхохотался.

– Понял Вас, Нурсултан Абишевич. Спасибо за хорошую историю.

– Позвоню тебе завтра в одиннадцать часов.

На следующий день мне позвонил только что назначенный премьер-министр Карим Масимов. После нескольких вежливых фраз я попросил его перейти к существу дела, и он заявил:

– Вам надо принять министерство.

– Кто-то хочет получить мой пост в Восточном Казахстане?

– Нет, нам нужно модернизировать министерство. Вы один в состоянии это сделать. Президент Вам гарантирует поддержку государства. В Вашем распоряжении будут значительные средства. Всё пойдет как по маслу. Вы проведете реформы, как считаете нужным. Я лично прошу Вас согласиться. Я Вам гарантирую, что не существует никакой угрозы Вашей личной безопасности. Вы останетесь живым и здоровым.

Я здесь привожу краткий итог долгого и очень лестного для меня разговора. В конце концов его доводы вкупе с моим самолюбием заставили меня принять это предложение:

– Если президент и государство настолько во мне нуждаются, я даю согласие.

Через две минуты мне позвонил президент:

– Я ничего другого от тебя не ожидал. Я немедленно подпишу указ о твоём новом назначении и жду тебя в Астане.

На следующий день в Усть-Каменогорск прибыл премьер-министр в сопровождении нового губернатора Жаныбека Карибжанова, работавшего ранее в должности посла Казахстана в Китае и Вьетнаме. Почему меня нужно было удалить из Восточного Казахстана, когда я как раз выровнял экономическое положение в области и президентские выборы прошли

хорошо? Честно говоря, я думаю, что, как и на моих предыдущих постах, я представлял препятствие для алчности президентской семьи. Как я уже рассказывал, до моего назначения «семья» захватила большую часть промышленности в области, но оставалось еще много лакомых кусков, на которые они зарились. В начале 2000-х годов близ озера Зайсан были обнаружены огромные месторождения нефти и газа, а также битумных сланцев. Новый Клондайк! Я написал отчет президенту, представив ему программу изысканий и разработки этих месторождений. Но нет! Тимур Кулибаев и компании, которые он контролировал, поспешили наложить на них лапу. Такова была судьба и многих других инициатив развития, которые я предпринял.

Мне ничего не оставалось, как принять руководство Министерством по чрезвычайным ситуациям, которое занимается главным образом ликвидацией последствий стихийных бедствий и промышленных катастроф. Так я поселился в Астане, этой призрачной столице, где жизнь не особенно приятна. Но у меня не было времени расслабляться. Даже если новый пост на практике означал некоторое снижение моего статуса, я принялся за работу, чтобы выполнить свои обязательства. Как обычно, я мобилизовал всех сотрудников на создание серьезной программы, которая предполагала усиленное сотрудничество с рядом других министерств. В течение четырех месяцев мы работали с утра до вечера, даже в выходные и праздники.

Опираясь на опыт казахстанских и международных специалистов, мы подготовили сложную программу действий по предотвращению катастроф и ликвидации их последствий. В апреле 2007 года я представил свой 600-страничный проект в правительство. Премьер-министр его одобрил и написал президенту письмо, прося утвердить государственную поддержку этому проекту. В мае у меня была встреча с Назарбаевым, и я с гордостью положил перед ним программу, уже утвержденную правительством, чтобы он придал ей статус государственной, – это давало право на приоритетное финансирование. Но президент, не моргнув глазом, мне сказал:

– Я не стану утверждать твой проект. У нас уже есть 34 государственных программы, которые не выполняются. Зачем нам еще одна?

– Но Вы мне обещали, что это будет государственная программа, - настаивал я. – Ведь это в корне меняет дело. Без присвоения программе статуса государственной, я не смогу ничего сделать.

– Нет, ты этого не получишь, – вспылил президент. – Иди к премьер-министру, может быть, он согласится утвердить твой проект в качестве правительственной программы.

Я попытался объяснить, что статус правительственной программы – это слабое финансирование, но понял, что аудиенция закончена. Что я мог сделать? Я не осмеливался глядеть в глаза сотрудникам своего министерства, которые в течение многих месяцев не щадили сил, потому что им казалось, что мы востребованы. А сейчас? Меня толкали к неизбежному провалу...

Разумеется, я пошел предупредить премьер-министра. Карим Масимов попытался меня утешить:

– Не беспокойся, твой проект получит статус правительственной программы, я это сейчас же подпишу.

На этот раз я отказался. Месяц спустя я добился, чтобы Масимов отправил президенту новый запрос о том, чтобы моя программа получила статус государственной. Тщетно! Мне нужно было выпутываться с ограниченными ресурсами, которыми обладало мое министерство. В течение нескольких лет Назарбаев держал свою администрацию на скудном пайке, чтобы иметь дополнительные средства на свое детище – Астану.

За несколько месяцев нам все-таки удалось успешно предотвратить и ликвидировать несколько катастроф. Так, весной 2007 года я лично руководил операциями в связи с весенним разливом Сыр-Дарьи, этой огромной среднеазиатской реки, которая пересекает три страны – Узбекистан, Таджикистан и Казахстан, и впадает в «Малое Аральское море»⁷⁰. Каждый год разливы Сыр-Дарьи причиняют огромный ущерб югу

⁷⁰ Соленое озеро на территории Кызыл-Ординской области, которое представляет собой северную часть Аральского моря (остальная часть этого моря полностью высохла). С 2005 года благодаря строительству

Казахстана, но зима 2006–2007 годов была особенно суровой. Когда толстый слой льда, покрывавший Сыр-Дарью, растаял и затопил территории на сотни километров вокруг, нужно было срочно эвакуировать местное население и принять меры для ограничения последствий наводнения.

В июле 2007 года мне пришлось заняться политическими последствиями катастрофы, произошедшей на Украине. Направлявшийся в Польшу товарный поезд, в составе которого было 15 цистерн с желтым фосфором из Казахстана, 16 июля сошел с рельсов около Львова. Цистерны с этим высокотоксичным материалом загорелись, 42 местных полицейских и 15 спасателей МЧС Украины были ранены или отравились вредными парами во время тушения пожара. Дело вызвало огромный скандал: украинские власти обвинили Казахстан в том, что фосфор перевозился в слишком старых цистернах, которые не выдержали удара. Местное население вышло на манифестацию протеста по поводу угрозы массового отравления. Я провел сложные переговоры с участием украинских и российских властей, чтобы быстро урегулировать эту проблему, и предложив направить сюда наших опытных специалистов для устранения последствий аварии, но украинская сторона от помощи наших специалистов отказалась. В конце концов было решено вернуть поезд в Казахстан. На Украине состав должен был следовать по секретному маршруту, в обход крупных городов. Перед проходом поезда мимо вокзалов на двух параллельных путях ставили товарные поезда, чтобы «спрятать» его и избежать манифестаций. Мне удалось получить разрешение России на проезд этого состава по российской территории при условии, что российские эксперты осмотрят его на границе. Тяжелая история!

Но это был пустяк по сравнению с тем, что меня ожидало. Действительно, вскоре я столкнулся с новым испытанием. С космодрома Байконур 6 сентября 2007 года был совершен неудачный запуск российской ракеты «Протон-М», которая должна была вывести на орбиту японский спутник связи. Ракета упала в пятидесяти километрах к юго-западу от города

Кокаральской плотины длиной 13 км постепенно начинает восстанавливаться значительная часть Малого Арала, снижая мощность половодья.

Джезказган. По иронии судьбы, Назарбаев как раз находился в Джезказгане. Эта четырехступенчатая ракета высотой 57 м весит примерно 700 тонн. Для того чтобы определить размах аварии, нам нужно было облететь и осмотреть площадь в 1743 кв. км. Россияне увезли все найденные фрагменты ракеты и четыре раза дезактивировали почву. Однако наши специалисты обнаружили во многих местах недопустимую концентрацию горючего UDMH⁷¹, высокотоксичного и канцерогенного. Я потребовал, чтобы новые запуски «Протонов» с Байконура были приостановлены, до тех пор пока не будет проведена полная дезактивация и российская сторона не компенсирует ущерб в размере 9 миллиардов тенге⁷².

Эта история показала, как важно было моему министерству иметь в своем распоряжении собственные самолеты. Но неудачный запуск – это все-таки относительно исключительное событие. Гораздо чаще специально оборудованные самолеты нужны для тушения пожаров в лесных массивах. В преддверии лета я попросил у премьер-министра средства для закупки четырех российских самолетов БЕ-200. Это замечательные самолеты-амфибии, которые могут взлетать как с земли, так и с водной поверхности. Многие страны, в частности Испания, используют их для охраны водных массивов, экологических миссий и тушения пожаров. Разумеется, они могут также служить для перевозки необходимого оборудования, грузов и людей. Я хотел оснастить этими самолетами наши региональные представительства в Астане, Усть-Каменогорске, Семее и Петропавловске.

Премьер-министр немедленно предложил компромисс, пообещав мне средства для закупки двух самолетов, каждый из которых стоил 28 миллионов долларов. Тогда я заказал эти два самолета на Иркутском авиазаводе. Но вскоре, во время рабочего заседания правительства, премьер-министр объявил, что предусмотренные на покупку самолетов суммы будут использованы на «чрезвычайные нужды». Совершенно не понимая, что происходит, я попытался поговорить с ним после заседания.

– Что вы делаете? Вы дали согласие, я провел переговоры с Иркутским заводом, работа уже началась. Это безнравственно!

⁷¹ Английская аббревиатура несимметричного диметилгидразина.

⁷² Около 75 миллионов долларов.

Но Касим Масимов остался непоколебим:

– Нет, я не могу изменить решение. Речь идет о просьбе президента.

С каждым новым днем я чувствовал, как вокруг меня сжимаются тиски. В тот период рядом с президентом уже не осталось практически никого из тех, кто присутствовал при начале его политической карьеры, кроме Нуртая Абыкаева⁷³ и меня, а все остальные были уже новые для нас люди. Все мои соратники исчезли с политической сцены: уволены, впали в немилость, посажены в тюрьму или даже убиты. Во время рабочего заседания правительства я заметил премьер-министру: «Карим, в твоём правительстве я не на своем месте. Здесь один молодняк». Он мне ответил несколько загадочно: «Действительно, я полагаю, что Ваш нынешний пост ниже Ваших интеллектуальных способностей». Было ли это замечание искренним? Или он хотел задеть меня за живое? Я недостаточно хорошо его знал, чтобы разобраться.

Было ясно, что нужно уезжать. Президент не был заинтересован в том, чтобы сохранять в своем окружении людей, которые слишком много о нем знали. Лейла была того же мнения. Она мне даже заявила, что, если я не могу решиться, она уедет одна, чтобы жить рядом со своими детьми от первого брака, которые давно поселились в Швейцарии.

Обстоятельства вскоре побудили меня к действию. В сентябре 2007 года, во время визита в Алматы, президент заметил множество земельных участков, окруженных высокими заборами, которые уродовали город. Он попросил разъяснений.

Что же случилось? Когда цены на землю стали астрономическими, то есть, 100 кв. м земли стоили 250–280 тысяч долларов, мой преемник Имангали Тасмагамбетов принялся продавать земельные участки частным компаниям. Поскольку банки требовали гарантий мэрии, эти компании выплачивали ему «комиссионные» за каждый заём, который они получали на приобретение участков. Новые владельцы оградил свои участки, но многим в конце концов не удалось ничего построить, поскольку «пузырь» на рынке недвижимости внезапно лопнул, как и во многих других странах.

⁷³ См. главу II.

Когда президент увидел эти брошенные стройки, он обвинил нового мэра в плохом управлении. А тот не нашел ничего лучше, как перевести стрелки на меня. Поскольку именно я провел полную ревизию земельного кадастра в 2003 году после принятия нового Земельного кодекса. Мэрия выдала тогда заново документы о праве на собственность законным владельцам в соответствии с требованиями Земельного кодекса – по фактическому пользованию. Но казахстанское законодательство очень быстро менялось. Вскоре после этого был принят Водный кодекс, который требовал установить водоохранные зоны рек, протекающих по городу. Соответственно, изменился порядок землепользования в водоохраных зонах. Некоторые из наших сертификатов на собственность внезапно стали недействительными... Мною было дано поручение юридическому отделу мэрии передать такие дела в суд для приведения в соответствие с Водным кодексом.

К сожалению, я был в менее выгодной позиции, чем «фаворит» президента Тасмагамбетов. Я больше не имел доступа к документам, а Тасмагамбетов, располагая всеми документами, мог исказить информацию в своих интересах. Сотрудники президентской администрации звонили мне и говорили, что Тасмагамбетов попал в сложную ситуацию. Над его головой, мол, сгущаются тучи.

Для рассмотрения ситуации была создана специальная комиссия во главе с премьер-министром. Конечно, меня заверили, что расследование направлено против нового мэра, но я чувствовал себя истинной мишенью этой атаки. После первого рабочего заседания этой комиссии, членом которой был и я, в конце октября 2007 года, я написал президенту заявление об отставке по собственному желанию с должности министра по ЧС и письмо, в котором я поблагодарил его за то, что в течение двадцати лет он давал мне возможность участвовать в управлении отдельными отраслями промышленности и регионами моей родины. Я закончил свое письмо стихотворением русского поэта Ярослава Смелякова.

*История не терпит суесловья,
Трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,*

*Нельзя любить безумною любовью
И не любить без памяти нельзя!*

Я приложил к письму медицинскую справку о состоянии здоровья. Действительно, в результате развернутой Даригой и Тасмагамбетовым кампании против меня у меня поднялось давление и произошло значительное сужение сосудов головного мозга. Мне нужно было лечиться, лучше всего за границей, чтобы избежать серьезного сердечно-сосудистого заболевания.

В первые дни ноября меня вызвал президент и сказал:

- Не нервничай. Тебе нужно остаться здесь.
- У меня проблемы со здоровьем, Нурсултан Абишевич, мне нужно привести себя в форму.
- Выбирай любое министерство, любую область, я подпишу твое назначение.
- Я Вам уже сказал, что мне нужно прежде всего поправить здоровье.

Мы говорили в течение полутора часов, в конце концов он выложил истинную причину моей опалы: «Тебе действительно не повезло с родственником». Он намекал на Мухтара Аблязова, который тем временем стал моим сватом, поскольку наш сын Илияс только что женился на его дочери Мадине.

Банкир, ставший оппозиционером

История Мухтара Аблязова заслуживает отдельного рассказа. Я познакомился с ним в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда появились первые кооперативы. Аблязову тогда не было и тридцати. Физик по образованию, он закончил очень престижный московский институт МИФИ. Человек с математическим складом ума, он увлекался шахматами и даже написал несколько книг по шахматной теории. Он принадлежал к той части образованной и амбициозной советской молодежи, которая занялась бизнесом в эпоху перестройки и в первые годы независимости.

Вместе с несколькими партнерами Мұхтар заработал первоначальный капитал, продавая автомобили. Он сам ездил в Тольятти, покупал там машины и привозил их в Казахстан. Это был опасный промысел: на дорогах орудовали преступные банды, и нужно было иметь дело с продажной дорожной полицией.

В конце советской эпохи группа молодых людей во главе с Аблязовым создала несколько мелких предприятий, а в 1993 году они основали Астана-Холдинг, который объединил целый ряд компаний. Эти предприниматели попросили моего тогдашнего начальника Нуркадилова (в то время я был его первым заместителем) сдать им в аренду коммерческие площади. Закон в поддержку малых предприятий только что был принят, и муниципальные власти получили право предоставлять в распоряжение предприятий торговые площади за символическую плату. Астана-Холдинг начал быстрое восхождение, и Аблязова заметили. Назарбаев и его премьер-министр Кажегельдин искали молодых предпринимателей, на которых можно было опереться при проведении реформ. В то время все думали, что Назарбаев – это настоящий реформатор. Первые сомнения в этом возникли немного позже...

Аблязов вновь попал в мое поле зрения, когда я был министром энергетики. В начале 1997 года, вернувшись из командировки, я узнал, что Кажегельдин подписал приказ об увольнении руководителя KEGOC (системный оператор единой электроэнергетической системы Казахстана) и назначил на его место Аблязова. Меня это удивило – я ничего не имел против Аблязова, но он никогда не работал в энергетическом секторе и не имел в этой области никаких специальных знаний! Я пришел к Кажегельдину и объяснил ему, что мое министерство курирует KEGOC, так что увольнять директора этой компании или назначать нового – это моя прерогатива. Но Кажегельдин не думал сдаваться: несколько дней спустя он прислал мне поддержанную несколькими министрами письменную рекомендацию назначить Аблязова главой KEGOC. Я снова воспротивился этой прихоти.

Я был назначен мэром Алматы 16 июня 1997 года. Как я уже писал в этой книге, я представлял препятствие для проведения приватизации в энергетике противозаконными методами, и это назначение (в город,

который к тому же перестал быть столицей) было способом избавиться от моего присутствия. Буквально на следующий день после моего ухода с поста министра энергетики Мухтара Аблязова назначили президентом – генеральным директором KEGOC. В апреле 1988 года, менее года спустя, он получил новое повышение, став министром энергетики, промышленности и торговли в правительстве Нурлана Балгимбаева.

При Аблязове управление энергетическим сектором еще больше отклонилось от взятого мной курса. Разработанную мной программу, которая была принята в мае 1996 года, окончательно похоронили под давлением президента и его окружения. А ведь я защищал в ней интересы государства и энергетического сектора, заботясь о будущем всей промышленности. Как известно, если рухнет энергетический сектор, страдает все экономическое развитие страны. Но у президента было другое видение, и главное, были личные интересы... Он явно думал, что Аблязовым, не имеющим опыта работы в этой области, будет легче манипулировать, чем мною. Он ошибся. Аблязов, человек одаренный, быстро изучил все тонкости дела. Спустя всего несколько месяцев после своего назначения, он начал давать уроки президенту, объясняя ему, почему не нужно приватизировать то или иное предприятие сектора. На основании моего собственного опыта я могу сказать, что такое поведение было очень опрометчивым.

Аблязов всегда разыгрывал множество карт одновременно. В 1998 году его маленькая империя, компания «Астана-Холдинг», приобрела государственный банк «Туран-Алем», который образовался в результате слияния Туранбанка (бывшего Промстройбанка, который в советское время служил для финансирования промышленных проектов) и Алембанка (бывшего Казвнешэкономбанка, который в советское время и в первые годы независимости управлял всеми валютными операциями). Приобретение «Туран-Алема» обошлось Аблязову в 72 миллиона долларов. В то время это были большие деньги. Это была превосходная сделка, деталей которой я не знаю. Будучи талантливым менеджером, я бы даже сказал, финансовым гением, Аблязов заявлял, что сделает банк лучшим в Казахстане, СНГ и даже в мире. И слов на ветер не бросал: банк

уверенно заявил о себе. Первое высотное здание, выстроенное в Алматы, было офисом БТА Банка (Банк «Туран-Алем»).

Отмечу, что Казкоммерцбанк, который также участвовал в аукционе, представляя интересы Тимура Кулибаева, остановился на 71 миллионе долларов. По мнению семьи Назарбаева, Аблязов должен был уступить этот банк Назарбаеву, но он добился победы на конкурсе. После того как он был объявлен победителем, премьер-министр Кажегельдин сообщил Аблязову мнение семьи президента, что Мухтар допустил ошибку и не сможет в дальнейшем нормально вести бизнес в Казахстане. Так и случилось!

В августе 1998 года Аблязов в качестве министра энергетики подписал с главой РАО "ЕЭС России" Анатолием Чубайсом договор, который предусматривал реструктуризацию энергетической задолженности Казахстана России, образовавшейся в первой половине 1990-х годов. В соответствии с этим документом Казахстан уступал России долю Экибастузской ГРЭС-2 и линию электропередач Экибастуз-Омск в качестве возмещения задолженности на сумму 239 миллионов долларов. Такого рода обмен был в то время делом обычным. Кроме того, было решено, что обе стороны создадут совместное предприятие для эксплуатации этой ГРЭС и линии электропередач.

Однако вскоре некий российский чиновник раскритиковал этот договор в письме, адресованном лично Назарбаеву. По его версии, Аблязов якобы сознательно занизил стоимость Экибастузской ГРЭС, ради того чтобы благодарная российская сторона дала ему возможность внедрить своих людей в правление будущего совместного предприятия. Однако по закону РК министр энергетики не мог, не имел права проводить оценку стоимости основного и вспомогательного оборудования электростанции, этим занимался Госкомимущества. Создание совместных предприятий также не входило в функции Минэнерго. В соответствии с требованиями закона, этим должен заниматься Госкомимущества и Госкомприват.

Тем не менее эта информация разозлила президента, который давно уже имел к Аблязову претензии в связи с его деятельностью в области энергетики. Назарбаев дал поручение своему премьер-министру

Балгимбаеву выяснить все подробности. Балгимбаев, со своей стороны, поручил расследование КНБ, в частности зятю президента Рахату Алиеву. В октябре 1999 года Аблязов был вынужден уйти в отставку, и против него было возбуждено уголовное дело. Лично я убежден, что этот «российский чиновник» выступил не по своей инициативе – это слишком совершенная схема, чтобы быть чьей-то спонтанной инициативой...

В сентябре 2001 года Аблязов был арестован, затем, после двух месяцев предварительного заключения, освобожден под залог. Очевидно, что против него не было никаких улик, все это было сфабриковано. Это кратковременное заключение заставило его задуматься о политической системе своей страны. Освободившись, он стал одним из организаторов, спонсоров и руководителей движения, о котором я уже говорил, «Демократический выбор Казахстана», ДВК. 18 ноября 2001 года оппозиция созвала учредительное собрание этого движения, а на следующий день в Алматы состоялась пресс-конференция. Среди организаторов были видные деятели страны: вице-премьер Ураз Джандосов, губернатор Павлодарской области Галымжан Жакиянов, замминистра обороны Жаннат Ертлесова, директор Казкоммерцбанка Нуржан Субханбердин и некоторые другие.

Новое движение выступало за построение правового государства, децентрализацию, создание независимого правосудия, восстановление роли парламента, либерализацию СМИ, контроль общества над использованием стратегических ресурсов страны. Вскоре ядро ДВК решило встретиться с Назарбаевым, чтобы предложить ему мирно и добровольно оставить власть. Но предатель в их рядах, замминистра финансов Кайрат Келимбетов, тайно информировал об этом Назарбаева. Естественно, делегация ДВК не была принята президентом, и некоторые из активистов были арестованы, в том числе Аблязов и Жакиянов. Поскольку президент не хотел неизбежного шума в случае политического процесса, то Аблязова и Жакиянова обвинили в «экономических преступлениях». В мае 2002 года Аблязов был приговорен к шести, а Жакиянов в августе того же года – к семи годам тюремного заключения.

Все в Казахстане знали, что этих общественных деятелей преследовали по политическим мотивам. Если бы Аблязов был действительно виновен в

махинациях, в которых его уже обвиняли в 1999 году, его бы судили и вынесли обвинительный приговор гораздо раньше. Позднее Аблязов рассказывал о чудовищном обращении с ним: в тюрьме его, кроме прочего, кололи психотропными средствами, вроде тех, что применялись к диссидентам в советскую эпоху, а в лагере он подвергался зверским избиениям. Пока Аблязов находился в заключении, его партнеру по «Туран-Алему» Ержану Татишеву удалось присвоить акции банка, принадлежащие Аблязову.

К счастью, Аблязов мог рассчитывать на своего друга Мухтара Жакишева, директора Казатомпрома, огромной компании, которая занимается добычей и обогащением урана. Он помогал семье Аблязова, пока тот томился в заключении. И именно он убедил Назарбаева помиловать будущего тестя Илияса. В обмен президент потребовал, чтобы Аблязов подписал документ, в котором обещал бы больше не заниматься политикой ни в Казахстане, ни за границей. Как только Аблязов подписал этот документ, в апреле 2003 года, президент отдал приказ его освободить. Жакишев бросился в тюрьму, чтобы встретить своего друга на выходе. Спустя час президент передумал под давлением своих детей, которые опасались мести низложенного банкира. Но заключенный уже вышел на свободу...

Важно отметить, что сразу после освобождения Аблязова, поздним вечером, мне позвонил Тимур Кулибаев и сказал, что едет к нам домой. Я был удивлен, время близилось к полуночи. Приехав к нам, Тимур сказал много лестных слов в адрес Лейлы, похвалил ее способности к ведению бизнеса. Он сказал: «За что Вы ни беретесь, у Вас все получается, какой люкс!» Затем, он сделал предложение о передаче ему энергокомпании, что, собственно, и было целью его визита. Неожиданно он заговорил о Мухтаре Аблязове. По его мнению, Назарбаев, хорошо зная Мухтара, его характер и принципиальность, сделал две ошибки. Первая – это то, что ни в коем случае не надо было судить Аблязова и посадить его в тюрьму. А вторая заключается в том, что раз президент посадил Аблязова, то он ни в коем случае не должен был его выпускать. Мухтар должен был скончаться в тюрьме. А поскольку он оттуда вышел, то он никогда президенту не простит, как и другой на его месте...

Аблязов сдержал слово: он снова занялся бизнесом. В декабре 2004 года его бывший партнер Ержан Татишев погиб в результате несчастного случая на охоте. Аблязов предложил его вдове вернуть акции банка «Туран-Алем», которые ему законно принадлежали до ареста, что она и сделала. И в мае 2005 года Аблязов стал главой совета директоров банка. Год спустя капитализация банка оценивалась соответствующими агентствами в 26 миллиардов долларов. Такое состояние лишило сна президента и ряд ответственных лиц Казахстана. Предатель молодых реформаторов Кайрат Келимбетов, ставший тем временем министром экономики (позднее он стал главой президентской администрации), подталкивал президента к тому, чтобы принять меры против Аблязова.

Когда я в последний раз наедине беседовал с Назарбаевым, в начале ноября 2007 года, Мухтар Аблязов был еще на вершине своего могущества, но над его головой уже сгущались тучи.

В конце 2006 года наш сын Илияс, который с четырнадцати лет учился в Женеве, рассказал нам, что он регулярно ездит в Лондон, где уже год встречается с дочерью Мухтара Мадинай, которая там учится. Он хотел бы на ней жениться. Конечно, мы одобрили его выбор.

Летом 2007 года наша старшая дочь Эльвира вышла замуж. Во время свадьбы своей сестры Илияс, следуя древней традиции казахского народа, совершил традиционный обряд «похищения невесты». Таким образом, Мадина стала невестой Илияса, и осенью 2007 года мы сыграли вторую свадьбу наших детей.

В течение почти двадцати лет нас приглашали на все праздники президентской семьи, а президент, его супруга Сара Алпысовна и их дети приходили на праздники к нам. Но в августе 2007 года, когда я пришел к Нурсултану Абишевичу, чтобы пригласить его на свадьбу Ильяса, он мне сухо ответил: «Я никогда не приду на праздник, организованный моим политическим противником». Что я мог ему сказать? Я просто заметил, что молодые люди любят друг друга и что мы не хотим разбивать их счастье. Именно в этот момент я понял, что передо мной совершенно другой человек. Словно окончательно переродившись, он стал абсолютно

нетерпимым к любому мнению, которое он не разделяет. Передо мной сидел диктатор, захвативший весь Казахстан.

Свадьба в Алматы удалась: президент не пришел, но были члены его семьи. Вторично мы устроили свадьбу в Женеве, где молодая пара решила обосноваться. К сожалению, это история любви не показалась убедительной Назарбаеву. Он, должно быть, воображал, что брак между Ильясом и Мадиной был только средством скрепить стратегический альянс между Аблязовым и мной: у одного были деньги, у другого – политический опыт.

Мне никогда не узнать, что творилось в голове президента, но ясно одно: он считал нас опасным тандемом.

VII. В изгнании

В ноябре 2007 года мы с Лейлой уехали в Швейцарию. Во время моего последнего свидания с Назарбаевым, в начале ноября, президент заявил, что дает мне полгода на восстановление здоровья. Он уточнил, что по истечении этого срока мне нужно будет вернуться в страну и приступить к новым обязанностям. Мы провели четыре спокойных месяца в Женеве. Я поправил здоровье, подорванное годами непрерывной работы в напряженной и тяжелой обстановке.

В конце четвертого месяца, мне позвонил Назарбаев:

– Как здоровье, Виктор?

– Лучше, но мне нужно еще полгода на лечение.

– Ты тянешь, Виктор, давай пошевеливайся. Кстати, твоя жена и сын с тобой?

– Да, они здесь, мой сын учится в Женеве.

– Значит, мне правду сказали, заключил президент и повесил трубку.

Совершенно ясно, ему шепнули, что я эмигрировал. Я действительно принял уже к тому времени решение не возвращаться в Казахстан, но у меня были еще некоторые сомнения.

С тех пор различные чиновники из президентского аппарата стали ко мне постоянно приставать. В частности, мне много раз звонили глава Административной службы президента Болат Утемуратов и министр туризма и спорта Темирхан Досмухамбетов, старый мой приятель. Звонили и требовали – в духе политики кнута и пряника, – чтобы я вернулся. Я всем отвечал одинаково: «Я нахожусь на лечении». Так прошло два года.

5 марта 2010 года в Швейцарию специально для встречи со мной прибыл госсекретарь⁷⁴ Канат Саудабаев, посланец Назарбаева. По непонятным причинам он играл со мной в кошки-мышки: трижды не приходил на свидания, которые сам же мне назначал, постоянно меняя при этом место встречи. Было ли это психологической игрой? Или он ждал дополнительных инструкций? В конце концов мы встретились на берегу озера Леман и совершили долгую прогулку. «Ты не представляешь, как президент истолковывает тот факт, что ты, его ближайший соратник в течение стольких лет, отказываешься возвращаться», – сказал он мне. Я повторял, что состояние здоровья все еще не позволяет мне покинуть Швейцарию.

Поразмыслив вечером, что такая ситуация не может длиться вечно, я решил выступить открыто. На следующий день я написал Саудабаеву:

«Дорогой Канат Бекмурзаевич! Прошу прощения, но я сильно преувеличивал, утверждая, что до сих пор болен. Мое здоровье уже восстановилось, я каждый день бегаю по десять километров. Вот при каких условиях я мог бы вернуться в Казахстан: если президент назначает меня премьер-министром, как он мне дважды обещал. Я требую, чтобы указ о моем назначении был подписан до моего возвращения – в качестве предварительного условия. Если такое назначение невозможно, я приму один из двух других постов: либо министра энергетики и природных ресурсов, либо мэра Алматы. Опять-таки, я вернусь в страну только после назначения на один из этих постов». Я намеренно выдвигал невыполнимые для президента условия.

Тем не менее Саудабаев мне позвонил в тот же день и сказал: «Я все передал, с тобой свяжутся». Однако в течение нескольких месяцев ко мне больше никто не обращался. Лишь в декабре 2010 года мне позвонил олигарх Патох Шодиев и предложил встретиться в аэропорту Женевы. Я

⁷⁴ Госсекретарь играет важную, но плохо очерченную роль в системе президентской власти. Он не имеет реальных полномочий и действует скорее как приводной ремень между президентом и правительственным аппаратом. В частности, он занимается разными сложными ситуациями и идеологическими вопросами. Саудабаев в то время совмещал пост госсекретаря и министра иностранных дел.

приехал в аэропорт, но в назначенном месте меня ждал партнер Шодиева по холдингу ENRC Александр Машкевич⁷⁵. Опять эти странные игры!

Я по наивности подумал, что Машкевич по поручению президента предложит мне новый пост, но он сделал совсем другое заявление:

– Виктор Вячеславович, мне тяжело об этом говорить, но мне рассказали, что Вы и Ваш сын вместе с Мухтаром Аблязовым, работаете против интересов президента. Поэтому я получил задание от руководителя Президентской администрации переговорить с Вами.

На это я ответил:

– Александр Антонович, мне очень жаль, что президент такого мнения, я не предатель. Если президент склонен верить злым языкам, я могу только сожалеть об этом.

– Это ваш ответ?

– Именно.

– Значит, это объявление войны?

– Вас просили передать слово в слово то, что я сказал, и Вы должны это сделать.

Тогда Машкевич попытался меня запугать:

– Вы отдаете себе отчет в том, что против Вас будет брошена вся государственная машина? Вам это нужно?

– По Вашему мнению, что я должен делать? – ответил я. – Принести этой своре свою веревку, на которой они меня повесят? Если нападут на меня и мою семью, я буду защищаться. Так и передайте, пожалуйста.

Это была жесткая беседа. В конце ее Машкевич потребовал, чтобы мой сын Илияс подписал заготовленное заранее заявление о своей безоговорочной преданности президенту Назарбаеву. Я взял письмо, передал его Илиясу, но тот не захотел его подписывать. Такое угодничество было несовместимо с его европейским воспитанием. В

⁷⁵ Об этих олигархах и их связях с Назарбаевым см. главу IV.

конце концов Лейла и я сумели уговорить его, чтобы он собственноручно написал Назарбаеву письмо и урегулировал бы ситуацию, которая казалась нам просто недоразумением.

Вот это письмо.

«Господин президент,

Я воспитан в лучших традициях казахского народа, в уважении к Родине и старшим. В последнее время распространяются слухи, о том, что я замешан в каких-то неблагоприятных делах против Казахстана. Уверяю Вас, что все эти утверждения ложны и что я ничего не сделал и не сделаю против Казахстана или против Вас».

Через Машкевича это письмо было передано главе президентской администрации Аслану Мусину. Некоторое время спустя, в начале января 2011 года, мы с Лейлой были приглашены в Куршевель, на встречу с тройкой олигархов, то есть, Машкевичем, Шодиевым и Ибрагимовым. В конечном счете Ибрагимов не пришел, и весь малоприятный разговор вел Машкевич, тогда как Шодиев хранил молчание. Нам объявили, что письмо Ильяса не успокоило президента и что специальная группа расследует его деятельность. «Если что-то обнаружится, – заявил Машкевич, – его найдут, где бы он ни был, и сведут с ним счеты, вплоть до физического устранения. Вы это понимаете? Что же Вы молчите, Виктор Вячеславович?»

Я был ошеломлен. А Лейла, услышав это, не могла сдержаться:

– Еще вчера вы были нашими друзьями. Вы называли моего мужа Виктора «старшим братом». Почему сегодня вы нам угрожаете? Мы уехали, чтобы жить спокойной жизнью, мы не интригуем и не ведем никаких враждебных действий. Почему вы это не объясните президенту? Почему вы не помогаете своему старшему брату?

На что Машкевич ответил:

– Ну хорошо, скажите Ильясу, – пусть сидит тихо. Шеф не любит, когда кто-то выдвигается без его одобрения.

Таким образом, он указывал Ильясу, молодому и преуспевающему бизнесмену, на «его место»: казах должен получить благословение «папы», даже за границей, иначе он подвергает себя опасности.

Тройка явно действовала не по собственной воле. Эти олигархи, которые управляют частью состояния президента, только выполняют его приказы. И они обязаны представлять доказательства своей преданности. Во время нашего краткого пребывания в Куршевеле эта тройка познакомила нас на светских приемах с представителями украинской и чеченской мафии, которые хвастались, словно невзначай, умением «эффективно» разрешать деликатные ситуации. Хотели, чтобы мы боялись за себя и за нашего сына. Ошеломленные, мы быстро оттуда уехали, и вот тогда в казахских СМИ началась против меня настоящая кампания.

Аблязов против Назарбаева

Чтобы понять обвинения, выдвинутые против нашего сына, я должен вернуться к истории его тестя, Мухтара Аблязова. В 2007 году, когда наши дети поженились, положение Аблязова, который владел сотнями предприятий и коммерческих структур, еще было прочным, несмотря на недоверие к нему президента. Президент явно играл с ним свою игру, размышляя о том, как захватить ядро его корпорации, банк БТА.

Случай представился в начале 2009 года. Банковская система Казахстана не избежала последствий мирового финансового кризиса. Чтобы помочь банкам, Национальный банк Казахстана предложил прийти на выручку тем из них, у которых не хватало финансовой наличности, чтобы продолжать операции. Тогда Аблязов предложил Национальному банку выделить БТА 450 миллионов долларов. Дирекция Нацбанка сделала из этого вывод, что Аблязов испытывает трудности, и тотчас сообщила об этом Назарбаеву. Решив, что пришел момент захватить столь желанный кусок, президент вызвал Аблязова и потребовал, чтобы тот уступил ему банк, т.е. переписал БТА на имя Назарбаева. Аблязов попытался объяснить президенту, что не имеет возможности удовлетворить эту просьбу, так как является лишь одним из акционеров. И даже в качестве главы совета директоров, он не сможет принять такое решение в одностороннем порядке. Словом, чтобы

выкупить БТА, Назарбаев или те, кто его представляют, должны получить согласие всех акционеров. Тогда президент заявил ему: «Я приказываю тебе этого добиться. Завтра в 9 часов утра ты придешь ко мне и отчитаешься». Мухтар ответил: «Да, господин президент», и ушел, сознавая, что узел вокруг его шеи затягивается.

По правде говоря, он был готов к такой ситуации. Он заранее условился со своей женой Алмой о фразе, которая должна была послужить сигналом к немедленному отъезду. Выйдя из кабинета Назарбаева в Астане, он позвонил Алме и сказал ей: «Нужно срочно отвезти нашу дочь к доктору. Я лечу в Алматы и, как только прибуду, мы ее отвезем в больницу». Его жена немедленно собрала чемоданы и увезла детей в аэропорт Алматы, откуда они вылетели в Лондон. Вот так Аблязову удалось избежать второго ареста.

После его отъезда власти с помощью спецназа предприняли настоящую атаку на БТА, под предлогом его «неплатежеспособности», полагая в то же время, что банк обладает очень большими активами. Однако быстро выяснилось, что президент Нацбанка Григорий Марченко и министр финансов Арман Дунаев представили Назарбаеву недостоверную информацию. Они не были в курсе того, что Аблязов взял у своих международных партнеров огромные кредиты на свои девелоперские проекты, в общей сложности около 12 миллиардов долларов.

Можно себе представить смятение правительства. Занятый элитными подразделениями, БТА был быстро национализирован: он перешел под контроль государственного холдинга «Самрук Казына», который возглавлял зять президента Тимур Кулибаев⁷⁶. Тот назначил нового президента – генерального директора в надежде получить прибыль от этого «приобретения». Но кредиторы, напуганные захватом банка и объявлением о его национализации, начали в одностороннем порядке отказываться от кредитных договоров, заключенных с предыдущим руководством БТА, и требовать возврата денег. Это причинило банку огромные трудности, которые не полностью преодолены и по сей день.

⁷⁶ Самрук-Казына – холдинг, занимающийся управлением государственными активами Казахстана под контролем правительства. Он образовался в октябре 2008 года в результате слияния Фонда устойчивого развития Казына и холдинга «Самрук». Об истории холдинга «Самрук» см. главу IV.

После отъезда Аблязова в Лондон и захвата БТА казахстанскими властями, филиалы банка в Грузии и Украине были также захвачены властями этих стран. Но центр активности Аблязова в годы, предшествовавшие его отъезду, находился в Москве, где он начал многочисленные девелоперские проекты: гигантский океанический аквариум на Поклонной горе, огромный торговый центр у Павелецкого вокзала, новый город близ аэропорта Домодедово на 180 тысяч жителей, небоскреб в «Москва-Сити» (московский деловой квартал), и т.д. Ни один из этих проектов не был доведен до конца, так как казахстанские власти потребовали ареста российских активов Аблязова для возмещения кредитов, предоставленных БТА.

Аблязову удалось спасти от захвата только один большой российский проект, так как он был уже частично завершен в момент, когда у него начались неприятности. Речь идет о гигантском логистическом комплексе «Северное Домодедово», занимающем площадь 558 тысяч кв. м. В 2010 году компания Аблязова «Евразия», продала этот комплекс российскому бизнесмену гораздо ниже его реальной стоимости: Мухтар опасался, что тот могут просто захватить.

Российский филиал БТА работал еще в течение двух лет после эмиграции Аблязова. В 2009 году российские власти под давлением Казахстана предприняли проверки банка. В штаб-квартиру банка ворвался спецназ, арестовав под ложным предлогом пять человек, в том числе женщину, у которой были серьезные проблемы со здоровьем. Но ничего компрометирующего обнаружено не было, и банк продолжил свою деятельность под руководством талантливого менеджера Романа Солодченко. В 2010 году, после реструктуризации банковских активов, название банка изменилось на АМТ. В конце концов в июле 2011 года власти нашли способ лишить банк лицензии. Солодченко уехал тогда в Лондон, где несколько месяцев спустя с изумлением узнал, что его разыскивают российские и казахстанские органы правосудия. А Аблязов в июле 2011 года получил политическое убежище в Великобритании.

Так перед Назарбаевым встала проблема, которую он сам же и создал. Когда БТА был практически разрушен, власти отдали себе отчет в том, что через этот банк проходило 42% всех банковских операций в стране. На

данный момент банковская система Казахстана еще не полностью оправилась от этой неправомерной и разрушительной национализации, и режиму всё еще приходится расплачиваться. Как пишет Роман Солодченко, бывший председатель правления БТА банка, «в итоге БТА [после национализации] превратился в черную дыру, в которой безвозвратно исчезали и средства инвесторов, и бюджетные средства. За четыре с половиной года суммарные расходы на поддержание БТА составили около 15 миллиардов долларов – в три раза больше того, что инкриминируют Аблязову». Под предлогом спасения банка, продолжает Солодченко, происходит «рекордное по масштабам хищение средств из государственной казны. Казахстанские миллиарды обеспечивают безбедную старость целой армии юристов, сыщиков, полицейских, консультантов и чиновников в странах СНГ и по всей Европе. К неиссякаемому источнику быстрого обогащения тянется череда чиновников и проходимцев самого разного пошиба. После второй реструктуризации... у правительства не осталось никаких причин для сохранения банка, но, тем не менее, операция "Спасение БТА" продолжается полным ходом. Судя по всему, прекратится она только с уходом главного кормчего. Тогда наступит время подведения итогов, тогда выяснится, и в какую сумму обошлась государству эта поддержка, и имена тех, кого страна должна благодарить за такое "спасение"»⁷⁷. Будучи опытным управленцем, я могу лишь присоединиться к такой оценке.

Меркантильные интересы президентской семьи причинили неприятности и тяжелые испытания большому количеству людей. Сколько сломанных судеб, сколько арестованных и брошенных за решетку людей! И по какой причине? Думаю, что их две. С одной стороны, Назарбаев хотел захватить банк Аблязова, полагая, что получит курицу, несущую золотые яйца. С другой стороны, и это, возможно, истинный ключ к этому делу, он начал всерьез опасаться Аблязова, миллиардера с реформаторскими наклонностями. Не выступит ли Аблязов против него, как он уже сделал в 2001 году? И не станет ли использовать свои капиталы для смены режима в Казахстане?

⁷⁷ См. <http://ablyazov.org/kak-otbirali-bta-bank.htm>

На самом деле, именно Назарбаев начал враждебные действия. Что оставалось Аблязову делать? Как сказано в Библии, «кто сеет ветер, тот пожнет бурю». В сентябре 2010 года швейцарское правосудие возбудило уголовное дело против зятя президента, Тимура Кулибаева, супруга Динары, подозревая его в отмывании в Швейцарии колоссальных средств, полученных в качестве взяток и нелегальных продаж газовых и нефтяных активов Казахстана. Это расследование было начато в результате «доноса», сделанного группой из пяти человек, имена которых не разглашаются, но казахстанские власти предполагают, что одним из них был Аблязов.

Это было началом нового «Казахгейта». В Казахстане его назвали «Тимургейт». Более 600 миллионов долларов, принадлежащие Кулибаеву, были заморожены в трех банках – Crédit Suisse, UBS и Paribas. В конце июля 2011 года швейцарские прокуроры получили дополнительную информацию. После получения политического убежища Аблязов действовал с открытым забралом. На войне как на войне! Он опубликовал в Интернете ряд документов, которые раскрывали методы, используемые президентской семьей для незаконного обогащения. Эти компрометирующие режим материалы, касались, в частности, особенно чувствительной для казахстанского общественного мнения истории. Речь идет о приватизации Даригой Назарбаевой в 1990-е годы информационного агентства «Хабар» и его перепродаже государству десять лет спустя с прибылью в размере 100 миллионов долларов.

Еще пример? В 2004 и 2005 годах Тимур Кулибаев в качестве вице-президента нефтяной и газовой компании «КазМунайГаз» организовал ее приватизацию за смехотворную сумму в пользу подставной компании, управляемой «доверенным лицом», неким Арвиндом Тику. В октябре 2006 года те же самые акции были перепроданы с «наценкой» в 300 миллионов долларов, часть которых были вложены в банк BNP Paribas в Женеве на счет компании Oilex, принадлежащей Тику. В обоих случаях осталось обманутым именно казахстанское государство: члены президентской семьи сначала приватизировали принадлежащие государству активы по смехотворной цене, чтобы затем их перепродать тому же самому государству с колоссальной прибылью!

Разумеется, когда счета семьи Назарбаева и его подставных лиц были заморожены, война, развязанная казахстанским режимом против Мухтара Аблязова, стала беспощадной. Что удивительного в том, что моя семья, связанная с семьей Аблязова узами брака наших детей, быстро стала объектом атаки?

Казахстанское правосудие охотится за мной

В конце 2009 года средняя дочь казахстанского президента, Динара, жена Тимура Кулибаева, купила огромное имение на берегу озера в Аньере, фешенебельном предместье Женевы. На территории площадью 8 тысяч кв. м расположены три прекрасных дома, не считая пристроек и подземных гаражей. Динара потратила на это поместье 74,7 миллиона швейцарских франков (в то время около 50 миллионов евро), абсолютный рекорд для региона, который привлекает многих состоятельных людей.

Для семьи Кулибаевых это было отнюдь не первым приобретением. Если швейцарская вилла была зарегистрирована на имя Динары, то Тимур, со своей стороны, купил в 2007 году роскошное поместье в Великобритании за «пустяковую сумму» 15 миллионов фунтов стерлингов. Эта жемчужина традиционной британской архитектуры, расположенная в графстве Суррей, была продана зятю Назарбаева принцем Эндрю, членом британской королевской семьи. Тимур купил ее для своей любовницы, роковой женщины родом из Казахстана, Гоги Ашкенази, по случаю рождения их общего сына. Кроме того, британская пресса утверждает, что Кулибаев обладает еще пятью особняками в центре Лондона. Тимур является также счастливым собственником роскошной фермы в Ллорет дель Мар, в самой южной части Коста Брава в Испании, излюбленного места казахстанских нуворишей. Ходят упорные слухи, что истинным хозяином этих мест является лично Нурсултан Назарбаев, который часто приезжает туда «подзарядиться», в частности в компании индийского миллиардера Лакшми Миттала.

Говоря об этих владениях президентской семьи, я не раскрываю государственных секретов. Все эти сведения можно легко найти в швейцарской, французской, британской или российской прессе. Однако,

когда разразился новый скандал вокруг Тимура Кулибаева и когда пресса стала обильно комментировать приобретение Динарой женевской виллы, окружение Назарбаева почему-то решило, что информация исходит от меня. Разумеется, это не имело никакого отношения к действительности. Во время моей встречи с Александром Машкевичем в женевском аэропорту в декабре 2010 года я ему разъяснил, что война между Аблязовым и Назарбаевым меня не касается и что ни один из членов моей семьи в ней участия не принимает. Но ни эти утверждения, ни письмо Ильяса, адресованное президенту, мне не помогли. Что бы я ни говорил, машина против меня и моей семьи была запущена.

В ходе зимы 2011 года у меня также было несколько телефонных разговоров с Нуртаем Абыкаевым, главой КНБ. По его словам, Аблязов якобы получил от моего сына Ильяса, молодого женевского девелопера, несколько документов, компрометирующих семью Назарбаевых. А поскольку обнародование этих документов в соответствии с Законом о первом президенте Казахстана считается преступлением против казахстанского государства, мой сын, стало быть, преступник. Я ответил, что это ложное обвинение, и даже предложил свои услуги по мирному урегулированию конфликта между Кулибаевым и Аблязовым. Тогда Абыкаев попросил меня написать президенту письмо с этим предложением, что я и сделал. Оно не возымело никакого эффекта.

В конце апреля или в начале мая 2011 года работники прокуратуры Казахстана прибыли в Женеву, чтобы совершенно неофициально, несмотря на то что это ставило их в опасное положение, проинформировать меня о возбуждении против меня двух уголовных дел. Я был поражен. За несколько месяцев до этого глава президентской администрации Аслан Мусин заверил меня в телефонном разговоре: «Мы много лет работали вместе, мы Вас уважаем, мы ничего против Вас не имеем», и так далее. И вот теперь прокуратура возбуждает дело!

Я не мог хранить хладнокровие и позвонил Мусину:

– Я только что узнал, что нахожусь под следствием. К чему эта лицемерная игра со мной?

– На тебя лично нет никаких жалоб, но вся твоя семья сейчас является объектом тщательного контроля. Все члены семьи в настоящий момент находятся в разработке. Прости, но так надо.

– Но тогда, если я вернусь, на меня наденут наручники при выходе из самолета!

– Нет, я гарантирую твою безопасность. Но тебе нужно вернуться, чтобы ознакомиться с некоторыми документами.

– Смогу ли я увидеть президента?

– Я не могу ответить за него. Пока что это не предусмотрено.

Я принял решение не идти на риск. Несмотря на обещания Мусина, я опасался, что он хотел завлечь меня в ловушку. Дальнейшие события быстро показали, что я был прав и мне не нужно ждать цивилизованного поведения в отношении меня и моей семьи. Разговор с Мусиным имел место 19 мая 2011 года. Буквально несколько дней спустя родители Лейлы, которые оставались в Казахстане, были задержаны в тот момент, когда они поднимались на борт самолета, чтобы отправиться в Турцию в отпуск, уже пройдя таможенный и паспортный контроль. Очевидно, было принято решение удерживать их в Казахстане в качестве заложников. Мой тесть Калибек Данияров, заслуженный строитель Казахстана, известный историк, 80-летний человек, не вынес такого обращения: у него произошел микроинфаркт и инсульт прямо в аэропорту.

Тогда мы предложили родителям быстро отправиться в Москву, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь. Поскольку российский режим – верный союзник Назарбаева, казахстанские власти могли быть уверены, что старики не сбегут за границы СНГ. Родители моей жены 30 мая прибыли в аэропорт, чтобы вылететь в Москву специально зафрахтованным санитарным самолетом. Мой тесть не мог ходить, его привезли в инвалидном кресле. Но их снова задержали. В течение шести часов их держали в маленькой комнате и допрашивала налоговая полиция в отсутствие адвоката (им не позволили ему позвонить). Узнав об этом, я немедленно принялся звонить Абыкаеву, Мусину, Касым-Жомарту Токаеву, незадолго до того назначенному генеральным директором бюро

ООН в Женеве, и так далее. Я негодовал: «Преступно государство, воюющее со стариками!» Мне все отвечали одно и то же: «Мы их отпустим, если они дадут показания налоговой полиции».

Отец Лейлы был в таком плохом состоянии, что директор Алматинского аэропорта позвонил в президентскую администрацию и сказал: «Этот человек может в любую минуту умереть. Кто будет за это отвечать?» В конце концов Лейла попросила свою маму подписать все бумаги, даже не пытаясь понять, что в них содержится. Мы просто хотели, чтобы их отпустили. Только когда они подписали массу документов, состряпанных налоговой полицией против меня и всей моей семьи, им разрешили сесть в самолет. В течение трех недель мой тесть был госпитализирован в хорошей московской клинике, после чего, 19 июня, они прибыли в Женеву. Для нас было ясно, что они больше не смогут вернуться в Казахстан. Мы поняли, что отныне казахстанские власти рассматривают всю нашу семью: меня, Лейлу, наших детей и наших родителей, как организованную преступную группировку. Ни больше, ни меньше!

Пока мы с Лейлой занимались моим тестем, здоровье которого было серьезно подорвано тяжелыми испытаниями, я узнал, что налоговая полиция изъяла в мэрии Алматы все официальные документы, касающиеся моего пребывания на посту мэра, с 1997 до 2004 года. Именно на базе всех этих документов была быстро сфабрикована добрая дюжина дополнительных протоколов следствия. А поскольку казахстанские средства массовой информации, находящиеся под контролем режима, продолжали вести бешеную кампанию против меня, я принял трудное решение. 3 августа 2011 года я снова написал госсекретарю Канату Саудабаеву.

«Здравствуйте, Канат Бекмурзаевич. Я хотел бы узнать, как здоровье президента, пишут, что у него есть проблемы. Кроме того, вы, конечно знаете, что Мусин развязал кампанию против меня и моей семьи. Он не прав, поступая таким образом. Я не сдамся без боя. Я поклялся в верности президенту и не нарушил своей клятвы. Я хранил молчание обо всем, что я знал, но не из страха (мне уже доводилось быть между жизнью и смертью), а из-за лояльности. Это президент меня предал. Я призываю вас действовать согласно закону Республики Казахстан и

своей совести и одуматься. Почему вы стремитесь создавать новых врагов? С уважением, Виктор».

Это письмо осталось без ответа, но кампания против меня в казахстанской прессе стала еще более интенсивной и грязной. Пресса 29 августа сообщила, что отныне я стал субъектом судебного преследования. Вот тогда я в последний раз написал Канату и сообщил ему, что больше не чувствую себя связанным своей клятвой и отныне буду действовать, как нахожу нужным для защиты себя и своей семьи. С тех пор я даю интервью оппозиционным казахстанским СМИ и иностранным журналистам, и я пишу. Достаточно посмотреть мой сайт в Интернете и прочитать эту книгу. Рубикон был перейден.

Жанаозен

Год 2011 был особенно печальным и мрачным для Казахстана. Черная полоса началась в апреле, когда президент Назарбаев организовал досрочные президентские выборы, или, точнее, пародию на выборы. К чему была такая спешка?

Первоначально выборы были предусмотрены на конец 2012 или начало 2013 года. К тому времени оппозиция могла бы подготовить и представить достойного кандидата, способного мобилизовать население. Ведь в Казахстане имеется почти два десятка партий, хотя некоторые из них даже не зарегистрированы и, стало быть, легально не существуют. Чтобы помешать этой мобилизации, ректор Технического университета Восточного Казахстана Нурлан Темирбеков, который всегда выполнял «деликатные» поручения – я это хорошо знаю, – публично предложил организовать референдум по продлению президентского мандата до 2020 года, без всяких выборов.

Закон о проведении референдума был принят парламентом... но в этот момент началась «арабская весна» в Северной Африке, потом на Ближнем Востоке. Вашингтон предупредил Казахстан, что проведение такого референдума будет в его глазах означать отход от демократии. Назарбаев немедленно отступил: он не подписал закон о референдуме, а послал его

в Конституционный совет, который заявил, что такой референдум «наносит ущерб правам избирателей». Тогда президент обратился к парламентариям. Он объяснил им, что проведение референдума вызвало бы отрицательную реакцию у международного сообщества. Вот почему все, что он может гарантировать, – это проведение досрочных президентских выборов, хотя, замечу, в них не было никакой необходимости.

Разумеется, это была только уловка, имеющая целью заставить оппозицию врасплох. Закон о досрочных выборах был принят, голосование прошло 3 апреля 2011 года, и Назарбаев – какой сюрприз! – получил в первом туре 95,5 % голосов. Конечно, ни один серьезный альтернативный кандидат, как например кандидат от демократической оппозиции Владимир Козлов, не был допущен к участию в выборах. В них формально участвовали, кроме Назарбаева, еще три кандидата, но это были марионетки, послушные, как ягнята. Один из них, Мэлс Елеусизов, дошел до того, что, как он публично признался, сам голосовал за Назарбаева!

Такие, очень «советские» цифры – более 95% голосов, бывают только в тоталитарных странах. Но я могу с уверенностью заявить, что они сильно отличаются от реальных результатов. По данным независимых наблюдателей, которые высказались на телеканале «К+» и в других оппозиционных средствах массовой информации, народ не голосовал за Назарбаева с таким единодушием. И ОБСЕ признала, что эти выборы совершенно не соответствовали демократическим стандартам.

Месяц спустя, в мае 2011 года, страну потрясла массовая забастовка в Жанаозене, в районе Мангистау, на западе Казахстана. Около 1500 рабочих нефтяных и газовых предприятий начали эту забастовку, требуя значительного увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Они требовали также устранить дискриминацию между гражданами Казахстана и КНР. Зарплата китайских специалистов на нефтегазовых предприятиях была в несколько раз выше, чем у казахстанцев. Суд Жанаозена мгновенно признал забастовку незаконной, и за этим решением последовало увольнение многих сотен бастующих, а также аресты и избиения активистов. Были и жертвы: 2 августа был убит профсоюзный активист Жаксылык Турбаев, а 24 августа была найдена

убитой 18-летняя дочь Кудайбергена Карабалаева, председателя профкома компании «Озенмунайгаз». Секретные службы четко сработали, чтобы запугать забастовщиков. Убийц, разумеется, не нашли...

В течение семи месяцев правительство не реагировало на требования рабочих, даже когда часть бастующих начала голодовку. Одновременно судебные органы пытались положить конец протестам, устроив суд над забастовщиками. Так, в конце мая 2011 года была арестована юрист профсоюза нефтяной компании «Каражанбасмунай» Наталья Соколова. Два месяца спустя она была приговорена к шести годам лагерей за «разжигание социальной розни»⁷⁸. Другой активист, Акжанат Аминов, был арестован в июне по такому же обвинению. Томясь в тюрьме в ожидании суда, он, страдая диабетом, был лишен уколов инсулина, что является родом пыток и могло стать причиной его медленной смерти. В конце концов он был приговорен к двум годам лишения свободы условно. Международная правозащитная организация Amnesty International признала Соколову и Аминова политзаключенными.

Отчаявшись, некоторые активисты даже пытались покончить с собой, чтобы привлечь внимание общества к своему положению. В июле активистка Наталья Ажигалиева совершила попытку саможжения, призвав людей последовать ее примеру. В октябре покончил с собой рабочий «ОзенЭнергоНефти».

Схватка между забастовщиками и авторитарной властью ужесточалась. К экономическим требованиям прибавились политические. С конца осени рабочие начали требовать прекращения преследования, официального признания независимых профсоюзов, освобождения арестованных активистов и лидеров стачечного комитета.

Кровавое подавление забастовки началось 16 декабря 2011 года, в день двадцатой годовщины независимости Казахстана. По свидетельству забастовщиков, вышедших на демонстрацию, провокаторы, нанятые секретными службами, подожгли автомобили и здания, в том числе здание мэрии. Когда полиция открыла огонь, на центральной площади находилось от тысячи до трех тысяч бастующих. По официальным

⁷⁸ Признав свою «вину», она была досрочно освобождена в марте 2012 года.

сведениям, погибли 14 человек, но свидетели насчитали около 70 убитых и 400 раненых.

Вечером хулиганы воспользовались ситуацией и разграбили магазины, банки, кафе и частные дома. Со своей стороны, полицейские арестовывали и избивали простых прохожих. Одной из их жертв стал пожилой мужчина, направлявшийся навестить дочь в родильный дом: он был столь жестоко избит, что несколько дней спустя скончался.

На следующий день беспорядки продолжились, не только в Жанаозене, но охватили еще и близлежащие города Шепте и Актау. В Шепте полиция стреляла по толпе – один человек был убит, по меньшей мере еще одиннадцать ранены. В Актау были арестованы 150 рабочих, которые вышли на демонстрацию в защиту своих товарищей из Жанаозена. В ответ на эту волну насилия, президент Назарбаев подписал указ о введении в Жанаозене чрезвычайного положения на двадцать дней.

Назарбаеву нужно было найти какой-то выход и снять напряженность. Он даже уволил своего зятя Тимура Кулибаева, президента Национального фонда «Самрук-Казына» (который управлял многими нефтяными и газовыми компаниями, включая «КазМунайГаз»), за то, что тому не удалось быстро урегулировать рабочий конфликт. Он также освободил от должности губернатора Мангистауской области и директора «КазМунайГаза». В то же время президент обвинил в подстрекательстве к беспорядкам «преступные группы, связанные с проживающими за рубежом враждебными силами».

Вскоре стало известно, кто эти «преступники». 27 марта 2012 года в Актау начался суд над 37 забастовщиками по обвинению в участии в беспорядках. Приговор был вынесен 5 июня: 13 человек получили от трех до семи лет тюрьмы, а еще 21 человек были приговорены к условным мерам наказания. Но самый громкий, чисто политический процесс был впереди. Он начался 16 августа 2012 года, также в Актау. На скамье подсудимых находились три человека: лидер незарегистрированной партии «Алга!» («Вперед!» по-казахски) Владимир Козлов и два активиста Народного фронта, Серик Сапаргали и Акжанат Аминов. Козлова и Аминова (уже судимого в 2011 году) обвиняли по трем статьям:

разжигание социальной розни, призыв к свержению конституционного строя (попросту – к государственному перевороту) и организация преступной группировки. Сапаргали предъявили два первых обвинения.

Этот суд вызвал волну негодования в Казахстане, России и повсюду в мире. Там царила сюрреалистическая атмосфера. Защитник прав человека и адвокат Евгений Жовтис, присутствовавший на процессе, даже написал на своей странице в «Фейсбуке»: *«Прокурор прочел обвинительное заключение. В сравнении с ним Вышинский просто шутник. Во всяком случае, в Казахстане я ничего подобного не слышал. Я только читал описания такого рода в книгах о чистках 1937 года. Скорость деградации – космическая».*

Главная жертва президентской злобы, Владимир Козлов, – один из наиболее активных казахстанских оппозиционеров. Этот бывший агент по рекламе был с 2001 года членом руководства партии «Демократический выбор Казахстана», ДВК. Когда ДВК была запрещена в январе 2005 года, он стал одним из основателей партии «Алга!». В январе 2012 года эта партия была самой значительной силой оппозиции, насчитывала 61 тысячу активных членов и имела отделения во многих областях Казахстана, несмотря на отказ Министерства юстиции зарегистрировать ее и официально признать. Естественно, режим держал Козлова под прицелом. Ведь именно он проводил в 2009 году кампанию в европейских странах против председательства Казахстана в ОБСЕ из-за систематических нарушений прав человека режимом Назарбаева. И по его же инициативе партия «Алга!» организовала доставку воды и палаток бастующим рабочим, которые разместились в центре Жанаозена. А после жестокого подавления забастовки именно он призвал Европейский парламент и членов Европейской комиссии провести международное расследование, чтобы установить истинные факты трагедии в Жанаозене. Нужно ли удивляться, что он был 23 января 2012 года арестован КНБ по возвращении в Казахстан из поездки в Страсбург?

В ходе его процесса прокуратора также выдвинула обвинения против Мухтара Аблязова. В обвинительном акте он, так же как и Козлов, был назван одним из лидеров «преступной группировки», созданной с целью свержения режима. Аблязов действительно был одним из основателей

ДВК и продолжал, по-видимому, финансово поддерживать оппозицию, даже после своего переезда в Лондон.

Разумеется, «Алга!» никогда не замышляла государственного переворота. Напротив, Козлов всегда призывал своих сторонников действовать мирным и законным путем. Но в результате сталинистского процесса, прошедшего с множеством нарушений закона, Владимир Козлов был приговорен к суровому наказанию: семь с половиной лет тюремного заключения с конфискацией имущества⁷⁹. «Независимое» казахстанское правосудие не дало себя сбить с толку протестами и вмешательством европейских депутатов (некоторые из них приехали в Казахстан, чтобы выступить свидетелями защиты на процессе Козлова) и многих международных НКО, вроде Human Rights Watch. А партия «Алга!» была окончательно запрещена казахстанским судом за «экстремизм».

Как я уже писал, когда я еще находился рядом с Назарбаевым, он мне много раз повторял, что Владимир Путин – это его «ученик». Сегодня, когда российское правосудие готовит два политических процесса: над участниками манифестации 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве и над лидерами незарегистрированной партии «Левый фронт», нужно признать, что сходство бьет в глаза. Владимир Путин, Александр Лукашенко и Нурсултан Назарбаев, лидеры трех стран, образующих общее экономическое пространство, равняются друг на друга в репрессивных методах.

Однако я думаю, что среди этой тройки автократов Назарбаев – наиболее ловкий и хитрый. Чтобы обелить свою репутацию после трагедии в Жанаозене, он предпринял отвлекающий маневр. Во время саммита по проблемам ядерной энергии, прошедшего в Южной Корее в марте 2012 года, он предложил создать в Казахстане Международный банк ядерного топлива. Заявленная цель: не допустить, чтобы такие страны, как Иран, сами занимались обогащением урана, и дать всем странам мира доступ к обогащенному урану для мирных целей. Пока что это предложение, потенциально опасное для населения Казахстана из-за рисков, связанных с хранением огромных количеств расщепляющихся материалов, остается не

⁷⁹ Два других обвиняемых были приговорены к условному наказанию.

более чем благим намерением... но оно позволило Назарбаеву получить похвалы одновременно от Барака Обамы и от уходящего российского президента Дмитрия Медведева!

Саркози в Астане

Если казахстанский президент так удачно действует на международной сцене, несмотря на непрекращающиеся финансовые скандалы вокруг его собственной персоны и его семьи, несмотря на систематические нарушения прав человека в его стране и несмотря на культ его личности, приобретающий все более гротескный и отвратительный характер, тому есть две главные причины. С одной стороны, это ловкость Назарбаева на международной арене, где он играет сложную игру под названием «многовекторная политика». Он поддерживает великолепные отношения с Россией, но также и с Китаем, и с США (как только ушел в прошлое «Казахгейт»), и с исламским миром... Словом, он – друг всех тех, из чьей дружбы можно извлечь выгоду.

Имидж Казахстана на международной сцене – это имидж страны, обретшей независимость после долгого российского владычества, страны, динамичный лидер которой печется о будущем планеты: он ратует за ядерное разоружение, за создание свободной от ядерного оружия зоны на Ближнем Востоке и т.д. Этот имидж невероятно приукрашен. В том, что касается разоружения, главный подвиг, приписываемый Назарбаеву, это закрытие в 1991 года Центра ядерных испытаний и его полигона в Семее (бывший Семипалатинск) и, соответственно, прекращение испытаний, от которых десятки лет страдало население Казахстана. Но правда состоит в том, что его закрытие было осуществлено не по инициативе президента, а вследствие мощного народного движения «Невада – Семей», созданного по инициативе крупного казахского поэта Олжаса Сулейменова⁸⁰. Глава государства просто присвоил себе эту заслугу, обманывая мировое общественное мнение. В 2010 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун посетил этот бывший ядерный полигон и воздал должное

⁸⁰ См. главу II.

«дальновидному решению президента Назарбаева», ставшему настоящей декларацией независимости Казахстана!

Второе объяснение: Казахстан одна из самых богатых сырьем стран мира. А поскольку эти богатства разрабатываются по большей части иностранными компаниями (особенно теми, кто умеет «делить пирог» с президентской семьей), то многонациональные корпорации и правительства всего мира заинтересованы в том, чтобы поддерживать «добросердечные» отношения с Астаной.

Возьмем в качестве примера такую крупную демократическую страну, как Франция. В 2009 году президент Саркози старался любой ценой помешать своей стране погрузиться в кризис. Отношения между Парижем и Астаной начали стремительно развиваться. Саркози 6 октября 2009 года прибыл с кратким визитом в Астану в сопровождении ряда министров и бизнесменов. За сутки были подписаны 24 двусторонних соглашения и протоколы на фантастическую сумму 6 миллиардов долларов. Слушая Саркози на пресс-конференции, завершившей этот визит, можно было подумать, что Франция и Казахстан вступают в период вечной дружбы, обильно снабженной нефтью, газом, различными космическими проектами, атомной энергетикой и, разумеется, французскими духами.

Таким образом, Саркози сдержал слово, данное им французским деловым кругам сразу после его избрания, а именно своего рода *Drang nach Osten* – марш-бросок на Восток, в Среднюю Азию. Эта стратегическая дружба представлялась темпераментному французскому президенту такой важной, что он полностью проигнорировал требования казахстанских защитников прав человека и различных международных НКО: напомнить президенту Назарбаеву печальную репутацию Казахстана в области гражданских свобод. Саркози прибыл в Казахстан не для того, чтобы поучать, а чтобы решать реальные проблемы, – заявил тогда глава французского государства. В знак своей признательности, Назарбаев наградил почетного гостя орденом за заслуги, носящим гордое имя: Орден Золотого орла.

Несколько месяцев спустя, 6 июля 2010 года, по случаю юбилея своего друга Назарбаева, который праздновал семидесятилетие, «Золотой орел»

направляет ему лестное послание: «Под твоим руководством, - пишет он, - Казахстан стал одной из наиболее развитых стран постсоветского пространства... Астана стала футуристической столицей с захватывающим развитием...» и так далее. А главное, – он вновь заверяет своего казахстанского друга в неизменной поддержке идеи саммита ОБСЕ под казахстанским председательством.

Словом, все прекрасно. Но можно ли остаться целым и невредимым, заключив сделку с дьяволом? Скандал разразился в начале октября 2012 года, когда Саркози уже не был у власти. Пламя раздула французская сатирическая газета *Le Canard Enchaîné*. В чем состояло существо дела? В 2010 года Николя Саркози, гордый своей ролью президента-коммивояжера, предложил Казахстану купить 45 вертолетов Eurocopter EC725. В то время каждый такой вертолет стоил 25 миллионов долларов. Казахстанский Интернет терялся в догадках. Для чего Казахстану нужны такие мощные военные машины? Чтобы охранять от Ирана свои установки на Каспийском море? Или, может быть, чтобы отслеживать террористов после ухода американских войск из Афганистана?

Число их кажется еще более огромным, если принять в расчет, что на вооружении французских ВВС имеется лишь 19 таких вертолетов. Однако президент Назарбаев готов был частично удовлетворить просьбу своего французского друга. Он согласился купить у него 20 вертолетов, что представляет собой все-таки сумму в полмиллиарда долларов, но поставил одно условие. По-видимому, он попросил Саркози использовать свое влияние, для того чтобы вытащить из коррупционного скандала в Бельгии, в очередной раз связанного с кампанией Tractebel, могущественную казахстанскую тройку, о которой я уже многократно рассказывал в этой книге: Патоха Шодиева, Александра Машкевича и Алиджана Ибрагимова.

Похоже, что французский президент это условие выполнил. Когда эта тройка завязла в судебном расследовании, бельгийский парламент в апреле 2011 года спешно принял закон, который позволяет избежать судебного процесса посредством денежного урегулирования. Этим правовым актом допускается финансовая сделка с правосудием даже в ходе судебного процесса или после приговора, когда дело направляется

на апелляцию. Своевременно принятый закон и позволил Шодиеву, самому богатому человеку в Бельгии, и двум его компаньонам немедленно прекратить судебное преследование против них за 23 миллиона евро. Как это просто: поскольку бельгийское правосудие не продается, можно просто поменять законодательство!

Эрве Лифран, журналист из *Canard Enchaîné*, написал, что активное участие в этой истории принял вице-президент бельгийского Сената Арман Де Декер, который выдвинул данный законопроект, действуя по просьбе Клода Геана, бывшего генерального секретаря Елисейского дворца, а затем министра внутренних дел при Саркози. Журналист утверждает, что он получил доступ к обширной переписке между дипломатическим советником Саркози по Средней Азии, Клодом Геаном, и адвокатами казахстанской тройки. Ну уж а выводы он сделал сам. И официального опровержения не последовало. Во всяком случае, контракт на покупку французских вертолетов был подписан Назарбаевым через несколько дней после принятия закона...

Отметим, что Арман Де Декер, видный политический деятель Бельгии, мэр брюссельской коммуны Уккле, приказал 18 декабря 2012 года разогнать демонстрацию казахстанской диаспоры перед посольством Казахстана в Брюсселе, которая отмечала годовщину трагедии в Жанаозене и призывала режим Назарбаева помиловать осужденных. Полагаю, что такое поведение в комментариях не нуждается.

Международное лобби Назарбаева

Для продвижения своего имиджа казахстанский режим использует армию лоббистов в различных странах, особенно в США и Европе.

Я уже говорил об Александре Мирчеве, главном советнике Назарбаева по экономическим вопросам. За десятки миллионов долларов этот консультант и могущественный американский лоббист болгарского происхождения со скандальной репутацией⁸¹ организовал кампании в

⁸¹ См., например, <http://camonitor.com/archives/789> или еще: <http://www.taszhargan.info/> Кремлевская ответная любовь

западной прессе и среди американских парламентариев, чтобы заставить их забыть о «Казахгейте». Но Мирчев далеко не один. Гораздо более знаменитые, чем он, личности не гнушаются оказывать услуги казахстанскому президенту. Среди них бывший британский премьер-министр Тони Блэр, услуги которого, согласно газете The Telegraph, вознаграждаются ежегодной зарплатой в размере 8 миллионов фунтов стерлингов. После насильственной смерти своего многолетнего «друга», полковника Муаммара Каддафи, Блэр официально согласился работать на казахстанского автократа. Обладая связями с сильными мира сего, Блэр познакомился с ним в 2000 году. Сегодня он систематически, при всяком удобном случае восхваляет «свершения» Казахстана. После ухода с Даунинг-стрит в 2007 году он заработал своими действиями лоббиста и консультанта около 50 миллионов фунтов стерлингов.

Особенно активно и влиятельно лобби Назарбаева в Швейцарии. Среди прочих заметны несколько «птиц высокого полета», вроде Аманжола Жанкулиева, сотрудника разведки и дипломата, который был послом в Швейцарии и Ватикане и представлял Казахстан во многих международных организациях в Женеве в 2008–2009 годах, а затем был назначен директором Службы внешней разведки Казахстана.

К этому кругу принадлежит и такой видный персонаж, как Касым-Жомарт Токаев. Этот бывший премьер-министр, министр иностранных дел и президент Сената Казахстана также имел свой час международной славы. В 2008 году он был избран вице-президентом Парламентской ассамблеи ОБСЕ, а в марте 2011 года назначен заместителем Генерального секретаря ООН, генеральным директором представительства ООН в Женеве и генеральным секретарем Конференции по разоружению. Это ему Назарбаев доверил, параллельно с «работой» Мирчева, задачу «загасить» «Казахгейт» посредством политического и экономического давления вместе с материальным «стимулированием». Ему доверяются и другие деликатные поручения. В 2002–2003 годах он неоднократно ездил в Швейцарию для конфиденциальных переговоров со швейцарскими властями.

Нельзя забывать и о Канате Саудабаеве, близком друге казахстанского президента. Этот бывший директор цирка сделал головокружительную

карьеру, занимая поочередно посты министра иностранных дел, главы президентской администрации, посла в США, Госсекретаря и даже председателя ОБСЕ! Проявив свои таланты в Америке рядом с Александром Мирчевым, Саудабаев отныне занимается «деликатными» вопросами в Швейцарии, такими как активы Тимура Кулибаева и его жены Динары, замороженные в швейцарских банках.

Десятки других персонажей (довольно многие из них живут в Женеве) служат интересам семьи Назарбаевых⁸². Я не могу и не хочу обвинять швейцарские власти в том, что это разветвленное лобби повлияло на них при рассмотрении моего досье. Но прошение о предоставлении политического убежища, которое мы с Лейлой подали практически два года назад, до сих пор не рассмотрено. Более того, в октябре 2012 года, когда Лейла и я уже четыре года прожили в Женеве, городская прокуратура начала расследование об «отмывании» моей семьей денег, тем самым откликнувшись на запрос Казахстана о сотрудничестве в правовой области. Вероятно, тут играет роль тот факт, что в швейцарских банках слишком много казахстанских денег, чтобы пренебречь давлением со стороны Астаны. Говоря по правде, я не могу исключить этой гипотезы.

Подозрительная смерть моего племянника

Обвинение в «отмывании» денег – это абсурд: мы с Лейлой вполне обеспечены благодаря таланту моей жены, которая, после неудачи с общественным телевидением в первой половине 1990-х годов, занялась бизнесом, в частности импортом в Казахстан предметов роскоши. Наш сын Ильяс, который в Швейцарии прошел почти все школьное обучение и учился в университете, унаследовал от нее предпринимательскую жилку, став на своей новой родине уважаемым и преуспевающим молодым девелопером. Что же мы можем отмывать, если наши доходы всегда были абсолютно законными?

Поскольку обвинения казахстанского режима против меня не возымели эффекта, а все четыре поколения моей семьи отныне проживают в

⁸² Подробный список приведен на моем сайте в материале от 21.05.2013.

Швейцарии, в безопасности, какое еще средство может найти окружение Назарбаева, чтобы вынудить меня вернуться в Казахстан и заключить в тюрьму?

9 апреля 2013 года мне позвонила моя сестра, живущая в Усть-Каменогорске. Она рассказала о смерти при странных обстоятельствах, в возрасте 37 лет, моего племянника Дмитрия Стряпчева, отца двоих детей. Он работал на энергетическом предприятии, принадлежащем Тимуру Кулибаеву, но был уволен – исключительно из-за наших родственных связей. Накануне, – рассказала мне сестра, – его тело было обнаружено в гараже, где он держал свою машину. Несмотря на проведение судебно-медицинской экспертизы, в свидетельстве о смерти причина смерти указана не была. Вдове не удалось получить от полиции никаких подробностей. Десять дней спустя ей внезапно сообщили, что Дмитрий был найден с «веревкой на шее». Но кто затянул узел? Ясно одно: это не было самоубийством. Дмитрий не был в депрессии и только что подписал новый контракт о трудоустройстве.

Можно ли тогда рассматривать гипотезу об убийстве? Если да, то могли ли это сделать секретные казахстанские службы? И по какой причине? Чтобы меня запугать и заставить замолчать? Или власти надеялись, что я инкогнито приеду на похороны моего бедного племянника и они смогут меня арестовать? Иногда я говорю себе, что живу, как будто в плохом детективе. Однако эта гипотеза, к сожалению, не так уж и нелепа. Я вспоминаю старую историю об убийстве племянника моего бывшего руководителя в мэрии Алматы Заманбека Нуркадилова. Вот что он написал в 2004 году в открытом письме, адресованном президенту Назарбаеву: *«В ноябре 1994 года, после того как Вы отстранили меня от должности мэра Алматы, и я решил баллотироваться кандидатом в депутаты Мажилиса, в дорожно-транспортном происшествии погибает мой родной племянник – Алмас Молдабеков. Его смерть правоохранительные органы связали с несчастным случаем, хотя я уверен, что его убили. Вероятнее всего, это был сигнал, поданный лично мне».*

Действительно, тело молодого человека, найденного на краю дороги, было покрыто синяками и ранами, но его майка не носила никаких следов

крови или грязи, как если бы ее надели уже после смерти. Я вспоминаю также, что Нуркадилов пытался тогда объяснить это председателю КНБ Казахстана, тщетно требуя расследования. Почему же не предположить, что со мной случилась сходная история, почти двадцать лет спустя?

Я уже говорил о ликвидации двух противников режима Назарбаева – Заманбека Нуркадилова и Алтынбека Сарсенбаева⁸³. Это наиболее широко известные случаи, но далеко не единственные. Многие другие оппозиционеры, включая журналистов, были убиты или умерли при загадочных обстоятельствах. В письме Назарбаеву, датированном 22 июля 2004 года⁸⁴, отрывок из которого я приводил выше, Нуркадилов говорил о многих «странных» случаях, в том числе о смерти в июле 2004 года Асхата Шарипжанова, журналиста информационного интернет-сайта «Навигатор». Накануне «аварии» этот журналист брал интервью у Нуркадилова и Сарсенбаева и сообщил в свою редакцию, что интервью будут «сенсационными». По словам его матери, у него был с собой диктофон, на который он записал интервью, когда его сбила машина на пешеходном переходе. Однако полиция заявила, что диктофон найден не был. И кто-то стер запись этих двух интервью на жестком диске его компьютера в редакции... А за рулем автомобиля, который сбил Асхата, «совершенно случайно» оказался сержант полиции.

Я приведу также два недавних случая. В Уральске 19 апреля 2012 года пятеро неизвестных напали на молодого журналиста местной газеты, лидера протестного движения «Несогласные» Лукпана Ахмедьярова. Он получил шесть ножевых ударов, совсем близко от сердца, и две пули в голову. Ахмедьяров чудом выжил. Пять человек были арестованы, но нет никакой уверенности в том, что речь идет об истинных виновниках этого нападения.

Второй случай произошел с Александром Боженко, свидетелем на процессе забастовщиков Жанаозена, который оспорил свои показания в зале суда, заявив, что они были получены под пытками. На суде этот 23-летний рабочий рассказал душераздирающие подробности о пытках,

⁸³ См. главу VI.

⁸⁴ См. <http://www.kub.info/article.php?sid=6425>

которым он подвергся. По его словам, мучители сказали ему, что приказ применить пытки для получения «нужных» показаний исходит лично от самого президента. Александр был убит «хулиганами» 11 октября 2012 года.

Трагедия семьи Аблязовых

Последние два года были особенно тяжелыми для семьи Аблязовых, с которыми мы породнились в связи с браком моего сына. Как я уже упоминал, Мухтар Аблязов в июле 2011 года получил политическое убежище в Великобритании, но ему не довелось долго пользоваться британским гостеприимством. В то время как эта страна никогда не тревожила таких известных скандальных фигур, как покойный Борис Березовский, русский олигарх, объявленный заклятым врагом российского режима, весь гнев британского правосудия внезапно обрушился на отца моей снохи.

Как утверждает банк БТА, который был отобран у Аблязова государством, Аблязов якобы присвоил около шести миллиардов долларов. Казахстан, Россия и Украина обратились в Интерпол, требуя его ареста, и британский судья Уильям Блэр, еще до того как прошло расследование дела в Великобритании, поторопился заморозить все активы Аблязова начиная с 2009 года. Является ли простым совпадением то, что этот судья – старший брат Тони Блэра, бывшего британского премьер-министра, который теперь более чем прилично зарабатывает на жизнь в качестве советника президента Назарбаева? Как бы то ни было, это абсолютно беспрецедентное решение!

Далее, БТА обратился в Верховный суд Лондона, обвинив Мухтара Аблязова в утаивании от правосудия некоторых активов. Со своей стороны, Аблязов утверждает, что, прежде чем предоставить требуемые сведения, он попросил у суда гарантий безопасности для людей, которые управляли этими активами. Не получив таких гарантий, и даже наоборот, получив конфиденциальную информацию от Лондонской городской полиции о том, что его жизнь в Великобритании подвергается опасности, Аблязов спешно покинул Англию.

Все мы воспитывались в уважении к правосудию, но, если честно, в случае с Мухтаром британское правосудие пошло по несправедливой тропе. В самом деле, хотя речь идет о гражданском, а не об уголовном иске против Аблязова, он был приговорен в феврале 2012 года судьей Найджелом Тиром к двадцати двум месяцам тюремного заключения за «неуважение к суду». Это беспрецедентно суровое наказание, к тому же провозглашенное в отсутствие обвиняемого. Краткий поиск в Интернете позволил мне обнаружить, что Найджел Тир и Уильям Блэр хорошо друг друга знают. В 2005 году, перед президентскими выборами в Казахстане, посольство Казахстана в Великобритании пригласило делегацию специально отобранных влиятельных лиц посетить страну для так называемого наблюдения за выборами (их пребывание было полностью оплачено). Эти двое судей участвовали в поездке и вместе с остальной делегацией пришли к заключению, что организованные в Казахстане президентские выборы полностью отвечают требованиям ОБСЕ. О чем тут говорить?

Для Аблязова, его жены Алмы и шестилетней дочери Алуа начинается период скитаний из одной страны в другую, с паспортами Центральноафриканской республики. Немногим более года им удается отделяться от ищеек, посланных Астаной. Трагедия происходит в конце мая 2013 года в Риме. Частные детективы 26 мая обнаруживают человека, похожего на Аблязова, возле виллы в Казал-Палокко, престижном предместье к югу от итальянской столицы. На следующий день посол Казахстана в Риме Андриан Елемесов наносит визит в Министерство внутренних дел Италии. Его принимает глава кабинета министра Джулиано Прокаччини, которого он просит задержать и депортировать «опасного человека», разыскиваемого его страной. Прокаччини подчиняется и приводит в действие Римскую префектуру и ее мобильную бригаду.

29 мая вскоре после полуночи, около тридцати одетых в черное людей врываются на виллу, где в течение многих месяцев жили Алма и Алуа. Снаружи их ждут еще человек двадцать. В показаниях, полученных адвокатом Алмы и опубликованных в Financial Times, она рассказывает о своем аресте: «У меня было чувство, что они пришли нас убивать, без суда, и что никто ничего не узнает». Эти люди переворачивают все в доме вверх

дном, но Аблязова не находят. Зато они обнаруживают семью сестры Алмы, которая приехала навестить родственников и провела ночь на вилле. Грубые и злобные, итальянские спецназовцы избивают зятя Алмы и обзывают ее саму «русской шлюхой», а затем уводят ее в изолятор для нелегальных иммигрантов, где держат в течение двух дней.

Алма требует свидания с адвокатом и переводчика и несколько раз пытается просить политического убежища, утверждая, что ее жизнь в опасности. «Слишком поздно», отвечают полицейские, которые отказывают ей в свидании с адвокатом и спешно готовятся к ее депортации. Причина? Официально Алма обвиняется в том, что имеет фальшивый паспорт Центральноафриканской республики. Ее адвокат 31 мая представляет в суде доказательства подлинности паспорта. Но это ничего не меняет, потому что приказ о депортации уже подписан. В тот же день Алму и ее дочь, родившуюся в Великобритании, сажают в самолет, зафрахтованный казахстанскими властями. В Казахстане, под домашним арестом, они становятся заложницами режима.

В Италии эта история получает огласку и вызывает огромный политический скандал. Эмма Бонино, министр иностранных дел, в прошлом одна из ключевых фигур Радикальной транснациональной партии, известной своей защитой прав человека повсюду в мире, требует объяснений от министра внутренних дел Джузеппе Альфано, который заявляет, что был не в курсе этой высылки. Уточним, что Альфано – второе лицо правоцентристской партии Сильвио Берлускони, Партии свободы. На практике именно он руководит партией. А Берлускони, так же как Саркози, поддерживал тесные и дружеские связи с Назарбаевым, пока руководил Италией.

Итальянские левые, пресса и общественное мнение были настолько взволнованы судьбой Алмы и ее дочери, что потребовали отставки министра, что повлекло бы за собой падение коалиционного правительства. Но так как прямых улик против Альфано не было обнаружено, всю ответственность взял на себя руководитель его кабинета Прокаччини, тогда как он явно не мог принять решение такого масштаба, противоречащее европейскому законодательству, без консультации в высших эшелонах власти. Впоследствии Прокаччини подтвердил, что поручение принять посла Казахстана в Италии и выполнить его пожелания было ему дано не кем иным, как самим министром.

Под давлением оппозиции председатель Итальянского совета Энрико Летта потребовал начать расследование в связи с депортацией Алмы. Чтобы приглушить скандал, Прокаччини к середине июля ушел в отставку, в то время как итальянское правительство осудило процессуальные ошибки и аннулировало высылку Алмы. Что касается девочки, то приказа о ее депортации вообще не было. В коммюнике кабинета Энрико Летта говорится: *«Было грубой ошибкой не информировать правительство обо всем объеме процедуры, которая с самого начала носила необычные элементы и характеристики»*.

Итальянское правительство еще летом 2013 года заявило, что супруга и дочь Мухтара Аблязова могут, если пожелают, вернуться в Италию. Но Алма, которая уже находилась в доме своей семьи в Алматы, получила распоряжение властей не покидать город: в течение нескольких месяцев казахстанское правосудие искало поводы для ее осуждения, выдвигая абсурдные обвинения. Между тем Назарбаев побывал в середине июля в Сардинии, на отдыхе, по приглашению своего друга Берлускони...

Политический скандал в Италии в связи с насильственным отъездом Алмы и маленькой Алуа не утих даже осенью. Две итальянские политические партии заявили о нарушениях в ходе проведения процедуры депортации. Прокуратура Рима начала расследование обстоятельств странного поведения итальянских блюстителей порядка. Одноклассники Алуа и их родители сделали видеоролик, в котором они обращаются к министру иностранных дел Италии, Эмме Бонино, с просьбой сделать все необходимое, чтобы вернуть им девочку. *«Алуа, мы скучаем по тебе, возвращайся скорее!»*, говорят ее школьные друзья⁸⁵. Незаконное поведение итальянской полиции стало предметом громкого обсуждения в итальянских СМИ, включая телевидение. Вероятно, именно эта скандальная ситуация, подрывавшая имидж Казахстана в Италии, побудила казахстанские власти резко сменить тактику. В декабре 2013 года Алме и Алуа было в одночасье позволено покинуть страну, правда, под залог их дома. После их прилета и встречи с журналистами в аэропорту, Алма Шалабаева была приглашена в МИД Италии. Эмма Бонино лично приветствовала маму с детьми. Фотография, на которой Бонино обнимает Алму и гладит по головке Алуа, появилась в интернете. Но на этом сага об Аблязове отнюдь не закончилась. Наиболее трагичный ее эпизод развернулся и продолжает развиваться во Франции. Мухтар

⁸⁵ Этот фильм можно видеть на сайте <http://news.nur.kz/281642.html>

Аблязов 31 июля 2013 года был арестован в Муан-Сарту, маленьком городке, расположенном между Каннами и Грассом, где он снимал большую виллу с парком. Как рассказывает Le Monde, французская полиция провела спецоперацию с использованием значительных ресурсов: прежде всего была произведена разведка с самолета, чтобы выявить вероятное присутствие вооруженных охранников, а затем спецназ, прибывший на бронетранспортерах, при поддержке вертолета вломился на виллу, чтобы задержать Аблязова, который, разумеется, не оказал никакого сопротивления.

Чтобы выследить Аблязова, БТА обратился к израильским частным детективам. Некоторые источники утверждают, что Аблязов был обнаружен благодаря перехвату его разговоров с сестрой. Но британская пресса представила другую версию этого невероятного ареста: The Telegraph, а за ней и другие газеты, The Independent и The Guardian, принялись наперебой рассказывать о том, что выследили Аблязова благодаря красивой блондинке, Елене Тищенко. Не заботясь о достоверности, газеты намекают на то, что этот украинский адвокат, мать четверых детей, которая представляет в Великобритании интересы Аблязова, вылетела из Лондона в Ниццу на свидание со своим клиентом, но отнюдь не по профессиональным причинам. Речь явно идет о попытке дискредитировать Мухтара: вот как он себя ведет, пока его жена и дочь томятся в Алматы. Похоже, что у истоков этих «откровений» лежит крупное PR-агентство Portland. А главой Portland является не кто иной, как Тим Аллан, бывший политтехнолог Тони Блэра. Так что опять круг замкнулся.

Но вернемся к судьбе Аблязова. По решению французского судьи он содержится с момента ареста в заключении в следственном изоляторе Люин, в департаменте Буш-дю-Рон. Разыскиваемый Интерполом по требованию Казахстана, России и Украины, он рискует быть высланным на Украину или в Россию, потому что Казахстан не имеет договора с Францией об экстрадиции.

Целый ряд престижных неправительственных организаций, таких как Amnesty International или Human Right Watch, французские правозащитные

организации, такие как АСАТ⁸⁶, а также казахстанские защитники прав человека призывают французские власти не экстрадировать Мухтара Аблязова, который подвергается большой опасности, если его отправят на Украину или в Россию. В защиту Аблязова выступили такие известные личности как чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров и французский философ Андре Глюксман.

Однако их голоса не были услышаны. Французское правосудие не должно было решать, обоснованы ли обвинения против Аблязова с российской или украинской стороны. Соглашения об экстрадиции этого не предполагают. Французское правосудие должно было ответить на несколько вопросов совсем иного порядка. Будет ли обеспечено объективное разбирательство дела Аблязова в украинском или российском суде? Не подвергнется ли Аблязов пыткам или избиениям (что также является формой пытки) в тюрьме и в лагере? Не будет ли он, после того как окажется в России или в Украине, выдан затем казахстанским властям, в силу существующих между ними соглашений, в частности Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом?⁸⁷

Для любого объективного наблюдателя совершенно очевидно, что на все три вопроса ответы могут быть только отрицательными. В делах явно политического характера как российское, так и украинское правосудие руководствуются «телефонным правом», то есть принимают решение «по звонку» от властей. Достаточно вспомнить о десятилетнем преследовании Михаила Ходорковского и Платона Лебедева в России и о судьбе бывшего украинского премьер-министра Юлии Тимошенко, которая отбывает в настоящее время многолетнее тюремное наказание за «превышение полномочий» при подписании газового контракта с Россией.

Практика избиений, различного рода лишений, психологической пытки, шантажа во время предварительного следствия и по месту отбывания наказания является просто нормой как в Украине, так и в России. На эту

⁸⁶ Сокращение для l'Action des chrétiens pour l'abolition de la torture (в переводе «Выступление христиан за отмену пыток»). Речь идет об организации, которая собирает свидетельства о применении пыток в разных странах мира и борется за отмену этой средневековой практики.

⁸⁷ Подробнее на эту тему см. очень четкую статью Елены Рябининой <http://www.hrights.ru/text/b27/Chapter4%203.htm>

тему существует так много свидетельств, что просто не знаешь, какое процитировать. В Украине в 2011 году около миллиона украинцев пострадали от полицейского произвола, а пытки и избиения в участках приняли там в последние годы массовый характер, заканчиваясь иногда инвалидностью или даже летальным исходом⁸⁸. Отнюдь не лучше и положение в России. В конце 2012 года эксперты десяти российских НПО представили в Женеве, в рамках 49-й сессии исполнительного органа ООН, альтернативный доклад о соблюдении Россией Конвенции против пыток и жестокого обращения. По получении этого доклада *Комитет ООН против пыток раскритиковал Россию за неспособность расследовать обвинения в пытках и гонениях на правозащитников и журналистов*⁸⁹. Ну а если говорить конкретно, то достаточно вспомнить историю *Сергея Магнитского, юриста-аудитора, погибшего в 2009 году в предварительном заключении в московской тюрьме, в результате пыток и неоказания медицинской помощи, последовавших за его отказом на донос на работодателя.*

Что же касается возможности выдачи Аблязова в Казахстан, как не вспомнить о том, что режим Назарбаева обвиняет его в организации беспорядков в Жанаозене? Обвинение это не случайно – если он окажется в России, к нему запросто может быть применена уже упомянутая Шанхайская конвенция. А что может ожидать в Казахстане главного политического оппонента Аблязова, представить себе, увы, нетрудно. Достаточно вспомнить о том, что Мухтар пережил во время своего заключения в 2002-2003 годах. Позволю себе процитировать несколько отрывков из его воспоминаний, которые недавно были опубликованы его дочерью Мадриной. Речь идет о пребывании Аблязова на «красной зоне» в январе 2003 года:

«Я знал, что везут меня в Державинку, и понимал, что везут убивать. Страх не было. Я уже был опытный арестант: три тюрьмы, зона, штрафной изолятор, четырнадцать суток голодовки, нападения. Девять месяцев непрерывного прессинга. Я принимал жизнь такой, какой она была, и свыкся с мыслью о том, что могу быть убит в любую

⁸⁸ См. на эту тему статью авторитетного украинского агентства: <http://rus.newsru.ua/ukraine/14mar2012/milicjaa.html>

⁸⁹ Подробнее: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/11/24/1062924.html>

секунду. За решёткой человеческая жизнь не представляет особой ценности. За несколько месяцев я видел, как зэки вскрывали себе вены, вспарывали животы, перерезали горло. Когда человек находится под постоянным давлением, унижениями, пытками, он легко прощается с жизнью».

«Начальник зоны Ахметов имел высоких покровителей в Астане. Сколько людей он лично убивал, пытал, а ему всё сходило с рук. Такие, как он, профессиональные палачи нужны были системе. Я был подготовлен, что при выходе из автозака должна стоять шеренга зэков – встречающих. И нужно бежать вдоль этой шеренги, а тебя будут бить цепями, палками, дубинками с гвоздями. Так встречали в красной зоне. С первых шагов ломали, принуждали к покорности. Атмосфера в автозаке была настолько зловещей, что кто-то из зэков встревоженно спросил, куда нас везут. «Добро пожаловать в ад», – сказал охранник и гомерически захохотал».

«Затем они отвели меня в большую комнату, сняли очки и начали одновременно бить с разных сторон. Особенно мастерски орудовал бывший старший лейтенант Саша, попавший за пытки в отделение милиции. Они с двух сторон держали меня за руки, я был как бы распятым. Саша и ногами бил меня по всему телу, в грудь, в живот. Просто работал как машина.

Сначала мне было очень больно. Я пытался прикрываться локтями, но на меня навалились и полностью лишили возможности сопротивляться. Саша вместе с ещё несколькими зэками из сектора правопорядка начали наносить удары ногами, кулаками. Я был как настоящая тренировочная груша. Через какое то время боль прошла. Я умер. Меня нет. Мне не больно. Я как бы отделился от своего тела и сверху наблюдал, как молотят мое тело. С ожесточением.

Затем они взяли обездвиженное тело, начали подбрасывать вверх и ронять на пол. Мне не было больно. Меня не было. Это было просто тело. Но меня в этом теле не было – я стоял в стороне. Потом они, устав кидать меня вверх, долго пинали. Мне опять не было больно. Правда, с меня бежал почему-то пот ручьями. Мне было жарко, но мне

не было больно. Но потом Виталий наступил ботинком на мое лицо и начал придавливать ногой. Я видел это как будто со стороны, но ботинок на лице я почему-то ощущал отчетливо. Я и сейчас помню этот ботинок».

«Среди ночи я решил пойти в туалет и не смог встать. Тело было парализовано. Я скатился с кровати и дополз до туалета. Там мне на помощь пришёл ночной дежурный. Моча была красная от крови. Видимо, активисты отбили почки и внутренние органы. Самое трудное и унижительное было в том, что я не мог присесть. Колени не сгибались. Попытка присесть вызывала дикие боли»⁹⁰.

Поразительный факт, но французский суд не услышал этих сильнейших аргументов. Согласно решению от 9 января 2014 года, он должен быть экстрадирован в Украину либо в Россию, причем предпочтение французские магистраты отдали России, которая как раз и подписала с Казахстаном и другими членами ШОС соглашения, позволяющие выдачу Аблязова. Правда, у отца моей невестки остались еще перспективы обжаловать это решение в кассационном суде, а затем решение по этому вопросу должно будет принять французское правительство.

Сумеет ли социалистическое правительство отказаться от политики кумовства, характерной для эры Саркози? Вся наша семья на это надеется, но уверенности в этом нет. Интересы многих крупных промышленных французских компаний, которые имеют дело с казахстанским режимом, таких как Areva, EADS, Total, Alstom, GDF Suez, не изменились со сменой правящего большинства. 27 октября 2010 года Нурсултан Назарбаев был без огласки принят Николя Саркози в Елисейском дворце, перед встречей с самыми крупными французскими промышленниками на приеме в Отель д'Эвре на Вандомской площади. Он снова побывал в Париже с кратким визитом 19 сентября 2011 года, но этот визит не был вписан в официальный протокол. А 21 ноября 2012 года Назарбаев был столь же негласно принят в Елисейском дворце уже его новым хозяином, Франсуа Олландом, прежде чем еще раз встретиться с крупными французскими промышленниками. Наконец, 1 марта 2013 года Лоран Фабиус, министр

⁹⁰ Эти записки были опубликованы на ряде сайтов, в частности <http://ablyazov.org/zdesj-lomayut-vseh-ilyubogo.htm>

иностранных дел Франции, был принят Назарбаевым в Астане. Прибыв с делегацией из десятка крупных бизнесменов, Фабиус в своем обращении к прессе упомянул о превосходном взаимопонимании между двумя странами в вопросах международной политики, о крупных промышленных сделках и даже о франко-казахстанских «Культурных сезонах». 2014 год объявлен Годом Казахстана во Франции. Только права человека не были упомянуты. Очевидно, что Франсуа Олланд, как перед ним Николя Саркози, не имел намерения «давать уроки» казахстанскому руководству.

Франция переживает серьезный экономический кризис. Можно поэтому задаться вопросом, не лежит ли сердечное согласие между Парижем и Астаной, основанное на торговых интересах, в основе необычного рвения французской полиции и французского правосудия в отношении самого знаменитого политического противника Назарбаева? В конце концов, Аблязов, который обладает статусом политического беженца в Великобритании, не нарушил никаких французских законов. Неужели Франция так близко принимает к сердцу жалобы коррумпированных казахстанских, российских или украинских властей, что осуществила затратную полицейскую операцию с участием самолета, вертолета и бронемашин, в эпоху бюджетных ограничений? Почему Франция упорно держит в тюрьме Аблязова, раз она провела реформу, заменяющую тюремное наказание иными видами надзора для значительной части правонарушителей? Почему прокурор настолько злобствует (иного слова не подберешь) в отношении Мухтара, что ему было неоднократно отказано даже в визите двенадцатилетнего сына, в то время пока Алма и малышка томились в Алматы?

Рано или поздно вся правда выйдет наружу!

Печальный итог

Политическое долголетие Нурсултана Назарбаева ставит его в один ряд с Иосифом Сталиным, Леонидом Брежневым, генералом Франко, Мао Цзедуном, Саддамом Хусейном, Муаммаром Каддафи и другими

диктаторами. Какой итог можно подвести этому затянувшемуся на двадцать лет президентству?

Как заметил оппозиционный журналист Мухамеджан Адилев, Назарбаев может похвастаться главным образом двумя «успехами». Первый – это то, что он «преобразовал» Казахстан, страну, унаследовавшую от советского прошлого развитую тяжелую промышленность и процветающее сельское хозяйство, в государство, «подсевшее» на нефтяную и газовую иглу, тогда как остальная экономика оказалась брошенной. И второй – он до такой степени вытоптал политическое пространство, что на нем уже ничего не растет⁹¹.

Действительно, любые политические фигуры, которые претендовали на независимую роль или переходили в оппозицию, были либо убиты, как Нуркадилов и Сарсенбаев; либо брошены в тюрьмы, как оппозиционер Владимир Козлов или известный правозащитник Евгений Жовтис⁹², не говоря уже о ряде генералов и министров; либо принуждены к изгнанию, как премьер-министр Акежан Кажегельдин, банкир Мухтар Аблязов, бывший зять президента Рахат Алиев⁹³, мэр Павлодарской области Галымжан Жакиянов⁹⁴ или я сам.

Как же охарактеризовать этот режим? Наш великий Казахстан, который по площади занимает девятое место в мире, превратился в личную вотчину президента Назарбаева и его семьи. Глава государства так давно находится у власти, что сумел разместить «доверенных лиц» в каждой области, что позволяет ему контролировать весь бизнес в стране, включая всех олигархов. Его клевреты, которые действуют в спайке с силовыми структурами и финансовой полицией, оказывают давление на

⁹¹ См. . <http://www.respublika-kz.info/news/politics/25295/>

⁹² В 2009 году он был приговорен к четырем годам колонии за убийство человека в ДТП, несмотря на обстоятельства, свидетельствовавшие в его пользу.

⁹³ После попытки государственного переворота в 2001 году Рахат Алиев пробыл несколько лет в Вене в качестве посла Казахстана. В 2007 году режим обвинил его в том, что он захватил и устранил двух руководителей Нурбанка, акционером которого он сам являлся. В отсутствие независимого правосудия невозможно разобраться в том, что же действительно произошло. Став оппозиционером, Алиев опубликовал книгу громких разоблачений о казахстанском режиме («Крестный тест», 2009 год). Он живет в Австрии. Его жена Дарига с ним развелась, явно под давлением отца, и продолжает «блистать» в Астане.

⁹⁴ Жакиянов был среди создателей ДВК (см. главу VI). В 2002 году он был приговорен к семи годам заключения и досрочно освобожден в 2006 году. Он покинул Казахстан в 2008 году.

предпринимателей и угрожают им, вымогая деньги. Принцип прост: нужно делиться с «папой» и его алчным семейством.

Назарбаев имеет своих «доверенных лиц» и за границей, где они обделывают свои темные делишки. Я уже называл нескольких из них в Швейцарии и в Соединенных Штатах. Но мир велик. В Лондоне он прибегает к помощи тройки олигархов, о которых много говорилось в этой книге (Шодиев, Ибрагимов и Машкевич), а также своего зятя Тимура Кулибаева. В Азии он пользуется услугами своего друга корейского происхождения Владимира Кима, самого богатого человека в Казахстане⁹⁵. Чтобы противодействовать исламскому радикализму, растущему в рядах казахстанской молодежи, а также обеспечить неофициальные связи между режимом и некоторыми мусульманскими странами, президент может рассчитывать на своего племянника Кайрата Сатыбалды, одновременно сторонника «чистого ислама» и генерала КНБ, секретаря президентской партии «Нур Отан» и президента движения с исламистским душком «Ак-Орда».

Президент, который некогда воплощал надежды на светлое будущее Казахстана, с годами превратился в раковую опухоль на теле нации, с многочисленными метастазами – членами своей семьи. Его патологический страх потерять власть не дает Казахстану возможности развиваться демократическим путем. Нынешняя власть приносит удовлетворение лишь узкому кругу правящей элиты, которая, однако, должна ежедневно пресмыкаться, чтобы не утратить расположения лидера. Это государство, где все телефонные разговоры, Интернет и другие средства коммуникации находятся под контролем секретных служб и где граждане предпочитают не интересоваться политикой, так как это превратилось в высшей степени опасное занятие. Страна подчинена культуре личности Назарбаева. Когда он в 2010 году стал Лидером нации, показавшись Елбасы, он заставил принять закон, запрещающий его критиковать и публиковать малейшую негативную информацию о нем и о

⁹⁵ Президент и один из главных акционеров корпорации «Казахмыс», которая занимается добычей и обработкой цветных и драгоценных металлов. Член Совета президентской партии «Нур Отан». В 2012 году его личное состояние оценивалось в 3,5 миллиарда долларов.

членах его семьи. Лидер всегда прав, и тех, кто в этом сомневаются, призовут к порядку КНБ и суд.

А народ? Перед последними президентским выборами по государственному телевидению показали фильм о «цветных революциях» на Украине, в Грузии, в Киргизстане⁹⁶. Эти революции, носившие демократический характер (во всяком случае на Украине и в Грузии), были представлены как разгул насилия, оплаченный «за границей», чтобы в конце прозвучал риторический вопрос: «Вы хотите подобного сценария?» Фильм, естественно, предполагал ответ «нет» – пропаганда занимается массовой промывкой мозгов, призывая население объединиться вокруг президента Назарбаева, ниспосланного Провидением человека, воплощающего единственную силу, способную противостоять хаосу. Та же демагогия, что в путинской России или в Белоруссии при Лукашенко, не говоря уже об Узбекистане Каримова!

⁹⁶ В постсоветский период в Киргизстане было две революции: в 2005 и в 2010 годах.

Удалить «раковую опухоль»

В марте 2004 года Заманбек Нуркадилов дал в Алматы памятную пресс-конференцию, где он сказал о Назарбаеве следующее: *«Мы действительно знакомы с этим человеком 25 лет. Мне он не родственник, он на четыре года старше меня, почти на 3,5 года. Когда с человеком сближаешься, когда...делишься впечатлениями о планах, о будущем, становишься одним из близких людей. У нас с ним, скорее всего, наверное, была человеческая близость. Мы не только делились, мы спорили, мы не соглашались друг с другом по тем или иным вопросам. Ссорились, бывало, доходило до мужицких крепких слов. Потом мы мирились, обнимались... Но, несмотря на это, ... [я] считал себя каким-то обязанным перед старшим человеком – менталитет наш таков.... Много было вопросов, которые я черпал из тех источников, людей, которые ко мне ходили – от интеллигенции, простого народа – тех людей, которые не могли, допустим, высказывать то, что народ думает, правильно, неправильно, субъективно, объективно, касающееся одного человека, его государственного масштаба. Все это ему высказывал. Казалось, все делалось что-то. Я успокаивался на определенное время. Потом еще с большей силой ошибки за ошибками, все уходило вглубь. Последние встречи проходили в Астане, в августе он пригласил на конные скачки в честь Дня Конституции. Мы там час с лишним переговорили. Этот человек – очень талантливый человек,*

Богом дарованный талант. Он все понимает без комментариев. И я окончательно убедился, что этот человек неисправим...»⁹⁷.

Этот рассказ моего бывшего руководителя, моего дорогого Заманбека, как нельзя лучше обобщает мои собственные отношения с президентом Назарбаевым. Как и Заманбек, я был уже активен в течение многих лет в качестве политического деятеля и управленца высокого ранга в момент, когда Назарбаев пришел к власти в республике. Как и Заманбек, я долгое время уважал Назарбаева, человека харизматического и к тому же старше меня. Как и Заманбек, я всегда был близок к людям и их проблемам. Работа на всех должностях, которые я занимал за время моей карьеры, была необходимы людям, и я испытывал большое удовлетворение от тех реформ и инноваций, которые я претворял в жизнь. Я никогда не был замешан в махинациях клана Назарбаева, но мне понадобилось некоторое время – как и Заманбеку, – чтобы понять, что Назарбаев – диктатор, который никогда не сойдет с этого пути, который наносит вред своей стране и попросту её обворовывает. Когда Заманбек это понял, он заплатил за это своей жизнью. Мне же удалось вовремя покинуть Казахстан.

В своем изгнании я мечтаю только об одном: вернуться в Казахстан, избавленный от этого пережившего свой век диктатора. Буду ли я иметь этот шанс? Пока что протестные движения еще слабы: едва их лидеры делают какой-то жест, как оказываются в застенках КНБ, где умеют сломить любое сопротивление. Но число недовольных растет и скоро достигнет критической массы. Рано или поздно социальный взрыв неизбежен, как показали Жанаозен и другие недавние забастовки.

В январе 1917 года Ленин, находившийся в эмиграции в Европе, заявил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». На самом деле, до падения российской монархии оставался какой-нибудь месяц и меньше года – до большевистской революции. Таким же образом, революции во многих арабских странах, если ограничиться только этим примером, вызвали огромное удивление во всем мире.

⁹⁷ Полный текст см. <http://www.freecas.org/?nid=2621>

Какое будущее ожидает Казахстан? Как и некоторые другие, я думаю, что нужно позволить президенту Назарбаеву покинуть страну. Но финансовые ресурсы, полученные преступным путем, в результате коррупции, должны быть изъяты у «семьи» и других членов правящей касты и направлены на строительство больниц, школ, детских садов, жилья для молодых семей. Это единственная возможность избежать кровавого исхода. Общество слишком настрадалось, скопилось слишком много ненависти к правящей элите, которая его угнетала в течение двадцати лет.

Как только эта «раковая опухоль» будет удалена из тела нации, в Казахстане сможет наконец развиваться гражданское общество, появится свободная пресса, возникнет нормальный политический режим, предусматривающий сменяемость власти. По опыту я знаю, что мой народ на это способен. Все годы своей карьеры, на всех занимаемых мною должностях я опирался на образованных людей, замечательных специалистов, верных соратников, которые разделяли мои идеи и действовали вместе со мной. Я не называю их имен, чтобы не подвергнуть их мести со стороны режима, но всем им я глубоко благодарен. Как и я сам, эти люди – выходцы из народа. Прекрасного народа, который сумеет взять свою судьбу в свои руки .

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько мыслей о будущем Казахстана

Я подвел в этой книге итог царствования Назарбаева и узаконенного грабежа богатств моей страны, потому что меня волнует ее будущее. В очень схематичной форме я хотел бы перечислить здесь несколько основных реформ, которые мне кажутся необходимыми.

I. Глубокие реформы в области политической жизни

1. Пересмотр Главного закона Казахстана, Конституции, из которой необходимо исключить изменения, внесенные в Конституцию Казахстана начиная с 1993 года с единственной целью создать условия неограниченной и бессрочной власти одного лишь человека, Нурсултана Назарбаева. Нужно отменить титул Первого президента, обладающего ненадлежащими привилегиями, и титул Лидера нации.
2. Обеспечить реальное разделение и независимость трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной.
3. Перейти от президентской республики к смешанной форме правления, усилив роль парламента, чтобы создать более равновесную систему власти.

4. Обеспечить децентрализацию, а также экономическую и финансовую независимость местных властей.

5. Организовать парламентские выборы, вернувшись к системе одномандатных округов, чтобы усилить ответственность каждого депутата парламента перед избирателями.

6. Провести выборы губернаторов областей, мэров городов всех уровней.

7. Организовать выборы в региональные и местные парламенты (маслихаты), обладающие представительскими полномочиями. Обеспечить их постоянное функционирование. Только народ и его избранные представители должны управлять на всех уровнях, а не преступный клан Назарбаева, который грабил и душил страну в течение двадцати лет.

II. Реформы в области экономики

Политические реформы обретут смысл только в рамках реформы экономической жизни. В этом смысле мне кажутся необходимыми следующие изменения.

1. Обеспечить разделение бюджетов всех уровней и их независимость.

2. Обеспечить прозрачность всех заключенных контрактов на разведку, добычу, переработку и транспортировку природных ресурсов Казахстана, в том числе и углеводородов.

3. Пересмотреть, под народным контролем, все контракты, заключенные на разведку недр, добычу, переработку и транспортировку сырьевых ресурсов. Обязать иностранные и казахстанские компании, обладающие такими контрактами, участвовать в развитии регионов, где они проводят свои операции. Отдавать предпочтение компаниям, которые используют передовые технологии и производят продукцию с высокой добавленной стоимостью.

4. Такая реорганизация экономики позволит стране принимать все меры сильной социальной защиты, как в странах Западной Европы. Казахстан – это богатая страна, и она быстро оправится от этих лет узаконенного грабежа и застоя, если её живые силы будут вносить свой вклад в развитие страны.

III. Превратить Казахстан в демократию

1. После двух десятилетий «промывания мозгов» следует развивать гражданское самосознание. Граждане Казахстана должны понимать, что именно народ страны должен управлять государством и что от активной гражданской позиции каждого члена общества будет зависеть процветание государства.

2. Нужно способствовать созданию гражданского общества, особенно многочисленных ассоциаций. Следует облегчить создание и функционирование НКО по защите прав человека и социальных прав, независимых профсоюзов, женских организаций, и так далее.

3. Необходимо способствовать созданию партий и политических движений всех направлений, признающих демократию. Такие партии, вновь образованные или легализованные после годов запрета, должны заменить те, что были созданы по приказу президента, включая так называемые «оппозиционные» партии. Нужно, чтобы фраза президента: *«В Казахстане нет и никогда не было оппозиции, кроме той, что я сам создал»*, навсегда осталась лишь печальным воспоминанием о прошлом.

4. Следует поддержать создание и возрождение независимых СМИ, уничтоженных режимом Назарбаева. Чтобы больше никогда не звучала фраза, произнесенная президентом на встрече с журналистами и вошедшая в поговорку: *«Вас называют независимыми журналистами, поскольку от вас действительно ничего не зависит»!*

При поддержке других здоровых сил я рассчитываю посвятить следующие годы моей жизни выработке политической и структурной программы,

которая позволит Казахстану перейти от диктатуры с феодальным душком к демократии европейского типа. Я питаю надежду на то, что мой опыт управленца и политического деятеля будет полезен. А пока я каждый день изучаю различные аспекты швейцарской демократии, где общественное мнение представляет собой силу первостепенной важности. Нас ждет долгая работа, так как всё предстоит построить и перестроить. Но я не отчаиваюсь. Да здравствует свободный Казахстан!